

Мелкие врата
и узок путь,
ведущие в жизнь,
и немногие
находят их.
(Мф. 7:13-14)

ГРЕЦИЯ. Метеоры

Фото Виктора Колыбзева

На обложке: Царские врата храма Всех святых, в земле Российской просиявших города Усть-Илимска

2014/01 ВРАТА

Фото Николая Казника

+ Максимилиан, епископ Братский и Усть-Илимский:

Дорогие читатели Братского епархиального журнала, я рад приветствовать вас со страниц его первого номера!

«Вы — свет мира ... и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5, 16) - с такими словами обращается Господь ко всем своим ученикам, побеждая законы времени и пространства. Обращается и к нам — к тем, кто хочет быть Его учеником, кто готов идти вслед за Ним: «Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода» (Ин. 15, 8), «Не вы Меня избрали, но Я вас избрал, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал...» (Ин. 15, 16).

Поэтому появление в печати церковного журнала такого высокого качества: информативного, современного, прекрасно изданного — большое радостное событие в жизни нашего сибирского края, событие, которое имеет огромное значение для всей нашей епархии, для ее будущего.

Наше время захлестывает человека шквалом пустой, бесполезной, зачастую даже вредной информации. Оглушенный и задавленный ее напором, человек мечется в лабиринте искаженных идеалов, теряя верные ориентиры, изнывает от жажды, заблудившись в мутном море рекламных ценностей. А то, что ему нужно, — глоток свежей чистой воды, твердая опора под ногами и высокое Небо над головой — совсем рядом: там, где всего этого в избытке, где у «кладеза воды живой, от которой не будешь жаждать вовек» ждет его Тот, кто принимает и успокаивает «всех труждающихся и обремененных», — Господь Иисус Христос.

И очень важно, чтобы кто-то указал человеку верное направление — куда идти, Кого искать, как с Ним встретиться... Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Достаточно одного человека, воспламененного ревностью, чтобы исправить весь народ. А когда налицо не один, и не два, и не три, а такое множество могущих принять на себя заботу о нерадивых, то не по чему иному, как по нашей лишь беспечности, а отнюдь не слабости, многие погибают и падают духом».

«В начале было Слово» - таковы первые слова Святого Евангелия. Нести Благою Весть о Боге, о вере, о Церкви - это главная задача и основная цель создателей журнала. Очень надеюсь, что их голос услышат многие люди: ведь, как сказал апостол Павел, «вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10, 17).

Думаю также, что на страницах этого вестника найдется место и для творчества наших читателей, и для обсуждения насущных вопросов церковно-общественной жизни, и для другой полезной и интересной информации.

«Жатвы много, а делателей мало...» (Лк. 10, 2). И всегда особенно радостно, когда видишь, что количество делателей увеличивается и что кто-то еще вышел на жатву, став «исполнителем слова, а не слушателем только» (Иак. 1, 22).

Очень хотелось бы, чтобы каждый приход вносил свой посильный вклад в общую копилку материалов для издания журнала.

Ошибочно считать, что жизнь небольшого поселка не будет интересна широкому кругу читателей. С одной стороны, конечно, такие скромные поселения небогаты событиями, здесь царят тишина и покой, первозданная красота природы. С другой — зачастую именно в тихих, маленьких поселках жизнь священника — это ежеминутный подвиг борьбы с испытаниями неустроенным бытом, борьбы за души и веру горстки прихожан, ради того, чтобы не были и они обделены радостью церковной молитвы, радостью участия в святых Таинствах. Неизвестные «несвятые святые», благодаря которым не гаснет искра веры в сибирских суровых краях... Может быть, незамысловатые истории из жизни ваших земляков станут для кого-то толчком к пробуждению души, началом понимания и переосмысления собственной жизни, спасительным маяком на пути духовного созидания.

С другой стороны, освещение событий, которые происходят в больших приходах, может вдохновлять живущих в отдалении от благ цивилизации, подавать им пример церковной социальной активности, а в будущем — стать основанием для доброй дружбы и обмена опытом.

Очень надеюсь, что журнал будет способствовать сокращению расстояний между приходами нашей епархии, что многие, прежде далекие, люди станут ближе друг другу, что наша епархия даст многих делателей на жатву Господню и принесет добрый и нужный плод во благо Православной Церкви.

«Всем нам придется перед историей и перед Богом ответить, насколько каждый из нас воспользовался нынешним благоприятным временем для Церкви, для ее возрождения» - считал ныне почивший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

От всего сердца благодарю создателей журнала и желаю вам долго и плодотворно трудиться в добром соработничестве и горении духа, не теряя творческой искры и помня, что ваш труд созидает Церковное единство!

Главный редактор

журнала Братской епархии «ВРАТА»

протоиерей

Александр Белый-Кругляков

Дорогие друзья!

Перед вами плод напряженной работы небольшого коллектива энтузиастов.

Журнал готовили к выпуску действительно энтузиасты, которые не являются профессиональными журналистами. Мы искренне верим, что с Божией помощью наш труд принесет пользу тем, кто желает больше узнать о православии вообще и о жизни Братской Епархии, в частности. Надеемся на нестрогий суд читателей и на последующее плодотворное сотрудничество со всеми, кому журнал и сама идея его издания придутся по душе.

Почему «ВРАТА»? Потому что территории, входящие в состав Братской Епархии, по сути, являются вратами к большому Северу. Через Усть-Кутский и Киренский районы, по реке Лене осуществлялся раньше и осуществляется до сих пор, так называемый, «Северный завоз». Врата – это символ, который представляется нам как возможность войти в мир Церкви, в храмовое пространство, в приходскую жизнь. Царские врата, имеющиеся в каждом иконостасе, ведут в алтарь, вводят в этот образ Царствия Небесного, которого мы желаем достичь всем нашим читателям.

Журнал планируется к выходу ежеквартально. На постоянной основе будут присутствовать разделы – краеведческий, литературно-поэтический, хроника жизни приходов. В остальном мы не будем заключать себя в жесткие рамки. Приглашаем всех настоятелей и просто заинтересованных и неравнодушных читателей к совместной работе.

Просим делиться вашими идеями, советами, подсказками и, конечно, нуждаемся в ваших молитвах.

В алтаре храма Всех святых, в земле Российской просиявших.

г. Усть-Илимск

Фото Виктора Колябзева

ВРАТА

СОДЕРЖАНИЕ:

- Приветственное слово
2 Преосвященнейшего Максимилиана, епископа Братского и Усть-Илимского

- 5 Слово главного редактора

ЕПАРХИЯ

- Эдучанка.
8 Священник Игорь Коконев. О настоятеле Свято-Покровского храма поселка Эдучанка отце Андрее Климинченко.

- Проповедь.
18 Священник Андрей Климинченко. Слово на праздник Входа Господня в Иерусалим.

- Интервью.
22 Преосвященнейший Максимилиан, епископ Братский и Усть-Илимский: "Миссия Братской епархии - сплотить людей вокруг Церкви".

НАША ВЕРА

- 46 Протоиерей Александр Белый-Кругляков. Размышления о вере.
53 Протоиерей Павел Гирёв. С разбойником на кресте.
64 Протоиерей Борис Молчанов. Католичество и православие (доклад).

- 78 Ксения Орехова. Что в образе твоём? Об архитектуре православного храма.

КРАЙ, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

- Елена Горбатова. История освоения Ангаро-Илимского края. Вековой уклад сибирского крестьянства.
94

О ВРЕМЕНИ БЕЗ ТРУБ И БАРАБАНОВ

- 116 Нина Травина. Весна.
117 Любовь Кривошеина. Дети и время.
118 Ольга Шенеман. Воспоминания.

ПРО-ЧТЕНИЕ

- 132 Валентин Распутин. На реке Ангаре.
144 Сергей Эпов. Лотта.

Мы едем к отцу Андрею в Эдучанку...

Наша сибирская дорога примечательна такими видами, от которых хочется петь или молчать, всматриваясь в набегающую красоту. Вокруг - покрытая белой дымкой, неприступная и таинственная в своей суровости тайга.

Дорога летит на нас. На душе легко и счастливо. Отчего? Оттого, что мы встретимся через час с батюшкой.

Оттого, что мы знаем друг друга давно.

Оттого, что между нами открытость, которая может быть ниспослана только как подарок от Бога...

ЭДУЧАНКА

Храм Покрова Божией Матери

поселка Эдучанка

Фото Александра Сергеева

Священник

Игорь Коконев

О настоятеле Свято-Покровского храма

поселка Эдучанка

отце Андрея

Климинченко

Отца Андрея я знаю около четырех лет. Он родился в селе Юголук Усть-Удинского района, окончил Братский индустриальный институт по специальности инженер-механик, потом служил в армии, а следующие семь лет - до 2011 - в милиции участковым инспектором. Был крещен в 2003 г. в храме в честь иконы Казанской Божией Матери в с. Смоленщина протоиереем Михаилом.

2012 год оказался примечательным для отца Андрея во многих отношениях - в храме Всех Святых г. Братска он был рукоположен во дьяконский сан, в этом же году состоялась его хиротония во священника, и по благословению Владыки Максимилиана отец Андрей стал настоятелем православного Свято-Покровского прихода п. Эдучанка, и тогда же поступил в Хабаровскую духовную семинарию.

Эдучанка - небольшой спрятанный от всего мира между двумя холмами поселок, морозы в котором зимой доходят до минус 55. Две тысячи человек почти в самом центре сибирской тайги. Вот она - глубина Сибири, на тишину которой ложится красота видов, текущих в человека первозданной дикостью, чистотой, свободой. Мне по душе в морозные дни, выйдя из Свято-Покровского храма, видеть ровные улицы, выходящие из печных труб дымок и ощущать в этой картине столько спокойствия, свидетельства жизни, уюта, ниспосланного Богом в каждый дом, каждому из нас, что поистине понимаешь: вот она - свобода и красота, и радость.

Но от реалий нашего дня за тайгой не спрячешься и, наряду с прочим, ощущаешь впряженность людей в свою судьбу, всегда не простую. Вот этим-то и обусловлены заботы священника: надо думать о близких и о себе, и не отвечать злом на зло, порой изнемогая под ношею своего креста, поддерживать других и понимать, насколько бы мы могли быть счастливее, если бы ту, единственную и краеугольную заповедь Христа о любви положили бы как главную меру своей душе. Той любви, которая "...долготерпит, милосердствует, ... не завидует, ... не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. И... никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и знание упразднится" (1Кор. 13:4-8). Ради этой настоящей высокой, не признающей смерти, стоящей над временем и пространством любви отец Андрей несет свое служение.

Заботы отца Андрея не ограничиваются Эдучанкой. По благословиению преосвященного владыки Максимилиана, епископа Братского и Усть-Илимского, отец Андрей окормляет близлежащие поселки: Дальний, Подъяланку и Седаново. По сибирским меркам "близ" - это в пределах 70 километров.

Если говорить обо всех необходимостях, предстоящих ежедневно отцу Андрею, то становится понятно, что никак человеческой душе это не поднять, но только с помощью Божьей, с Верою и Смирением - с большой буквы, с молитвой и постоянным размышлением о любви Божьей. Приходит на ум Слово Господне: "Возьмите иго Мое на себе, иго бо Мое благо, и бремя Мое легко естъ!" (Мф. 11: 29-30) и еще «...Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящите покой душам вашим» (Мф. 11, 29).

Вот такой он и есть - отец Андрей. Худощавый с легкой улыбкой, скромный, с кротким взором, вошедший, как будто в бурную мощную реку сего мира и стоящий посреди нее с церковной свечкой в руке. Говорит он тихо, просто, прямо. И от этой простоты веет такой тишиной и теплотой, что хочется слушать, быть рядом. В этом угадывается действие Божьей Благодати.

Святитель Филарет Московский пишет: «Более всего мы ищем в мире спокойствия

душевного, но не имеем его, потому что это спокойствие есть плод кротости и незлобия... Кротость есть такое расположение духа, соединенное с осторожностью, чтобы никого не раздражать ничем и никем не раздражаться»

Никого не раздражать и ничем не раздражаться - этим отличается батюшка Андрей. Предупредительность, чуткость, тактичность, тихость - эти качества влекут к к нему сердца прихожан, этими качествами крепится его большая семья: дети - Александр, Николай, Ксения, Иустиния и матушка Феоктиста.

...Мы разговариваем с батюшкой вечером в Свято-Покровском храме, тускло освещенном простыми электрическими лампочками, обшитым грубой доской и ожидающим своей отделки от Милостивой руки Всемогущего Бога, и меня не оставляет чувство покоя, чувство что мы находимся под покрывалом какой-то наднебесной тишины. Вот тут и понимаешь, что не зря храм - Свято-Покровский.

Он строится, обустраивается, дело это нескоро, и дай Бог всем жителям поселка проникнуться важностью свершаемого, стараться помогать, чем возможно. Потому что храм - это место, где мы можем встретиться с Богом по Его слову: "Где двое или трое соберутся во Имя Мое, там и Я пребуду меж ними", место где Господь Вседержитель касается души каждого входящего, наделяя его духовными дарами. Крещение, венчание, отпевание - этапы жизни человека, меняющие его судьбу и сейчас, и в вечности, проходят здесь. Здесь овеивается наша вера и получает новое качество сразу же, как только мы переступаем порог Божьего Храма. Здесь мы поем и слышим пение: "Насаждени в дому Господни, во дворах Дому Бога нашего процветут" и "Дому Твоему подобает Святыня Господи в долготу дней".

Храм, хотя покрыт крышей и сделано отопление, но внутреннее обустройство еще только в самом начале. Помолитесь, братья и сестры, пожалуйста, о его благоустройстве.

Первыми помощниками батюшки в проведении Богослужения и жизни прихода Господь избрал Людмилу Аполлоновну Калашникову, Ирину Васильеву, матушку Марину Германовну Бова-Чекменеву, Ольгу Дмитриевну Левусенкову - они составляют клирос Свято-Покровского храма.

Регулярными прихожанами отец Андрей называет среди других Нину Попову, Нину Силаеву, Константина Добрянского, Раису

В храме Покрова Божией Матери. Фото Игоря Коконеза

Фото Александра Сергеева

Никого не
раздражать и
ничем не
раздражаться –
этим отличается
батюшка Андрей...

о. Андрей в алтаре храма.
Фото Игоря Коконеза

Вечерет... В алтаре храма. Фото Игоря Коконеза

Беседа. отец Андрей Климинченко и отец Игорь Коконез

отец
Андрей
с Усть-Илимскими
паломниками.
Фото
Игоря
Коконеза

ВРАТА 2014/01

Рубцову, Людмилу Лаптеву, старосту Сергея Чекуменева - ныне дьякона, Марию Капустину и ее дочь Ольгу, Людмилу Классен, Ксению Силину, Зинаиду Колбину. Не только их отец Андрей знает и помнит в молитвах, но и всех, кто бывает здесь. Так благоустраивает Господь, что каждый приходящий в дом Божий как бы врезается в сердце священника силою Багодати Христовой. Видеть людей на Богослужении для батюшки, как мед на сердце. И наоборот, когда немного прихожан на службе, отец Андрей тяжело вздыхает и повторяет про себя: "Служим Богу, Ему же слава подобает и ныне, и присно, и во веки веков".

Нужно сказать, что соборность Богослужения дает особое качество собранию верующих, особое качество их молитвенным воздыханиям. Собрание церковное - уникально для действия на глубины души. Как показывает практика, женщины в большей степени, чувствуют это, и их не только в Свято-Покровском, а и во всех храмах православных больше чем мужчин. Почему? Пусть на этот вопрос каждый ответит для себя сам. К сожалению, скорее всего, мы только с годами, интуитивно понимаем всю важность пребывания в церкви. На Божественную Литургию в обычное воскресенье собирается до пятнадцати человек. На великие праздники же, конечно больше.

Слава Богу!

Храм Покрова Божией Матери

Фото Александра Сергеева

Фото Игоря Коконена

Красив таежный поселок. Две реки приходится пересекать, проезжая его: Эдучанка и Максимова Россоха. Река Эдучанка разделяет поселок на две части, в обиходе называемые «гора» и «низ». На «горе» расположено здание храма, к которому отец Андрей мечтает еще пристроить колокольню...

Фото Виктора Колябаса

Виды вокруг чудесные - природа щедра на красоту. Для человека, живущего здесь, — это привычно, обыкновенно и в то же время родственно его душе. Через эту родственность Его Рукой созданной Красоте Господь направляет нас, одаривает нас силой искать Его и находить в глубине своей души, в близких, в дальних, в простых событиях текущего дня. ■

Осень. Фото Виктора Колябаса

Фото Игоря Коконена

Эдучанка летом.
Фото
Виктора Колыбзева

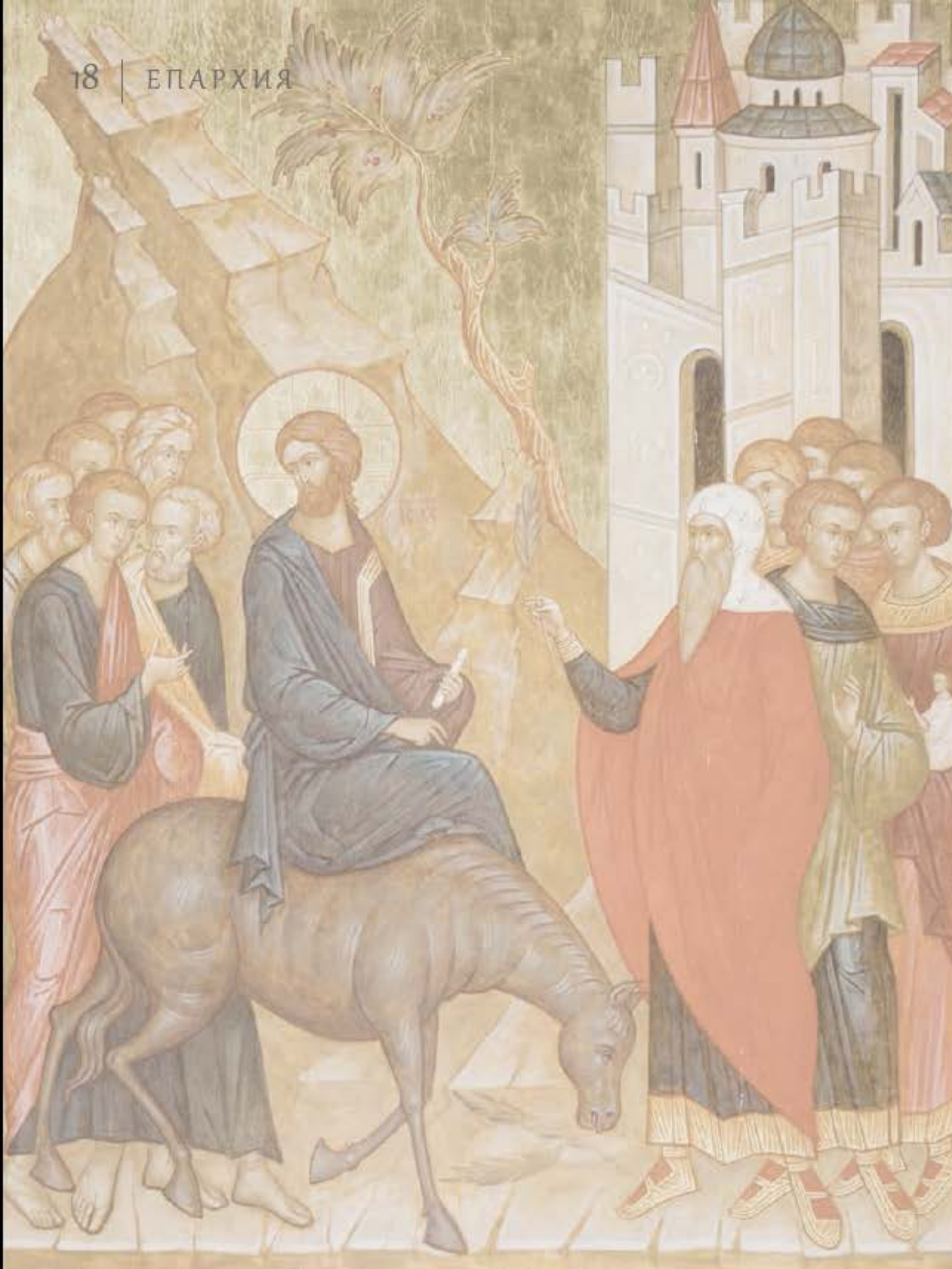
р.Эдучанка. Туман. Фото Виктора Колыбзева

Дорога.
Фото
Виктора
Колыбзева

Надя. Пасха!

Икона из храма Всех святых, в земле Российской просиявших города Усть-Нижинска. Автор - Сергей Воршанин

Священник Андрей Климинченко

Слово

на праздник Входа Господня в Иерусалим

В течение всей своей земной жизни Христос постоянно говорил, что я не царь этого мира.

Я совсем другой царь. Но его не все слышали. И очень много тех, кто Его не слышал. Все ожидали, что придет действительно царь и освободит их от римского ига. Что евреи станут тем же народом, которым они были при

Давиде, при Соломоне. И вот они бросают пальмовые ветви под ноги входящему в город Христу, постилают одежды...

А как же Господь входит в Иерусалим? Он входит как царь. Но какой царь? Униженный царь.

Потому что обычно правитель въезжает в город на белом коне. А на чем въезжает Господь? Господь въезжает на осле. И даже не на осле, а на осленке. И вот Он въехал в город. Он не заходит в царские палаты, не заходит в парламент, ни еже в какое-то государственное учреждение. Не объявляет себя правителем.

И трагизм заключается в том, что через несколько дней все эти люди, которые кричали Ему: "Осанна!", радовались тому, что Он открыто, в величественной простоте входит в этот город, будут кричать: "Распни Его, распни!" даже еще с большим усердием, чем они кричали "Благословен грядый во Имя Господне".

Это произошло потому, что у них было свое понятие о Царствии Божием. Все-таки они желали устроить рай на Земле. Не понимали они, что рай на Земле уже был. И что рай на Земле уже невозможно построить, а возможно построить только Рай на Небе. И даже не то, чтобы построить, он есть - Рай. И он на Небесах. Иудеи же считали себя достойными прихода земного царя. И поэтому ждали прихода земного царя.

Братья и сестры, многие из нас похожи на этих иудеев, фарисеев.. В чем похожи? В том, как мы приступаем к Таинству Причащения, к этому важному шагу, который вводит нас в Церковь. Мы ожидаем, что теперь у нас в жизни все будет хорошо, что у нас будет здоровье, что дети наши не будут болеть. Когда мы крестим детей, то мы хотим, чтобы их земная жизнь была радостная, веселая, беззаботная. Но при этом забываем, что Господь говорит нам - будете страдать. Будете гонимы за Имя Мое. Об этом немногие хотят задуматься и принимают Таинства ради земных благ.

Но когда люди сталкиваются с жизненными трудностями, с болезнями, с какими-то скорбями, неприятностями, то начинают роптать. Говорят - как так, вот я покрестился, одел на себя крест... и что-то у меня в жизни не получается? И начинается хула на Бога. Человек готов в душе своей кричать о том, что Бог во всем виноват, что Он не оправдал надежд, которые на него возлагались.

А почему все так происходит, братья и сестры? Потому что мы не знаем своей веры, а бывает, что даже и не желаем ее знать. Хотим спастись без всяких усилий. Но так не бывает.

Мы должны приложить огромный труд. И труд этот необходим, так как мы знаем из Евангелия, что Царствие Небесное «нудится». А труд этот, он ни такой сложный. Всего две главные заповеди: возлюби Бога и возлюби ближнего своего как самого себя. И на этих двух заповедях все остальное держится.

И как мы будем относиться друг ко другу? С любовью, если будем Бога любить не только на словах, но и

на деле. Тогда и Господь, когда придет второй раз на Землю, поставит нас по правую руку. И желаю всем нам не оказаться по левую руку, вместе с козлицами.

И вот Господь входит в Иерусалим, в этот город, который можно уподобить нашей душе.

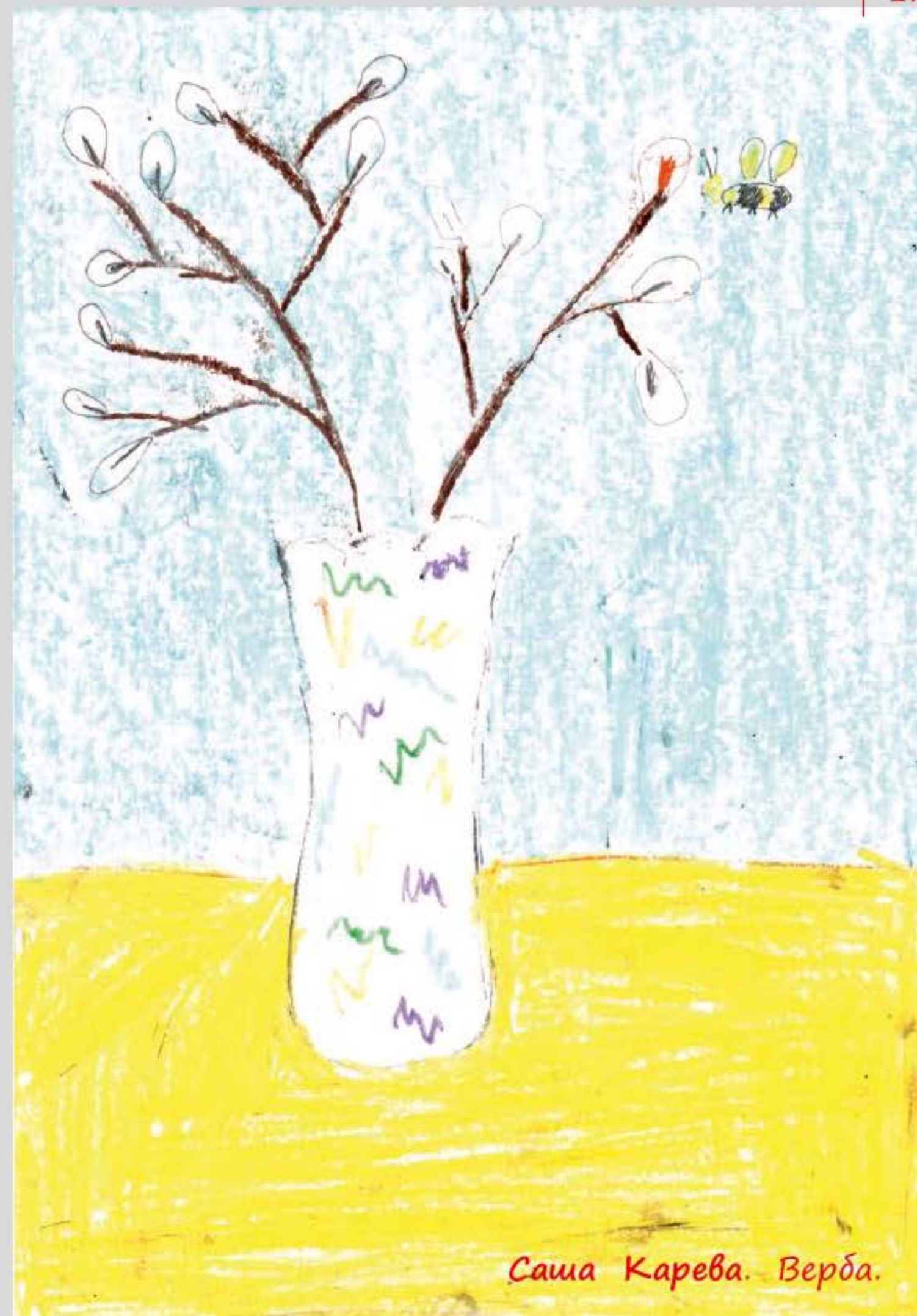
Он стоит у дверей нашей души и тихонько стучится, зовет нас, чтобы мы открыли двери своей души, впустили туда Господа. Но мы, желая жить только земной жизнью, чтоб у нас было все хорошо здесь, не торопимся Ему открывать эти двери, двери своей души. И Господь не взламывает их. Потому что Он любит нас. Он нам дал СВОБОДУ.

Если человек не желает, чтоб Господь был в его жизни, чтобы Он руководил им, то Он не заставляет человека. Хочет человек жить по своей воле - он живет по своей воле. Но нужно все-таки жить по Воле Божьей. И распахнуть двери нашей души, чтобы Господь вошел туда и оставался с нами до конца нашей жизни. А мы знаем, что конец нашей жизни... У нее нет конца, у нее есть только начало. Когда-то мы родились от своих родителей, а конца жизни нет, потому что мы бессмертны. Временная смерть ожидает только наше тело.

Из земли оно вышло при сотворении Адама и в землю уйдет. И необходимо нам умереть для того, чтобы родиться заново. Ведь любое семя, когда его сеют в землю, сначала истлевает, потом уже дает плод. Но опять же, оно дает плод тогда, когда есть условия для возрастания этого семени. То есть земля должна быть удобренной, ухоженной, вычищенной от сорняков. Так же и мы всю свою жизнь должны обрабатывать грядки нашей души, полоть их, пропалывать, удобрять, поливать, добрыми делами, послушанием Богу, исполнением заповедей. И когда мы подойдем к своей смертной черте, если мы свою Душу все-таки готовили к Царствию Божию, исповедовались, причащались, то сможем легко войти в вечное Богообщение.

Будем же от ложных мечтаний о Земном рае отвращаться, а к небесному стремиться! И Небесного Царя, Господа нашего Иисуса Христа славить в своей душе, в своей жизни. Ему же честь и поклонение подобает и ныне и присно и во веки веков! Аминь. ■

Отец Андрей
Кайминченко
и отец
Александр
Сергеев
в алтаре храма
Всех святых,
в земле Российской
проспавших.
г. Усть-Илимск.
Фото
Виктора
Колибаева

Саша Карева. Верба.

Преосвященнейший МАКСИМИЛИАН,
епископ Братский и Усть-Илимский:

“Миссия Братской епархии - сплотить людей вокруг Церкви”

На реке Киренге. Фото Сергея Осипова

Беседу вела Елена Чайковская:

Как человек невоцерковленный, но, скажем так, интересующийся (а таковых, как мне представляется, большинство), слышала, что года два назад была создана Братская епархия, что появился в нашем краю «свой» епископ. Как журналист, наблюдаю за эти два года возросшую активность православной Церкви «на северах» — освящаются новые приходы, в Братске появился детский лагерь, в Усть-Илимске (а теперь и в Братске) организуются казачьи фестивали, проходят семинары, скаутские слеты, состоялись первые епархиальные Рождественские чтения, подписан договор о сотрудничестве епархии и администрации Братска, да и вообще, на светских мероприятиях все чаще вижу православных священников. У Братской епархии есть свой сайт, он «живой», с постоянно обновляющейся информацией, текстами проповедей. Коллеги-журналисты рассказывали, что епископ Максимилиан много ездит по территории епархии, посещает приходы, проводит богослужения, что он демократичен, доступен для интервью и общения. Договориться об интервью в самом деле оказалось просто. Еду на встречу в епархиальное Управление и с удивлением узнаю, что, оказывается, храм, который расположен в лесном массиве за ул. Мухомова в Братске и который в городе — раньше, по крайней мере, — называли именем Андрея Рублева, на самом деле — храм «Всех святых, в Земле Российской просиявших». Никогда не слышала ранее, чтобы храмы переименовывались. Поэтому первый вопрос к епископу — что произошло?

Управляющий Братской епархией, епископ Братский и Усть-Илимский Максимилиан:

— Переименования не было. Храм, в котором мы с вами находимся, был освящен еще в 1992 году именно в честь Всех святых, в Земле Российской просиявших. Имя преподобного Андрея Рублева с начала строительства носит весь комплекс и главный его храм, который — только в планах. Это помещение изначально предназначалось для православной школы, его построили, а вот храм — не получилось. Поэтому и было принято решение основать здесь церковь и дать ей свое собственное имя. Так что название — не новое, а истинное. Прихожане уже привыкли, все чаще называют храм «Всехсвятским» и простые жители Братска.

«Епархия основана для наведения порядка, для того, чтобы приблизить церковь к людям»

— Владыка, я знаю, что Вы только что вернулись из поездки в Ербогачён, самый труднодоступный, самый отдаленный приход. Вы за два года всю территорию епархии объехали? Кстати, какая у нее площадь в километрах?

— Более 500 тысяч квадратных километров. Девять районов. Около 550 тысяч населения. объездил все существующие приходы. Ербогачён как раз и был последним доселе не посещенным пунктом. В некоторых местах удалось побывать несколько раз.

— А сколько приходов под вашей опекой? И сколько добавилось за два года существования епархии?

— Это как считать. Создание полноценного прихода — процесс непростой и длительный. А полноценным я считаю приход, в котором есть храм, священник, постоянные богослужения, который официально зарегистрирован. Вот если такие считать — нет, не прибавилось, как было 32, так и осталось. Я свои усилия прилагаю к тому, чтобы гораздо большее число приходов, которым чего-то не достает, стали бы полноценными. Есть зарегистрированные приходы, но без священников. Есть такие, в которых идут службы, но они не зарегистрированы. У многих нет храмов, только приспособленные помещения. Вот так, добавляя компонент за компонентом, мы поэтапно создаем приходы. В этом направлении движение есть, и оно уверенное. Единственная составляющая, которая имеется везде, в каждом приходе — с храмом и без

него, с регистрацией и без нее, с постоянным священником и без него, — это паства, люди. Значит, есть потребность в духовной жизни. Значит, мы обязаны помочь. Таким образом, не в количестве дело, а в качестве.

- Сложнее всего, конечно, строить храмы...

- Причем сложно и в городах, и в поселках. В малых населенных пунктах тяжело найти финансирование, но важность появления храма, как правило, понимается, приветствуется и обществом, и властями, и средства находятся. В городах же, где уже есть церкви, найти меценатов хоть и проще, но у них и властей возникает вопрос: зачем еще? А мы считаем, что один храм на 100 тысяч человек населения — это очень, очень мало. Храм должен быть рядом с человеком, даже видимо присутствовать в жизни. Людям свойственно погружаться в суету, в быт. О Боге, о душе начинают вспоминать, когда что-то случилось, когда беда пришла. Или в церковный праздник. А наша задача — придать человеку стремление прийти к Богу, быть рядом с ним — всегда. В тех храмах, которые уже есть, складывается устойчивая церковная община. А у священников имеется ограниченный ресурс общения с людьми — нельзя же объять необъятное. С годами этот круг людей становится все плотнее, и войти новому человеку в него непросто. Смотрите — как только появляется новый храм, он тут же наполняется людьми. И в старом храме приход не убывает. Общение человека и священника, участие в богослужениях, в жизни прихода очень важно. Искать Бога в одиночку — возможно. Но пребывать в Боге можно только с церковью, с единомышленниками. Поэтому надо строить.

- Два года прошло с момента образования Братской епархии. Когда начался процесс разукрупнения епархий в стране, помню, были споры — нужно ли это, зачем это... Сейчас уже можно делать первые выводы — что получилось, а что нет. Наверняка же возникли определенные сложности — организационные, кадровые...

- Огромные расстояния между приходами — только один аргумент в пользу создания епархии. После чина наречения в епископа Братского и Усть-Илимского в 2011 году я в ставленническом слове говорил, что главные проблемы сейчас — духовное состояние людей, их разобщенность, оскудение любви, нетрезвость, влияние ложных религиозных учений, ощущение отсутствия подлинного смысла жизни. Я сказал, что верю — создание новой Братской епархии придаст животворящий импульс сплочению людей вокруг Церкви, созиданию новых храмов и молитвенных собраний, духовному просвещению и совершенствованию. Братская епархия должна приблизить Церковь к людям, стать ядром и центром для приходов. А для этого мы наводим порядок, создаем структуру, ищем и определяем кадры по направлениям работы. До создания епархии, ввиду удаленности Иркутска, во многом жизнь опиралась на самоуправление, что не характерно для православной Церкви, которая зиждется на иерархичности, на послушании. Сейчас это более-менее устраивается. Раньше было много почвы для произвола. Сейчас есть центр власти, который всегда может среагировать на любые излишества, на настроения, дать правильные цели, чтобы двигаться вместе в общем русле Церкви. Что касается организации, кадров — решаем эти вопросы. Конечно, кадровая проблема — острая для нас. Духовенство епархии в данный момент — это пятьдесят священнослужителей, нужно еще, как минимум, пятнадцать. Но обучаем, воспитываем. Все образуется со временем — с помощью Божией.

- Я прочитала интервью с Вами двухлетней давности о том, что Вы планировали. Можно по пунктам? Итак, создать двенадцать отделов в епархии, активизировать строительство храма на улице Кирова в Братске, основать летний детский лагерь, обустроить моленные комнаты в больницах, создать новые приходы. Что из этого получилось?

- И ответу по пунктам. Отделы организованы. Другое дело, что сейчас, оценив масштабы деятельности, наличие кадров, возможности финансирования, мы рассматриваем условия перевода некоторых отделов в разряд комиссий, потому что в ряде сфер церковной деятельности реакция на происходящее — то есть содержание работы именно комиссий — более целесообразна. Совершенно точно останутся отделы:

образовательный, социальный, молодежный, миссионерский, информационный, издательский. Это самые важные, самые актуальные и перспективные направления работы. По храму Рождества Христова могу сказать, что изнутри мы его построили. Службы идут ежедневно, служат четыре священника. В этом году будем продолжать и внешнее строительство, есть перспективы его финансового обеспечения. Летний лагерь «Одигитрия» прошлым летом начал работу, мы много сил положили, чтобы привести в рабочее состояние ранее пустовавший и пришедший в запустение «Жарок». Первая смена прошла успешно, следующим летом планируем еще две, а в перспективе хотим использовать лагерь для социальных и образовательных проектов. Далее — моленные комнаты оборудованы во многих больницах Братска, в городской больнице Усть-Илимска. Сложности возникли с исполнением закона Иркутской области, по которому помещения больниц должны предоставляться исключительно в аренду. Мы пытаемся доказать, что не Церковь арендует помещения, а больница предоставляет место для больных, которые хотят помолиться или встретиться со священником. Мы же беремся наполнить эти помещения содержанием. Сейчас эта проблема обсуждается. По приходам я уже сказал ранее. Могу проиллюстрировать на примере Братска. В городе — пять действующих храмов, во всех частях города. Мы основали еще пять: приход преподобного Сергия в Осинке, Сретения Господня — в Энергетике, приход Иннокентия Иркутского в Центральной части, — в районе детского парка, приход Иоанна Богослова — в Порожском, приход в честь иконы Божьей Матери-Скоропослушницы — в Бикее. Документально они оформлены, священники приезжают служить. Под Сретенский приход оформляем землю — будем строить храм.

Летний лагерь «Одигитрия», 2012 год.

Владимир Максимилан

и Инна Маковская.

Фото Жанны Сергеевой

Освящение корпусов лагеря

в 2013 году.

Фото Алены Юрченко

«Взаимоотношения между церковью, властью и обществом могут и должны быть гармоничными»

- Вот мы и подошли к теме взаимоотношений с властью – областной, местной. Оформить землю, организовать детский лагерь, зарегистрировать приход – все это предполагает взаимодействие. На каком уровне оно находится сейчас? Вспоминаю тяжелый разговор в кабинете бывшего мэра Братска Александра Серова со священниками относительно здания православной гимназии, когда его планировали отдать под детский сад...

- Сейчас этот вопрос не стоит. Аренда продлена. Содержание школы по закону Иркутской области частично несет региональный бюджет. Другое дело, что пока это финансирование идет в общем порядке, то есть в расчете на количество учеников. Но, поскольку учеников у нас немного, да и помещения не позволяют по нормам СанПИНа вмести в класс более 20 учеников, правильно было бы и финансировать гимназию как малокомплектную школу. Надеемся, что нам удастся решить этот вопрос, как и многие другие. Понимание областных властей есть, к тому же вступил в действие новый закон «Об образовании». Планируем заключить договор о сотрудничестве с Министерством образования Иркутской области. В частности, нам бы хотелось, чтобы у православных священников появилась возможность встретиться с родителями будущих четвероклассников при обсуждении выбора предмета «Основы православной культуры». Нам важно пояснить, рассказать, что предмет этот – не вероучительный, а культурологический. Его цель – показать детям, каким образом православная религия повлияла на русскую культуру, что стало побудительным началом создания произведений многих мастеров. В связи с этим было бы хорошо провести педагогические чтения, встречи наших священников с преподавателями Основ православной культуры. Ну, а в целом же могу оценить взаимоотношения как конструктивные. И в маленьком поселке, и в большом городе понимают, что Церковь призвана служить людям, что посредством Церкви создается духовное благополучие общества, а в этом все заинтересованы, и здесь – основа для гармоничного сотрудничества.

- Честно скажу, была удивлена Вашим выступлением относительно политических событий в Братске. По-моему, такое произошло впервые в городской истории. Обычно Церковь сохраняет нейтралитет....

- Когда происходит из ряда вон выходящее, когда люди находятся в смятении, когда теряются ориентиры, Церковь не может оставаться в стороне. События в Украине – свежий пример. О чем я говорил в своей проповеди 22 декабря 2013 года? О том, что Церковь не может вставать на ту или иную сторону конфликта, но может говорить о том, в чем правда. А правда в том, что руководители и лидеры города целью во всех своих действиях, прежде всего, должны видеть благо горожан – тех людей, которые доверили им право руководить. Нужно отложить все обиды, недовольства, личные выгоды и встать на позитивный путь примирения и дальнейшего уважительного диалога. В нашем соборе ежедневно стал совершаться чин «Об умножении любви, об искоренении вражды и ненависти» в надежде на помощь Божию. Я обратился к горожанам с призывом не злословить, не осуждать, а – молиться о благополучии Братска, посылать участие в его жизни. В этом – духовное спасение города.

О чем молится епископ

- Прошу прощения, если вопрос бестактный, но, мне кажется, не праздный. Потому что пастве важно знать – а о чем молитесь Вы?

- Это сложно передать... Можно сказать, что молюсь о том, чтобы Бог дал мне силы в упрочении Церкви, в развитии деятельности епархии. Молюсь за людей, вверенных моему управлению, и тех, кто только идет к Богу, чтобы они открыли для себя новую, духовную жизнь, в которой ключевое слово – любовь. ■

На Лене. Фото Сергея Осипова

На берегу Лены в деревне Омолот. Фото Сергея Осипова

Летний лагерь "Одигитрия", 2012 год. Фото Жанны Сергеевой

Летний лагерь "Одигитрия", 2012 год.

Лагерь "Одигитрия", 2012 год.

Фото Жанны Сергеевой

Освящение
хлебцов лагерь
в 2013 году.
Фото Алёны Юрчезко

Крещение в Лене. Фото Сергея Осипова

В деревне Тарасово. Фото Сергея Осипова

Промодиахон Георгий.
Фото
Сергея Осипова

Крещение
в деревне Тарасово.
Фото
Сергея Осипова

Килейная икона Владыки,
в недействующем храме
Спаса Нерукотворного.
Фото Сергея Осипова

Лития по усопшим.
Фото
Сергея Осипова

После литургии в храме. Фото Сергея Осипова

Молебен в школе д. Ораниги (в тот день деревне исполнилось 370 лет). Фото Сергея Осипова

Служба
в Рождественском
храме г. Бодайбо.
Фото
Сергея Осипова

г. Бодайбо,
смотровая
площадка.
Фото
Сергея Осипова

Литургия
в п. Улькан.
Фото
Сергея Осипова

На фоне
недействующего
Троицкого храма,
в бывшем
Киренском
монастыре.
Фото
Сергея Осипова.

В поселке
Верхнее Марково.
Фото
Сергея Осипова

В Киренском
музее.
Фото
Сергея Осипова

Молебен
на месте
строительства
храма в п. Янгель.
Фото
Сергея Осипова

После литургии
в Рождественском
храме
г. Рудногоorsk.
Фото
Сергея Осипова

Храм в
Рудногорске.
Фото Сергея
Осипова

Служба в Рождественском храме г. Бодайбо. Фото Сергея Осипова

Храм Рождества Христова. г. Бодайбо. Фото Сергея Осипова

Проповедь
отец Олег.
г. Бодайбо.
Фото
Сергея Осипова

На месте строительства храма в поселке Ягель. Фото Сергея Осипова

Освящение
храма в честь
Покрова
Пресвятой
Богородицы
в поселке Мама.
Фото
Сергея
Осипова

Освящение
храма в поселке
Перевоз.
Фото
Сергея
Осипова

Молебен
в Варваринской
часовне
на приiske
золотодобывающей
компании
ОАО "Высочайший".
Фото
Сергея
Осипова

Молебен
в поселке Яракта.
Фото
Сергея
Осипова

В поселке
Янгель.
Фото
Сергея
Осипова

Освящение
храма в честь
святителя
Николая
Чудотворца.
Фото
Сергея
Осипова

Никольский храм в поселке Яракта. Фото Сергея Осипова

Покровский храм поселка Мама (подарки от прихожан). Фото Сергея Осипова

О чем молится епископ:

- Это сложно передать...
Можно сказать, что молюсь
о том, чтобы Бог дал мне силы
в упрочении Церкви, в развитии
деятельности епархии. Молюсь
за людей, вверенных моему
управлению, и тех, кто только
идет к Богу, чтобы они открыли
для себя новую, духовную жизнь,
в которой ключевое слово —
любовь.

НАША ВЕРА

Редакция ждёт
Ваши фото,
дорогие читатели!

vrata.bezh@mail.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕРЕ

Николай Тарасик. Прокуратор Иудей.
1997 г. (бумага, перо)

Фото Виктора Колмбаса

Протоиерей

Александр Белый-Кругляков

С чего начинается осознанная вера в Бога?

Чаще всего религиозное мировоззрение рождается из поисков смысла жизни. Такие поиски когда-то называли богоискательством. Тот, кто не довольствуется прожиганием отпущенного века, а пытается во всем найти глубинное содержание, тот - сознательно или нет - ищет Бога. Потому что только бытие Божие и бессмертие может оправдать всю трагедию, весь блеск и нищету человеческой истории.

С другой стороны, именно в тот момент, когда мы начинаем искать ответы на старые вопросы о главном, в нас и просыпается человек. Способность, стремление к обретению смысла возводит нас на ступень, недостижимую для окружающего мироздания. Вряд ли дереву, корове, собаке или даже далекой звезде придет в голову мучиться попытками найти смысл жизни.

В чем же он, этот смысл?

Самый первый и простой ответ заключается в том,
что никакого смысла
нет...

Жизнь произошла случайно и представляет собой энное количество химических реакций и неисчислимо количество комбинаций этих же реакций. Следовательно, нет бессмертной души, нет жизни после смерти. Если Вселенная и жизнь произошли случайно, то ничто и не может помешать случайности разрушить мироздание. Может быть, сегодняшним вечером со скоростью света в нашу Галактику ворвется огромный астероид и ударит в матушку-Землю, рассыпав ее на мелкие кусочки. Какими жалкими и глупыми в этом случае будут наши планы на завтра, на лето, на будущий год. Как отчаянно должны мы бороться за место под солнцем, чтобы отпущенный нам короткий век обустроить "по-максимуму". Каким надрывом должны отзываться в нас несправедливости, коими исполнено наше существование. Нравственный императив, вытекающий из подобного мировоззрения, выражается во всем нам известных слоганах –

- «ЖИЗНЬ КОРОТКА, и ПОСЛЕ МЕНЯ ХОТЬ ПОТОП»,

- «КОЛЕНКАМИ и ЛОКТЯМИ - по ЧУЖИМ ГОЛОВАМ
к СВОЕМУ СЧАСТЬЮ»,

- «ХВАТАЙ то, ЧТО ПЛОХО ЛЕЖИТ»,

- «хочу УСПЕТЬ ИСПЫТАТЬ ВСЕ»

и так далее...

Эта печальная картина вызывает у многих, наткнувшихся на подобную философию, чувство глубокого разочарования и уныния. Хотя, наверное, каждому из нас приходилось встречать индивидуумов, живущих именно с такой жизненной установкой. К счастью, таковых не много. Нет ничего нового под солнцем, еще древние эпикурейцы говорили – будем есть, пить и веселиться, ибо завтра умрем... Но даже эти сознательные прожигатели жизни, подходя к той границе, когда должны были исчезнуть навсегда, останавливались перед выросшим перед ними во весь свой рост огромным вопросом – «Зачем все это было»? Этот вопрос становился настолько главным и масштабным, что вся прожитая жизнь, какая бы она ни была, превращалась в кратчайший миг, никак не оправдывавший встречи с этой неразрешимой задачей.

А как же наш внутренний мир - неповторимый, безграничный, жаждущий счастья? Неужели все это фикция? Ведь еще древние понимали, что наш внутренний мир больше Вселенной, что именно он и есть подлинный и необъятный Космос. И если этот настоящий Космос исчезает просто так, неожиданно и безвозвратно, то наша «случайная жизнь» превращается в жесточайшую шутку природы. И стоит ли тогда жить? В этом контексте становится понятной реплика вольнодумца Вольтера – если бы Бога не было, Его следовало бы выдумать.

Нет, смысл все-таки должен быть!

Иначе заложенная в нас жажда правды превращается в какую-то изуверскую пытку. Быть может, смысл жизни - в тех простых и в то же время красивых призывах, которые вкладывали в нас идеологи коммунизма? Эти призывы были обращены к благородным струнам человеческой души, к способности на самопожертвование. Они заключались в стремлении строить светлый, справедливый мир, в котором дети будут жить лучше отцов, внуки - лучше детей, а правнуки будут жить в раю (коммунизме)! Эти призывы до сих пор трогают сердца альтруистов и наполняют их жизнь (нет, не смыслом), а всего лишь видимостью смысла. Почему данное мировоззрение нельзя назвать смыслом жизни? Потому что никакая утопия смыслом быть не может... А в том, что это утопия, легко убедиться хотя бы бегло ознакомившись со всемирной историей. Оказывается, во все времена люди «болели» подобными идеями, и вся история человечества буквально испещрена попытками построить этот самый рай на земле (коммунизм, гармонию, идеальный мир). Каждое поколение считало себя умнее предыдущего и неудачные попытки своих предков списывало на их «дремучесть». Но почему-то после всех очередных потуг придумать и обустроить идиллию горе-оптимисты приходили в себя, очнувшись лицом в луже. Тех, кто бескорыстно отдал свою жизнь коммунистическим идеалам, периодически мучили смутные сомнения по поводу возможности ликвидировать все неправды и несправедливости человеческих отношений. А также - ощущение трагической несправедливости из-за невозможности разделить со своими далекими потомками все прелести будущего всеобщего счастья, если его все же удастся построить.

В чем же загадка неудач? Оказывается, для того, чтобы идеальное общество было построено и могло стойко функционировать, нужны идеальные люди! А таковых не просто мало, их не существует в принципе. На вопрос: «Почему их нет?» дает ответ Библия, но мы не будем забегать вперед.

Коренцов В.,
Иванов К.,
Савостяк О.,
Успенский В.,
Плехан
"Собираем с целины
богатый урожай"
1954 г.

Фото Евгения Лобанова

Молодым людям, свободным от идеологических штампов старших поколений, иногда хочется оправдать свою жизнь необходимостью продолжения рода. Эту смысловую составляющую жизни, как правило, выдвигает женская половина человечества. Если современному европейцу уже вовсе неочевидна нужда в детях, то наши женщины еще не лишились этого естественного и здорового желания. На вопрос о смысле жизни, многие из них отвечают просто – дети. Да, дети – это наше все! Это и наше счастье, и наше горе, наши непрестанные заботы, переживания и мечты. Но можно ли считать продолжение рода смыслом жизни?

Отвечая на этот вопрос, попробуем мысленно убрать с нашей планеты человека. Мы все помним из школьных учебников, как премудро устроен окружающий мир с его гармонично выстроенными взаимосвязями и круговоротом воды в природе. Через сто лет наша Земля очистится от последствий человеческого присутствия, залечит нанесенные человеком раны и явит собой подлинный рай. При этом именно она, мать-природа, так непобедимо и жизнеутверждающе занимается продолжением рода. Растения роняют в свое время семена и производят свое потомство. Старое умирает, новое продолжает жить, и этот процесс вечен. Где в этой стройной цепи место человеку? Этого места нет! Потому что человек не просто мешает процессу продолжения рода, но и угрожает жизни планеты как таковой. Если человек вершина природы, то что это за вершина, которая ломает свой фундамент?

Мысль о том, что человек является вершиной природы, по сути – религиозна. Потому что в данном случае природа наделяется неким божественным качеством – способностью осмысленно творить. Обожествление природы – это и есть разновидность языческой религии, пантеизм.

Но для нас важно понять, что продолжение рода смыслом существования человека не является.

Смысл может быть найден только в том случае, если человек не умирает. И не в том тоскливо-тягостном смысле, что я распадусь на атомы и буду вечно жить, растворившись в былинках и травинках. И не в том литературно-поэтическом образе, что ушедшие живут в памяти живых. А именно подразумеваемая бесконечное осознанное бытие личности, к которому стремится наш дух. Более того, только при таком порядке вещей, каждый человек является высочайшей ценностью, а не перегномом истории.

Да и сама история может быть оправдана только тогда, когда есть уверенность в конечной победе правды, справедливости и вечной Любви.

Где же найти ответы, где найти путь к обретению мира, наполненного смыслом и надеждой? Христиане находят в откровении Божиим.

О чем оно нам говорит? Человек, этот мир не случаен, он был придуман и создан! Твоя жизнь имеет глубочайший смысл, потому что ты никогда не умрешь! Твоя личность настолько важна, что Тот, кто тебя создал, ценит ее дороже Вселенной!

Но, кто же Он, тот, кто все это сотворил? Об этом будет наша следующая беседа.

Микеланджело Буонарроти. Сотворение света. Ватикан, Рим. 1508-1512 гг.

Протоиерей Павел Гирёв

С разбойником на кресте

Евангельское слово зовёт нас "милость к падшим призывать". Но о самом милосердии недостаточно только говорить. О нём не говорят - его творят. Просто и деятельно. Мы иногда забываем о том, что Сам Господь спускался в ад, имея намерение вывести из него людей! А зона или тюрьма - это еще далеко не ад. Кому, как ни священнику, приходиться туда, где мечется, ищет, надеется, ждет освобождения человеческая душа!

Но войти в тюремные ворота не так сложно, а вот откроется ли исстрадавшееся сердце для Божьей милости - задача со многими неизвестными...

В 2000 г. в колонии УХ-20 оставлено место под строительство храма-часовни.

Божьим Промыслом первая встреча с тюрьмой произошла у меня ещё до рукоположения. Служил я тогда в Барнаульском храме алтарником. Настоятель благословил меня провести беседу в колонии общего режима. В актовом зале были собраны заключенные: острые глаза, ироничные взгляды, черты лица, заточенные под режим. И вдруг - знакомое лицо! Сидит человек, с которым несколько лет назад довелось мне встречаться в Горном Алтае. Я тогда был инструктором по конному туризму, а, вероятно, он таился от кого-то и от чего-то. Запомнился он мне как добрый и отзывчивый на помощь человек, а здесь оказался среди преступников. После беседы Серега подошел, мы обнялись и он сказал: "Здорово, что ты нашел себя, не потерялся в этой жизни".

Видно, с того самого момента я был «осужден» разгадывать загадку, как душа может носить в себе такие противоположные миры. Я и не думал тогда, как тесно соприкоснется моя жизнь с этим трагическим, изломанным бытием за колючей проволокой, с режимом "активной несвободы"...

В начале девяностых годов епископ Иркутский и Читинский Вадим назначил меня священником в небольшой городок под названием Усть-Кут,

больше известный нашему читателю, как станция Лена, с которой началось когда-то строительство Байкало-Амурской магистрали. Эту стройку мы знаем, как комсомольскую. Песни того времени рапортовали нам: "Это время звучит - БАМ!".

Мне как единственному священнику пришлось помогать создавать и окормлять приходы по трассе от Усть-Кута до Таксимо. Восемьдесят лет в этих местах не было ни священников, ни храмов. А от "великой стройки" остались унылые поселения. Все они начинаются с бравого вокзальчика и показательных домиков, а за ними прячутся избушки, балки, щитовые бараки. Такое же впечатление и от состава населения: бывшие комсомольцы, бывшие "химики", бывшие ээки, бывшие интеллигентные «человеки». Дома перестроить можно, а вот человека перекроить на несколько раз, да еще против его воли, - здесь без крови не обойдется. Добавить к этому остается только то, что наши места, благодаря суровому климату и своей недоступности еще в царские времена были каторгой. Сюда ссылали и уголовников, и политических, и верующих. Сейчас на этой территории располагаются колония строгого режима и колония-поселение. Одна из них, прозванная в народе "двадцаткой" зона строгого режима, находится в черте города. За мою двадцатилетнюю священническую практику в ней сменилось уже семь начальников.

Когда я впервые появился на территории зоны, шел дождь, и дежурному офицеру явно не хотелось меня сопровождать. "Вот бараки, заходите в любой из них", - сказал он мне и махнул рукой в сторону темных помещений. И тут же добавил: "А если какие-то вопросы возникнут, идите в штаб, там вам всё объяснят". Я хорошо помню то гнетущее, давящее состояние. Физически ощущалось присутствие чего-то мрачного. Я медленно пошел вдоль барачных, положившись на волю Божию, и меня позвали в один из них. Тут же были убраны в сторону столы, расставлены скамейки. Проговорили мы около трех часов, вопросы задавали разные, с юмором, со специфической терминологией, но, в основном, доброжелательные. Как не странно, вышел я оттуда с чувством благодарности. За короткий промежуток времени услышал и увидел многое, что потом помогло мне осознать эту суровую систему. Понять ее со стороны совершенно невозможно, а войдя в неё, проживая день за

днем, увидишь страшный симбиоз, основанный на противоборстве.

Первое время было всякое: недоверие заключенных - прощупывали, испытывали. С другой стороны, подозрение охраняющих - обыскивали, искали у меня спирт, наркотики. В спину ползли слухи. Горожане терялись в догадках, что общего у священника с бандитами?

А прихожане передавали для них домашнюю стряпню, чай, варенье, иконки. Часто приходилось идти долгую дорогу от колонии до дома пешком, по темноте. Идешь, а вместе с тобой идет, ползет тюремное горе-злосчастье, не отпускает, так, что слезы сами собой катятся. Страшные судьбы встречаются. Бывают такие тесные обстоятельства, что кроме Бога никто не поможет, не на кого положиться. Все это укрепляло уверенность, в том, что Господь своей благодатью и милостью направил меня сюда ради них, ведь они тоже Его дети. Именно в зоне я понял, что со страдающими людьми нужно быть предельно откровенным, честным. Если чего-то не знаешь, то нужно об этом очень просто так и говорить. Любое лукавство и неправду они чувствуют очень точно, точнее, чем всякие там психологи. А потом начались исповеди. Честные, глубокие. Необычно мне было слышать от тех, кто за свои дела по двадцать лет заключения получил, рассказы о том, как Господь открывал в их душах понятия веры. И это не было ни лукавством, ни обманом, никаких, как они говорят, "понтов". Заключенные всегда ждут прихода священника. Встречают с таким вниманием, с такой надеждой и теплотой! Как ждут они крещения, какие рубахи шьют крестильные, уж из чего, даже не знаю. Кому из них пришло бы в голову оказаться от оглашения перед крещением?

У нас в городе, в храм часто подходят люди с претензиями: "Какие беседы?! Какое вы имеете право нас обременять? Мы будем жаловаться!". А эти наоборот просят: "Отец Павел, обязательно! Говорите, рассказывайте нам о Христе, мы должны принять крещение всем сердцем". И они принимают его с таким смирением, с таким покаянием, что, если бы в тот момент перед ними распахнулись двери темницы, они вышли бы на волю оправданными пред людьми и Богом. Меня не перестает удивлять, как эти крепкие, по-своему цельные люди, оказались за той чертой, которая отделила их от Божьего Промысла. Какие бы это были делатели! Если они сказали тебе "отец", то за свои слова отвечают. Человеческая сущность

всегда тоскует по отцовству, именно от его недостатка, по моему мнению, происходят все видимые и невидимые преступления.

"Спидовые"

Да, были на зоне и такие. Изгой из изгоев, ВИЧ-инфицированные содержались в отдельном бараке. Они были "невыводные" - их нельзя было выводить на работы, а сами себя они называли - "спидовые". Это в духе зоны - все внешне воспринимать с иронией или с юмором, за которым легко скрыть трагичность ситуации или искренние чувства. Спидовые - бедовые - конченные. Этот приговор - почище прокурорского. Их вынесло. Выбросило из всех миров. Каждый из них решал вопрос: "Кто я теперь? И кому теперь нужен?" Конечно, были вопросы и у меня: "Как примут они приход священника? Что возобладаст: бунт, обида, страх или осознание вечности как реальности? Ведь только из этого откровения может родиться искреннее покаяние и надежда". Я приносил им книги, брошюры, кассеты, фотографии, свои домашние и те, что оставались у меня после каждой командировки, после Рождественских чтений, фестивалей, личных встреч. Я торопился поделиться с ними всем, чем я сам жил, чем дышал. Теперь я думаю, что был для них необходим больше, чем для других, необходим, хотя бы тем, что приходил к ним просто как к людям, навещал их, как родные навещают больных в больнице. Мы говорили обо всем, о чем они хотели говорить, и о том, что интересовало меня. Кто-то сначала просто лежал к нам спиной, через месяц он уже сидел поодаль, а еще через полмесяца был уже рядом. С разрешения начальника колонии, они организовали в бараке маленький «свечной заводик» - переплавляли огарки и выливали новые свечи. Они хотели быть хоть кому-то полезными. Сколько чая было выпито вместе, и от этого бесконечные беседы становилось еще теплее. А провожали до самой последней двери, куда можно было дойти! Они передавали мне все, что делали своими руками: "Батюшка, отнесите детям, отдайте тем, кто вас окружает, кто делит с вами пастырское служение".

Испытание свободой.

Да, люди там, действительно, встречаются всякие, как и на свободе. Но в каждой судьбе излом. На стене одного из зданий был такой плакат: "Помни, тебя ждут дома!" Если бы! Если бы это было так - для всех. У многих за границей зоны никого и ничего. Прежний круг - единственное пристанище. И новое преступление, и новое "дело", и невозможность вырваться. Сколько раз приходилось повторять: "Ребятки, вот вы сейчас рветесь на волю, а ведь вас там никто не ждет, испытание свободой посерьезнее камеры будет". И они действительно потом приходят и спрашивают: "Отец Павел, что делать? Мы никому, в натуре, не нужны! Я понял, что знаю только зону. Знаю, что там я буду сыт, достану себе "хавку", буду одет. Но я НЕ ХОЧУ!". Когда кто-то выходил на свободу и ему некуда было податься, я приглашал к себе домой и говорил: "Ты не торопись, побудь хотя бы два-три дня, оглядись, чтобы тебе спорах не наломать дров, не попасть в неприятности".

Я очень радуюсь, когда получаю письма от тех, кто смог вернуться в свою прежнюю семью или создать новую. Таких, конечно, немного. Были и те, кто, возвращаясь в колонию, признавались: "Прости, отец Павел, только сейчас начал понимать то, о чем мы с тобой раньше говорили". После встречи священника с человеком можно поставить только запятую или многоточие, потому что внутренняя борьба в каждой душе продолжается до конца жизни. Сея зерно, не всегда знаешь, когда и как оно прорастет. А бывало и так, что некоторые из освободившихся, помытарившись до холодов, специально отправлялись за решетку по мелкому преступлению, потому что деваться им было некуда. Я молюсь за них. Прошу освободившихся: "Вы только не потеряете целостности души, не возвращайтесь на ту дорожку, которая для вас так легка и привычна".

Страх

Не каждый священник по своей воле пойдет в тюрьму. И не каждого священника заключенные смогут принять, и принимают не каждого. Кто-то боится "тюремного" беса, кто-то не доверяет заключенным, кому-то это еще не по силам, нет

опыта. Как сможешь заставить себя хотя бы жалеть преступника, не говоря уже о любви... Но ведь о спасении души хотя бы одного из таковых на небесах происходит особая радость, ликование!.. Боящийся не совершенен в любви, это евангельское откровение неумолимо. Сам страх уже является грехом. В страхе и в недоверии даже на свободе, даже с близкими, родными людьми жить не получается. Страх это своеобразная форма предательства - преступление против любви.

Конечно, есть на зоне и совсем ожесточившиеся люди, даже сами заключенные называют их "отмороженными", "беспредельщиками". Этот диагноз говорит об особом искажении и поражении психики. От таких людей никогда не знаешь, чего ожидать.

Но если что-то и случится, какая разница, где это произойдет - на зоне или на воле? Успеть бы помолиться. А вообще, я об этом не думаю - просто есть у нас в городе колония строгого режима, есть в ней люди, а остальное не только от меня или от них зависит.

«Преступный мир должен быть уничтожен»

Как-то пришлось мне услышать высказывание писателя В. Шаламова - "Преступный мир должен быть уничтожен". Передо мной сразу встали лица этих людей - заключенных, их глаза... И чтобы их сожгли, в газовой камере удушили, с самолетов разбомбили? А, позвольте узнать, от чьего имени и по чьей воле? И кто это будет исполнять? Я бы в таком "милосердии" участвовать не согласился. Так ведь уже был у нас такой "эксперимент" - уничтожение классовых элементов, создание нового общества и многое другое за историю человечества. До сих пор эту кашу расхлебываем. Такое «гуманное» уничтожение даже представить себе страшно. К этому "беспределу", с точки зрения закона, даже статью можно подобрать, что-то вроде: «организованный бандитизм, с особо тяжкими последствиями». Судя по всему, идеология "массового уничтожения" вытекает из атеизма. В этом мировоззрении нет места Богу. А значит, и в человеке нет образа Божьего. Исходя из такого взгляда на мир, любого человека можно считать просто генетическим хламом. Теория "уничтожения" не подлежит никакой критике, она

основана на неразрешимом парадоксе и появилась в те времена, когда стала ослабевать вера в Творца, а о генетической памяти еще ничего не знали. Но в наше время всеобщего образования, несерьезно строить систему на таком поверхностном рассуждении. Господин Шаламов боится плохой генетики и предлагает очень дешёвый способ - просто уничтожить весь испорченный материал. Предлагает нам всем стать или душегубами, или соучастниками преступления. А что делать потом с нашей генетической памятью? Уничтожить тех, кто уничтожал, и так до бесконечности? Хотелось бы также узнать, откуда у "чистильщиков" такой опытный знаток данного предмета. Может быть, по наследству? И не страшит ли их собственная испорченность?..

Как правило, разрушители - обычно или неврастеники, или бездельники, мотивы их поступков при близком рассмотрении оказываются даже примитивнее, чем их рассуждения. Идеалистам, к которым относят себя

верующие в Творца люди, открыто другое знание. Зло - это духовное явление и физическим воздействием его не истребить. Зло, умноженное на зло, станет злом в квадрате, или вернее в кубе. Ведь человека против человека настраивает дух злобы. Вот так и получается три в одном. Любый поработанный греху - соработник дьяволу.

Христиане верят в то, что само по себе зло бессильно. И поэтому учатся останавливать зло на себе самом, не распространять его дальше. А вот для этого нужно мужество, основанное на вере и любви, а не на справедливости. По справедливости не получится, так как у каждого из людей своя правда и своя неправедность. Если по справедливости, наказать нужно всех и наказывать могут все. Есть у нашего народа такая пословица: "От тюрьмы да от сумы не зарекайся". Когда начинаешь вслушиваться, вглядываться в судьбы людей, переводить это на себя, то невольно задумываешься о том, что было бы с тобой при подобных обстоятельствах. Да и есть ли у нас такой аппарат, который помог бы нам точно

Свет Христов просвещает всех...

2006 г. Пасха

определить, кто из заключенных уж не способен к исправлению? К тому же не секрет, что у госпожи Фемиды, иногда бывают, закрыты глаза и на нары нередко попадают невиновные. Многие из заключенных попали на путь преступлений с малолетства. Вот одна из таких историй: "Отца не было, мать - проститутка, у сверстников были игрушки, велосипеды, а у меня ничего этого не было. Я не предполагал тогда, что, взяв велосипед покататься, совершил кражу. Меня обвинили, заступиться некому. Вот и попал на "малолетку", а там очень жестко, либо я его, либо он меня. И пошло преступление за преступлением".

Контрастный душ

Я очень благодарен Господу за то, что мне за время служения было дано приобрести опыт общения с очень разными людьми. Это, как контрастный душ: одно сменяется другим, а вместе оказывает целебное воздействие. Каждый человек в какой-то области превосходит меня, и у каждого я готов учиться. Тонкость и чуткость есть у людей повсюду, только внешние обстоятельства бывают разными. Позовут в жюри на кинофестиваль - поеду, пригласят в колонию - пойду. Везде

необходимо пастырское благословение, везде возможно поливать, удобрять, а Господь возрастит. Я иногда в шутку говорю, что диапазон священнического общения - от воров в законе до воров от государственного закона. С первой категорией бывает даже проще. У них, как в Евангелии: "Да-да, нет-нет". На зоне все очень сжато, за короткий промежуток времени каждый человек становится понятным, кто он и чем дышит. На воле больше возможностей менять маски, прятать под ними свою сущность. Когда видишь чужое страдание, это даёт тебе понять своё сердце, увидеть себя, увидеть то дурное, что сам не можешь в себе заметить. Каждый человек, как зеркало, в котором отражается твоя душа. Есть такие вещи, о которых невозможно рассказать даже самым близким людям. Это не моё достояние, это человеческие судьбы, чьи-то слезы, чьи-то тайны.

Благоразумный разбойник

Сколько не пройдет веков и тысячелетий, а Евангелие будет повествовать о благоразумном разбойнике. Вряд ли случайно то, что в последние часы жизни Христа окружали те, кому не было

места среди людей, те, кто дошёл до самого дна и на ком совершился человеческий суд. Зачем вознёс их Господь так высоко, над теми, кто считал себя вправе судить? Почему Он приравнял Себя к преступникам, не отрёкся от такой дурной компании?

Что единит людей больше всего? Страдание и смерть! Это равенство не могут затмить ни наряды, ни награды, ни должности. Взирая на Голгофу, мы все имеем возможность присоединиться: в покаянии или в отчаянии соединить свою человеческую немощь с Телом Христовым - распятым, униженным, но ожидающим Воскресения. Отверженный человек острее чувствует временность бытия. Может быть, поэтому отношение благоразумных разбойников к священнику такое необычное и непонятное другим. Есть в моём сердце неизгладимые воспоминания.

Водно из самых первых посещений колонии, на Пасху, заметил я очень осторожного, напряженного человека, внимательно слушавшего мои слова. Это был один из авторитетов преступного мира. Жизнь странным образом сводила нас и на зоне и после его освобождения. Я его венчал, я же его и отпевал. Он рассказал мне, как глубоко пережил нашу первую встречу: "Отец Павел, когда вы вошли, во мне что-то перевернулось. Проснулось какое-то острое и радостное чувство, хотелось плакать, но я сдерживал себя". Он был потрясен только одним тем, что перед ним стоял священник. Вот каким образом может действовать призывающая благодать Божия. А потом, уже на воле, его застрелили, вместе с женой, которая закрыла собой сына.

Охрана

Когда я встречаю бывших заключенных на улице, они берут у меня благословение. Это, конечно не понятно тем, кто далеко отстоит от Христа. Часто слышны упрёки: "Что же это отец Павел блатных благословляет, наверное, они ему "отстегивают", чтобы он им грехи прощал". Я отвечаю: "Он не блатной, он человек! А священник идет туда, куда его зовут - вы-то не зовете к себе! Подходите, и вас благословлю, но знайте, благословение Божие распространяется только на добрые дела".

К сожалению, и из тех кто служит на зоне, - офицеры, воспитатели, администрация, охрана - мало людей, интересующихся вопросами веры. А ведь им жизненно необходимо пастырское слово, жизнь в таинствах, чтобы избежать изломов души, ожесточения. На зоне и в тюрьме даже воздух отравлен соблазном дозволенности. Где еще найти силы, чтобы справиться?

Что мешает сотрудничать? Скорее всего, сказывается специфика тюремной службы, в которой многое построено на недоверии, осторожности и самозащите. Они же не цветочки охраняют. На колючей проволоке как-то не прививается благодушие и человеколюбие. Для людей, охраняющих рецидивистов, большой вопрос: "Как можно совместить строгий режим с христианским всепрощением?" От этого возникает недоверие и к священнику, попытка обнаружить в его действиях какой-то скрытый умысел. Нельзя забывать и тот факт, что совсем недавно священник мог появиться на зоне только в качестве арестанта. Я не берусь судить о правильности или неправильности исправительной системы, но как священник сталкиваюсь с её трагическими последствиями. Люди, защищая одних людей, изолируют других, но имеют опасность потерять человека в самом себе. Сознание деформируется и у охраняемых, и у охраняющих. Заключенные хотя бы ждут освобождения, конца срока, а охранники?

Мы все, вся страна были совсем недавно одним большим ГУЛАГОМ. Нам сначала привили лексикон насилия: "борьба за урожай", "штурм плана", "атаки на культурном фронте", а теперь уже вообще отовсюду звучит язык зоны. Сердце человека всегда чутко реагирует на несвободу, а уста говорят от полноты сердца. Глубинный смысл происходящего очень точно выразил протоиерей Глеб Каледа: "Лагеря, зоны, тюрьмы - это наши кровоточащие, исходящие гноем язвы и нам их лечить".

Но, как бы там ни было, на тех, кто взялся опекать или "исправлять" изолированных от общества людей (это касается и детских исправительных учреждений), всегда будет лежать основная ответственность за их судьбы. Здесь не обойтись исполнением служебных обязанностей. Это не просто работа - это служение. Его не оплатить никакими деньгами. Здесь всегда будет опасность подмены. Почему попал человек за решетку, можно понять, а вот зачем пришел на такое суровое служение офицер, это сложный вопрос...

2004 г. После литургии

"Споручница грешных"- храм за колючей проволокой

В 1999 г. на должность начальника колонии пришел Владимир Георгиевич Кривоносенко, ныне занимающий пост главы городской администрации. Во время его руководства возможным стало многое из того, что никак не прорастало в этом учреждении. Однажды я показал ему проект храма-часовни, которой не нашлось места ни в городе, ни в окрестностях. Проект понравился, и Владимир Георгиевич сразу же загорелся мыслью построить храм на территории колонии. И для меня, и для заключенных это была большая радость. Несмотря на трудное экономическое положение, на внутреннее сопротивление, работы удалось завершить за восемь месяцев. В самом центре зоны засверкали кресты точной копии часовни Державной Божией Матери, которая находится в

ансамбле Храма Христа Спасителя в Москве.

Черно-белые фотографии, оставшиеся в воспоминание об освящении места под строительство храма, удивительно точно передают смысл произошедшего: «Священник, начальник, заключенные укладывают камни, удерживающие крест».

Промыслом Божиим, первое здание храма на этой скорбной, каторжной земле было возведено за колючей проволокой и руками заключенных. Теперь в колонии служит литургия, совершаются Таинства. У меня появился помощник, второй священник - сейчас уже протоиерей, настоятель Свято-Никольского прихода - Сергей Рубцов. Он принимает самое искреннее участие в судьбах заключенных. Псаломщик Свято-Успенского прихода Н. Комисаров занимается с желающими помогать в клиросном послушании. В этом году заключенные по своей инициативе собрали Рождественские подарки для детей и попросили передать их тем, кто нуждается...

Храм-часовня

в честь иконы Божией Матери Споручицы грешных

2001 г. Освящение крестов

Трудно рассказать обо всем том, что приходится проживать священнику и его помощникам в «местах не столь отдаленных». Особенно сложно совмещать это служение с обычными приходскими обязанностями.

Исправительные учреждения имеют свои особенности, свой режим. Я уверен, что заключенные нуждаются в такой же постоянной опеке, как и брошенные дети, как бы странно это ни звучало. Тюремный священник - особое служение, требующее от человека всей отдачи.

Еще хочется подчеркнуть тот факт, что сейчас существует опасность подмены. Несведущие люди часто желают переложить на Церковь задачи исправления и воспитания заключенных, как и многое другое из области государственного и социального служения. Хорошо бы помнить, что Церковь - не организация и не исправительное заведение. Церковь призвана благовествовать Царство Божие. Священник зовет людей ко Христу, открывает для ищущих возможность сопричастия Ему. Но выбор всегда остаётся за человеком, по слову святых отцов, мало родиться человеком - человека нужно в себе родить.

Мы все - единое человечество, друг от друга зависим, друг без друга не можем, друг другу помогаем понять и воплотить тот замысел, который о каждом из нас имеет Отец Небесный. ■

Записано Натальей Гирёвой.

Протоиерей Борис Молчанов

КАТОЛИЧЕСТВО и ПРАВОСЛАВИЕ

доклад

В последние два десятилетия о взаимоотношении православных и католиков было сказано и написано столько, что, кажется, только ленивый не высказался на эту тему. Стоит отметить, что многие участники дискуссии, ссылаясь на исторические события, имели весьма условное представление о догматических корнях Великого Раскола. Предлагаем вниманию читателей статью клирика Русской Православной Церкви Заграницей протоиерея Бориса Молчанова. Взвешенное и доброжелательное слово известного пастыря было опубликовано в журнале «Церковная Жизнь» №3-4 за 1959 год.

25 января 1959 года, в девятнадцативековую годовщину написания послания Апостола Павла к Римлянам, новый Папа Иоанн XXIII неожиданно объявил кардиналам о своем решении — созвать Вселенский Собор для восстановления единства всего христианского мира. Это заявление Папы вызвало огромный интерес во всем мире и принципиальную благожелательную реакцию со стороны всех христианских вероисповеданий. И это вполне понятно, ибо идея единства дана и заповедана нам на все века Самим Спасителем. Господь Иисус Христос, готовясь идти на вольные страдания и смерть ради нашего спасения, в последний час Своего пребывания с учениками молился Отцу: «Да будут все — едино: как Ты, Отче, — во мне, и Я — в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Иоан. 17, 21).

Дав Свое молитвенное завещание о соблюдении единства, Господь указал и путь к нему, который состоит в сохранении любви и в охране и исповедании чистой, неповрежденной истины. «Сия есть заповедь Моя — да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Иоан. 15, 12). «По тому узнают все, что вы — Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Иоан. 13, 35). «Освятите их истиною Твоею, слово Твое есть истина» (Иоан. 17, 17). Истина — совсем не такая вещь, которой можно пренебречь ради какого-либо компромиссного объединения, ибо в Истине пребывает и Дух Истины, Иже от Отца исходит. И потому человек, исповедующий Истину, усваивает и Дух Истины — Духа Святого.

Теперь, когда перед сознанием каждого из нас стоит вопрос — как найти возможность конкретного объединения христианства при непременном сохранении истинного вселенского вероучения, нам следует обратиться к истории Церкви и изучить те причины, которые вызвали отпадение от Единой Церкви Христовой значительной части христиан.

...

Пробегаая мысленным взором историческую жизнь Церкви, можно сказать, что Церковь Христова была в полном значении слова Единой только в течение первых трех веков, когда христианство распространялось, главным образом, среди рабов, лиц не латинского происхождения, и когда большинство членов первенствующей Церкви переживало пламенное

религиозное воодушевление, полную готовность пострадать за истинную веру и глубокую любовь между собою.

Официальным языком был тогда язык греческий. Послание Папы Климента сохранилось на греческом языке.

Начиная с IV века кафедру Римского епископа стали занимать природные римляне, наделенные от природы большими административными способностями и врожденным стремлением к власти. Это обстоятельство сразу же вызвало различие в характере и в направлении религиозной жизни на Западе и на Востоке. В то время, как Западная Церковь, руководимая способными администраторами, увидела свою главную задачу — в расширении и углублении своей власти, в своем росте в широту — по духовной горизонтали, Восточная Церковь видела свою главную цель — во внутреннем духовном совершенствовании, в своем росте в высоту — по духовной вертикали. Такое расхождение духовных путей Запада и Востока окончательно закрепилось, когда государственная власть на Западе пала и все бремя светской власти и наследство древней Римской империи легли на плечи Римского Папы, оставшегося единственным авторитетом там и возглавителем организованного управления. В этих условиях и Запад, и Восток, при полном отсутствии формального разрыва, пошли разными путями и стали привыкать к взаимной духовной отчужденности.

Но, несмотря на это, единство Церкви не было утрачено. Оно выражалось на Вселенских Соборах в совместном участии представителей и Западной, и Восточной Церквей в охране единого Вселенского вероучения и в защите его от всех возникавших ересей. При этом надо справедливо отметить ту особенность Рима, что при всех появлявшихся лжеучениях (в особенности — раннего периода) суждение Римского Папы почти всегда выражало истинное вселенское учение, которое формулировалось на Вселенских Соборах. Это объясняется тем, что в Рим, бывший тогда мировым центром, стекались верующие из всех стран и городов, которые подробно информировали Римскую кафедру о всех возникавших у них вопросах и о своих воззрениях. Таким образом, в то время, как на Востоке в каждом городе знали только свои местные воззрения, Рим знал вселенское воззрение. «Хронометры Александрии,

Карфагена показывали местное время, хронометр же Рима в то время был проверен по вселенскому времени» (проф. Болотов). Эту чрезвычайно ценную особенность Римской Церкви, вытекавшую исключительно из ее вселенской осведомленности, отмечал Св. Ириней, епископ Лионский, указывая на «сходящихся в Рим».

Природный властный характер Римских епископов проявился, прежде всего, в утверждении своего главенства на всем Западе. Эта задача оказалась не трудной, благодаря двум бесспорным преимуществам Римской Церкви.

Римская Церковь была, во-первых, единственной на Западе кафедрой апостольского происхождения («седес апостолика»), где Святые Апостолы Петр и Павел сказали свое последнее слово, умирая за Христа. И, во-вторых, она была и «Церковью-Матерью» для всего Запада («еклезия матрикс»), от которой христианская вера распространилась и утвердилась по всем западным странам.

Но когда Римские Папы стали проявлять стремление утвердить свое главенство и на Востоке, то там указанные основания не имели никакого удельного веса, ибо кафедра апостольского происхождения там было много, а Церковью Матерью для всей вселенной был Иерусалим, где Сам Господь пострадал и воскрес, где родилась Церковь в день Пятидесятницы и откуда пошла проповедь о спасении по всему миру.

Ввиду этого Риму потребовались другие основания для утверждения своего права на главенство: вместо историко-канонических — основания догматические, т. е. такие, которые имели бы силу во все времена и для всех народов.

Папа Бенедикт XVI обращается к пастве с "Апокрифом благословения" собора Святого Петра.

Католический догмат главенства Папы можно представить в виде трех звеньев:

1) Апостол Петр является князем Апостолов, получившим особые верховные полномочия от Христа на управление Церковью (Матф. 16, 18-19; Иоан. 21, 15).

2) Верховные полномочия, дарованные Апостолу Петру, не должны прекратиться с его смертью, а должны передаваться его преемникам.

3) Единственными преемниками Апостола Петра являются Римские Епископы.

Первое звено, говорящее о верховных полномочиях Апостола Петра, Римская Церковь старается доказать ссылкой на следующие слова Христовы: «Я говорю тебе, ты — Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах» (Матф. 16, 18-19).

Чтобы правильно понять эти слова Христовы, прочитаем все повествование Евангелия: «Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: «Ты — Христос, Сын Бога живаго» (Матф. 16, 13-16). И только после этого ответа Петра Господь назвал его вместо Симона Петром (камнем) и сказал, что Он на сем «камне» создаст Церковь Свою. Здесь ясно видно, что Господь «камнем» назвал твердое исповедание веры Петра, а не его личность. Поэтому, по мнению Оригена, «камень» — всякий ученик Христов, и каждый

Скульптура Святого апостола Петра перед входом в собор Святого Петра в Риме.

ученик становится Петром, когда исповедует Христа подобно Апостолу Петру. Блаженный Августин обращает внимание на то, что слово «Петрос» происходит от «ти петра» — скала, камень, как слово «христианин» происходит от имени Христа, а не наоборот. Следовательно, и значение свое Апостол Петр получает от церковного камня, т. е. от твердого исповедания веры, а не камень Церкви заимствует свое значение от Петра. Далее он говорит, что апостолу Петру дается то же, что дано всем Апостолам, ибо всем сказано: «приимите Дух Свят...» (Иоан. 20, 22).

Еще меньшим основанием для утверждения верховных полномочий Петра может служить другая ссылка на евангелие (Иоан. 21, 15-17), где повествуется о явлении Апостолу Симону-Петру воскресшего Христа, троекратно вопрошавшего его: «любиши ли Мя», и троекратно же говорившего ему: «паси овцы Моя». Здесь ясно было не награждение Петра особыми правами, а троекратное восстановление его в апостольском звании после его троекратного отречения от Христа. Господь даже не называет его Петром, а говорит ему: Симоне Ионин — так, как звали его до призвания к апостольству.

Если же допустить, что Христос даровал особые полномочия Петру, то является совершенно недоказанным утверждение о переходе этих полномочий ко всем его преемникам. По этому вопросу подан только один голос — Тертуллиана (в сочинении «О целомудрии»), и тот не за, а против. «А по поводу твоего приговора (обращение к Римскому Папе) я спрошу — откуда ты взял такое право в решении церковных дел? Кто ты, что ниспровергаешь и изменяешь самоочевидное намерение Господа, Который передал это лично Петру». Таким образом, преимущество Апостола Петра, по мнению Тертуллиана, со смертью Апостола и кончилось.

Рассматривая третье звено, мы должны признать, что у нас нет никаких исторических оснований считать Апостола Петра — первым Епископом Рима, а Римских Пап — его преемниками. История говорит только о мученической кончине Апостола Петра в Риме, и ничего не говорит ни о продолжительности его пребывания там, ни об устройстве им первоначальной Римской общины. История говорит за другого Апостола — Павла. В послании к Римлянам Апостол Павел пишет: «непрестанно вспоминаю о вас... ибо я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное... чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов» (Рим. 1, 9-15). При этом он отмечает: «я старался благовествовать не там, где уже было известно Имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (Рим. 15, 20). Эти строки заставляют думать, что если бы до Апостола Павла устраивал Римскую общину и управлял ею Апостол Петр, то Апостол Павел не стремился бы в Рим «строить на чужом основании». Первым устроителем и управителем Римской Церкви был Апостол Павел. И в силу этого Римские Папы могут почитаться преемниками Апостола Павла. И не потому ли все портреты Пап помещены под куполом в соборе Апостола Павла, а не в соборе Апостола Петра?

Бесспорным местом, где Апостол Петр устраивал Церковь и управлял ею, является Антиохия (Галат. 2, 11). Св. Иоанн Златоуст не без основания называет антиохийского епископа преемником Петровым, и именно в том возвышенном смысле, в каком именовали себя римские епископы.

Несмотря на шаткость всех приведенных доказательств в пользу главенства Пап, сторонники папства упорно продолжают учить о том, что Папа имеет вселенский авторитет, что он — единственный епископ — источник, из которого вытекают все церковные служения, включая и епископат, который не прямо, а только через Папу получает божественные полномочия (Аббат Геттэ, «Папство»).

Самым сильным противником этого учения явился Папа Григорий Великий, причисленный к лику святых и прозванный Двоесловом. Всю эту доктрину он открыто объявил диавольской. В своем послании Византийскому императору он писал: «Я говорю без всякого колебания, что кто только назовет себя вселенским епископом... тот явится по своей гордости предтечей Антихриста, потому что в этом случае он будет пытаться возвысить себя самого над другими». А в письме Александрийскому Патриарху Евлогию, отвечая на его льстивое замечание о том, что якобы

только Римский Папа имеет право именоваться «вселенским», и что «согласно его (Григория) приказу он больше не назовет никого из епископов «вселенским», Григорий Великий решительно заявил: «Я Вас прошу не дать мне возможности слышать это слово — «приказ». В Вашем положении Вы — мои братья, по Вашим добродетелям Вы — мои Отцы... Вы больше не должны давать этот титул ни мне, ни другим... в надписании Вашего письма Вы дали мне, запретившему это, безславные титулы: «вселенского» и «Папы». Я умоляю Вас в будущем этого не делать, потому что Вы от себя отнимаете то, что другому даете в избытке. Я не заинтересован возвеличиваться в титулах, но заинтересован возвеличиться — в добродетелях. И честь, которая вызывает потерю чести у братьев моих, я не считаю достоинством... Пусть далеко от нас будут слова, которые надмевают тщеславие и ранят милосердие».

Таким образом, Папа Григорий осудил в лице Епископа Римского и титул «Папы» и титул «вселенского». Он признал, что Патриарх Александрийский ему равен, и что он не уполномочен давать ему приказы, и вследствие этого он не имеет никакого авторитета над ним (Аббат Геттэ, «Папство», стр. 225-227).

Догмат о главенстве Папы на практике проявлялся в том, что Папа сам никогда не появлялся на заседаниях Вселенских Соборов, а посылал туда своих легатов, подчеркивая ту мысль, что Папа в ы ш е Вселенских Соборов, решения которых могут войти в силу только после утверждения их Папой.

Такая практика Римской Церкви, вовремя не опротестованная Востоком, твердо входила в сознание Запада и приобретала уже право освященной веками непререкаемой традиции. В этом случае совершенно непонятным является пассивное отношение Востока, который не только не давал никакого отпора Риму, но своими льстивыми и пышными выражениями по адресу Пап еще больше пробуждал их к энергичному предъявлению своих прав на вселенское главенство.

...

Также не был своевременно замечен и никем на Востоке в течение столетий не был опротестован католический догмат «Филиокве». Вначале он появился в виде частного богословского мнения в V веке в Испании. При первых попытках внесения «Филиокве» в Вселенский Символ все протесты против этого

Св. Григорий, именуемый Двоесловом (собеседником), родился в Риме ок. 540 г.

Принадлежал к древнему патрицианскому роду, в котором были христиане, даже святые. Будущий святитель получил блестящее светское образование, и его ожидала блестящая государственная карьера. Он же чувствовал духовное призвание. Григорий вел скромную богоугодную жизнь и всей душой стремился к инокству. После смерти отца на его состояние он построил шесть монастырей в Сицилии, а в Риме основал монастырь во имя Андрея Первозванного, где и принял иноческий сан. Мысли об апостольском долге Церкви, стремление к духовному просвещению языческих народов вдохновляли св. Григория в течение всей его жизни и нашли достойное отражение в его богословских творениях. В 577 г. св. Григорий был посвящен в сан диакона. По поручению папы Римского долго трудился в Византии, где изучал греческий язык и творения святых отцов Востока, написал «Толкование на книгу Иова», оказавшее влияние на творения многих крупнейших богословов и поэтов средневековья.

В 590 г. св. Григорий был избран на Римскую кафедру. В это время Италия подверглась нашествию варваров. Св. Григорий проявил себя при этом ревностным архипастырем и выдающимся государственным и общественным деятелем. В 602 г. он получил признание главенства Рима над всей Западной Церковью. Постоянные государственные заботы перемежались с его трудами по укреплению падавшей римской культуры. Его толкования на Священное Писание, многочисленные проповеди и пастырские послания составили костяк нового западного богословия, которое начнет развиваться позже. Прозвище «Двоеслов» он получил за один из своих трудов «Диалог», посвященный жизни святых Италии.

Св. Григорий составил на латинском языке чин Литургии Преждеосвященных Даров, которая до него была известна лишь в устном предании. Этот чин был утвержден на VI Вселенском Соборе в 680 г. и принят всей Христианской Церковью. Скончался свт. Григорий в 604 г. Мощи его почитают в соборе св. апостола Петра в Ватикане.

Ветхозаветная Троица. Эскиз настенной росписи

исходили не от восточных Патриархов, а от самих Римских Пап (Лев III, Адриан). Восток проявлял поразительное равнодушие и безучастие к церковной жизни Запада и проснулся слишком поздно, когда учение о «Филиокве» было принято на Аахенском Соборе в 809 году, как обязательное дополнение к Символу на Западе.

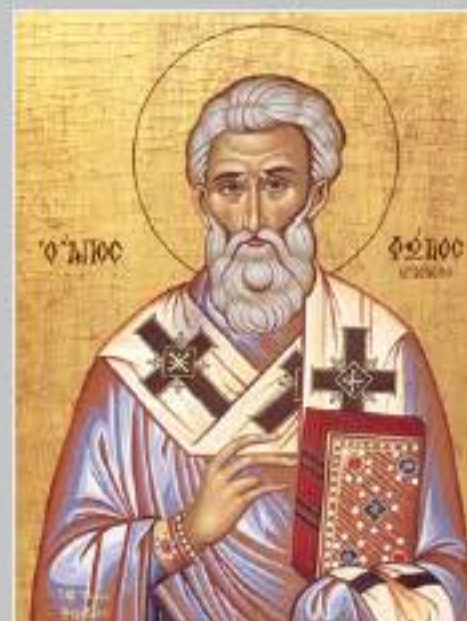
Догмат «Филиокве» означает учение об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына. Католический писатель, священник о. Станислав Тышкевич пытается доказать, что такое же учение содержится в творениях Св. Отцов Восточной Православной Церкви, ссылаясь, главным образом, на весьма авторитетного писателя Св. Иоанна Дамаскина. Но при этом он неправильно отождествляет два совершенно различных понятия: а) предвечное исхождение Духа Святого от Отца и б) посольство Духа Святого от Отца в мир во времени. Все Св. Отцы Восточной Православной Церкви учат, что Дух Святой предвечно исходит от Отца, но посылается в мир от Отца через Сына, вследствие искупительного подвига Сына.

Очень сильно возражает против этого католического догмата Патриарх Фотий. В своем циркулярном письме, разосланном всем Восточным патриархам, он представляет «Филиокве» как ересь, снижающую христианское богословие до уровня греческой мифологии... Обращаясь к Римскому Папе, он говорит: «где узнал ты этот факт, который ты утверждаешь? В каком Писании нашел ты это слово? Какому Собору принадлежит это кощунство?» в

закключение Патриарх Фотий говорит, что следствием этого учения является то, что в Боге должны быть четыре Лица или Ипостаси, ибо Дух Святой, имеющий двойное начало (от Отца и от Сына), должен иметь и двойное Личное бытие (Аббат Геттэ, «Папство», стр. 330-333).

Наш глубокий мыслитель и богослов Хомяков останавливает свое внимание не столько на сущности самого учения о «Филиокве», сколько на самом факте незаконного внесения его во Вселенский Символ одним произвольным решением Запада, вопреки 1-му правилу Второго Вселенского Собора и 7-му правилу Третьего Вселенского Собора, ограждавшему неизменность Вселенского Символа на вечные времена. «Вопреки церковному Преданию, Запад в IX веке присваивает себе право изменять Вселенский Символ без содействия своих восточных братьев и делает это в то самое время, когда восточные христиане давали ему свидетельство своего братского уважения... Новое догматическое определение было включено во Вселенский Символ без содействия восточных Патриархов, и даже ни один из них не был об этом извещен...» Гордость отдельной Церкви, осмелившейся изменить Символ всей Церкви без согласия братьев своих, была внушена не духом любви, и была преступлением пред Богом и Святою Церковью» (Хомяков).

Этот произвольный акт изменения Вселенского Символа Западом означал его отход от Вселенской Церкви и начало разрушения истинного догмата о Церкви.

Святитель Фотий, Патриарх Константинопольский, жил в IX веке, происходил из семьи ревностных христиан. Отец его скончался мученической смертью за защиту икон. Святитель Фотий получил блестящее образование и, состоя в родственных отношениях с императорским домом, занимал должность первого государственного секретаря в сенате. Современники говорили о нем: «сведениями почти во всех светских науках он столько отличался, что по праву мог считаться славою своего века и даже мог спорить с древними». У него обучались наукам юный наследник престола Михаил и будущий просветитель славян равноапостольный Кирилл.

После изменения Вселенского Символа Римской Церковью хотя и произошел первый формальный разрыв между Востоком и Западом при Патриархе Фотии, но ввиду наступившего после смерти главных деятелей его некоторого затишья, возможность возобновления сношений для обеих сторон еще не была утрачена.

Более тяжкий разрыв произошел в 1054 году, когда папские легаты, не имея полномочий от Папы, возложили оскорбительную буллу на престол Софийского собора в Константинополе, чем вызвали бурю негодования на всем Востоке.

Окончательно же вырыли ров между Западом и Востоком два обстоятельства: а) крестоносцы, двигаясь через Византию, наполнили ее такими ужасами своих грабежей и насилий, что греческое население в течение столетий не могло спокойно говорить о латинянах; б) новые догматы Рима, не согласные с Вселенским вероучением. В то время, как Восток остался на почве неповрежденного учения семи Вселенских Соборов, т. е. на том «статус кво ante», которое исповедовалось всеми народами до отделения Рима от Вселенской Церкви, Рим, разрушив истинное понятие о Церкви, произвольно порвав свою связь с Вселенской Церковью, принял на своих поместных западных Соборах много новых догматов, противоречащих истинным вероопределениям Вселенской Церкви.

Владимир Соловьев старался доказать, что между принципом догматического развития,

свойственного Риму и принципом догматического охранения — «что до нас положено, то лежи так во веки веков», свойственного Востоку, нет никакого противоречия. Он писал: «одно дело — охранять сундук с деньгами, и другое дело — охранять истину от заблуждений. Охраняя истину от заблуждений, мы развиваем ее смысл, или охраняя душу от зла, мы развиваем ее нравственные силы». Следовательно, развитие в данных случаях может только помогать охранению.

Все это было бы прекрасно, если бы все новое догматическое наложение Римского учения оказалось развитием истинного Вселенского вероучения. Но, к великому сожалению, оно оказалось развитием тех ложных предпосылок и тех неправильных шагов, которые были не согласны с Вселенским учением.

Догмат о «непорочном зачатии Божией Матери» (о непричастности ее к первородному греху) возник из неправильного учения о первородном грехе и его последствиях. Православная Церковь учит, что первородный грех, передаваемый по наследству всему человечеству, повредил все силы человека: и духовные, и телесные. Это повреждение всей природы человека особенно ясно видно при наблюдении за детьми, хотя и окруженными одними добрыми влияниями родителей, но проявляющими свое врожденное стремление ко

злу (проявления жестокости, эгоизма, непослушания...). Сам человек своими собственными человеческими силами, восстать не мог. Только Искупительная Жертва Христова открыла возможность спасения падшему роду человеческому.

Католическая Церковь считает, что первородный грех не повредил природных сил человека. Единственным последствием греха было отнятие от согрешивших прародителей сверхъестественной благодати. Так как Матерь Божия уже в самом зачатии Своем от праведных родителей своих была обласкательствована (наделена сверхъестественной благодатью), то, следовательно, она была непричастна первородному греху.

Такое учение Католической Церкви подрывает всеспасительное значение Искупительной Жертвы Христовой. Если допустить возможность существования хотя бы одного человека, освобожденного от первородного греха и, следовательно, не нуждающегося ни в спасении, ни в Спасителе, то напрасно Господь страдал за нас и вкусил смерть. Возможность спасения без Спасителя, предоставленная хотя бы одному человеку, могла быть предоставлена Богом и всем. Отсюда вытекает кощунственное допущение ненужности Жертвы Христовой.

Но Матерь Божия Сама возражает против такого учения, говоря: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем». Сына Своего Господа Иисуса Христа Она называет Спасителем Своим, т. к. Он спас и Ее от первородного греха, от которого не был избавлен никто.

Православная Церковь, утверждая передачу наследственного греха Божией Матери, только

подчеркивает всеобъемлющее действие (необходимое для всех людей без исключения) искупительного подвига Христова, но в этом не видит никакого повода для уменьшения своего прославления Ее. Церковь называет Ее Царицей Небесной и считает Ее выше всех небесных сил безплотных — «честнейшею херувим и славнейшей без сравнения серафим».

Последний Ватиканский догмат о непогрешимости Папы вырос из догмата главенства Папы и из желания оправдать свое произвольное изменение Вселенского Символа без участия Вселенской Церкви. Этим шагом Рима соблазнилось протестантство и «пришло к заключению, что по примеру Западного (Римского) Патриархата и всякая страна, всякая область, наконец, всякое отдельное лицо имеет право отделиться от целой Церкви и создать себе Символ веры или верование по своему вкусу». Поэтому Рим, чтобы «не оправдать своим примером протестантское своеволие, и вынужден был приписать Римскому Папе непогрешимость безусловную» (Хомяков).

Этот догмат сформулирован так:

«Твердо держась Предания, дошедшего до нас от начала Христовой Веры, мы (т.е. Папа), с согласия Священного Собора, во славу Бога Спасителя нашего, к возвышению католической религии и ко спасению христианских народов, учим и объявляем, как Богом открытое вероопределение: что когда Римский Папа говорит от своей кафедры («экс кафедра»), т. е., когда, исполняя свое служение как Пастырь и Учитель всех христиан, а силу своей апостольской власти — определяет, что такое-то учение относительно веры и нравственности должна содержать вся Церковь, то он при божественной, обещанной ему в лице Петра, помощи, обладает тою непогрешимостью (безошибочностью), которой Божественный Спаситель благоволил наделить Свою Церковь, для определения учения относительно веры и нравственности, и что поэтому такие определения Римского Папы сами по себе, а не по согласию Церкви, неизменны. А если бы кто дерзнул, от чего да хранит Бог, этому нашему определению противоречить, тот да будет анафема» (4-ое заседание, 4-я глава Ватиканского Собора 1870 года. Слова в скобках — от автора).

Папа Бенедикт XVI прощается с паствой. Площадь Святого Петра в Риме

Таким образом, согласно этому определению, Папа может утверждать что-либо по предметам веры и нравственности и с Церковью, и без Церкви, и даже вопреки всей Церкви и всему ее епископату, т.к. его определения по вопросам веры и нравственности, объявленные им «экс кафедра», сами по себе, а не по согласию Церкви, — неизменны.

В этом догмате вся Церковь сведена к одному Папе, к его авторитету и власти. Хотя здесь и делается ссылка на Предание, «дошедшее до нас от начала Христовой веры», но «по признанию самих латинян, в первые века Церкви о папской непогрешимости никто ничего не знал, ее во всеуслышание отвергали Отцы первых веков. Доказательством этого служат творения Св. Ипполита и осуждение, произнесенное Вселенским Собором, памяти Папы Гонория за его ересь» (погрешение в догмате) (Хомяков).

Не совсем ясным является здесь выражение «экс кафедра». По каким признакам можно отличить кафедральный голос Папы от не кафедрального?

1) Папа Сикст V, издавая собственноручно исправленный латинский перевод Библии, под угрозой анафемы обязал католиков принимать оный, как самый подлинник. Так как Папа

требовал беспрекословного принятия его труда под угрозой анафемы, то, по-видимому, это его выступление было «экс кафедра». Однако, этот папский перевод впоследствии оказался неверным со многими ошибками и был вовсе изъят из употребления.

2) Папа Лев III, несмотря на требование Карла Великого, не согласился внести в Символ Веры прибавление «Филиокве» и для ограждения неприкосновенности Символа Вселенской Церкви отчеканил его на двух металлических таблицах, повесив их в храме Св. Петра.

Однако, Папа Бенедикт VIII в 1015 году окончательно внес это прибавление в Символ, и с тех пор оно стало обязательным для всей Католической Церкви.

Вопрос о Символе является предметом вселенской важности, и потому нельзя сказать, что кто-нибудь из Пап действовал как частное лицо, а не как непогрешимый учитель всех христиан. Каким же образом непогрешимость учения может быть приписана двум противоречащим друг другу Папам?

3) Папа Евгений IV в буллах Базельскому Собору признавал постановление Констанцкого Собора (1414-1418) о верховенстве Соборов над Папами. Впоследствии же он отрекся от своего

13 марта 2013 года десятки тысяч людей собрались перед собором Святого Петра, чтобы лично увидеть нового Папу Римского.

признания. Когда же он говорил «экс кафедрa»: тогда ли, когда он признавал Соборы, или тогда, когда он отрекался от своего признания?

4) Папа Григорий XII приказал изгнать из Рима Бригитту, как вредную для Церкви мечтательницу.

А Папа Иоанн XXIII, будучи сам безбожным материалистом, утверждавшим, что душа человеческая умирает вместе с телом, выгнанную Бригитту причислил к лику святых. Этот Папа впоследствии был помещен в список антипап, а Бригитта остается в Римских святцах.

Непогрешимое познание Божественных истин до самой эпохи отпадения Рима признавалось всеми принадлежностью всецелой Церкви, объединенной единством Веры и духом любви. Эта мысль выражена в Послании Восточных Патриархов в 1848 году, написанном в ответ на послание Папы Пия IX.

В Слове Божиим ясно говорится, что не отдельный епископ, а вся Церковь есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15), ибо познание истины достигается единением «со всеми святыми» (Ефес. 3, 18; 4, 15-16).

Священник о. Станислав Тышкевич (католический писатель) в своем сочинении «Церковь Богочеловека» (стр. 547) утверждает, что «безошибочность Папе дается только в связи с Церковью», но он противоречит формулировке самого католического догмата, определяющего непогрешимость Папы и «без согласия Церкви».

Кроме того, в тексте Ватиканского догмата определенно говорится, что «непогрешимостью... Божественный Спаситель благоволил наделить Свою Церковь». На каком же основании Ватиканский Собор эту непогрешимость, дарованную Спасителем всей Церкви, перенес на одного Папу? О. Станислав Тышкевич еще в 1927 году в разговоре со мной на этот вопрос дал следующее объяснение: желая избежать неопределенности в проявлениях непогрешимости Церкви, католики актом всенародной веры сосредоточили фокус истины в лице одного только Папы.

Но, если это – акт воли народа, то он никак не может быть догматическим определением, которое является Божественным Откровением, а не актом человеческой воли. Вполне обоснованно можно считать догматом только непогрешимость всей Церкви, а произвольное

перенесение этой непогрешимости на одного Папу является не догматическим, а каноническим постановлением, могущим быть отмененным другим Собором.

Непогрешимым органом учения Церкви являются Вселенские Соборы.

Но ни один Собор, даже и созываемый в качестве Вселенского и имеющий полное представительство от всех Поместных Церквей, заранее не может быть назван Вселенским. Собор 449 года в Ефесе, несмотря на то, что он созывался в качестве Вселенского и имел полное представительство, не получил значения и наименования Вселенского. История нарекла его «разбойничьим». Только тот Собор может получить значение и наименование Вселенского, которому удастся выразить вселенское учение, т.е. то учение, которое, согласно классической формуле западного учителя Викентия Лиринского, исповедуется всегда, повсюду и всеми – «квод семпер, квод убикве, квод аб омнибускредитумест» (Коммониториум, 1, 2).

Таких Соборов, определения которых выразили содержание единой Вселенской Христианской Веры, история знает только семь. Все же Соборы, перечисленные под номерами от восьмого до двадцатого, являются исключительно Римо-Католическими Поместными Соборами, которые признаются в значении «вселенских» только католиками. Поэтому и Собор, созываемый Папой Иоанном, будет 21-м только по католическому счету, а не по нашему, вселенскому.

Если этот Собор в качестве основы для объединения всего христианства не примет того положения, которое уже объединяло всех христиан, и которое исповедовалось всеми народами до отделения Рима от Вселенской Церкви, то он не сможет стать выразителем Вселенского учения и, следовательно, не сможет стать вселенским.

Во всей чистоте и неповрежденности Вселенское вероучение, сформулированное на семи Вселенских Соборах, хранит до настоящего времени одна только Восточная Православная Церковь, которая в силу этого и называется Вселенской.

Каждому поколению дается задача от Бога – продолжать преемственное охранение этого священного достояния Вселенской Церкви – истинной веры нашей. И мы ее защищаем и храним, но не потому, что она – наша, а потому она и наша, что она – истинная.

Самое главное, но и самое трудное – достижение единства в исповедании истинной Вселенской Веры. Я лично не думаю, что оно могло бы осуществиться сразу – на созываемом Папой «Вселенском» Соборе. К этому должна быть проведена большая подготовка, требующая большого подвига воли, чтобы создать атмосферу взаимного доброжелательства. Я не буду повторять здесь газетных и журнальных статей о больших трудностях для сербов, для греков в отношении быстрого забвения пережитых обид ими. Я хочу только сказать, что другого пути к единству нет. Только полное прекращение вражды и искреннее взаимное общение в духе любви может привести и к самому важному единству в исповедании единой истинной веры.

Только «священнодействием мира, – говорит Св. Максим Исповедник, – достигается единомыслие и единодушие, и словесное тождество». Возглас на Литургии говорит нам о той же последовательности: сначала «возлюбим друг друга», а потом «единомыслием исповеваем».

Апостолы Петр и Павел. Автор – Вячеслав Толмачев

Ксения Орехова

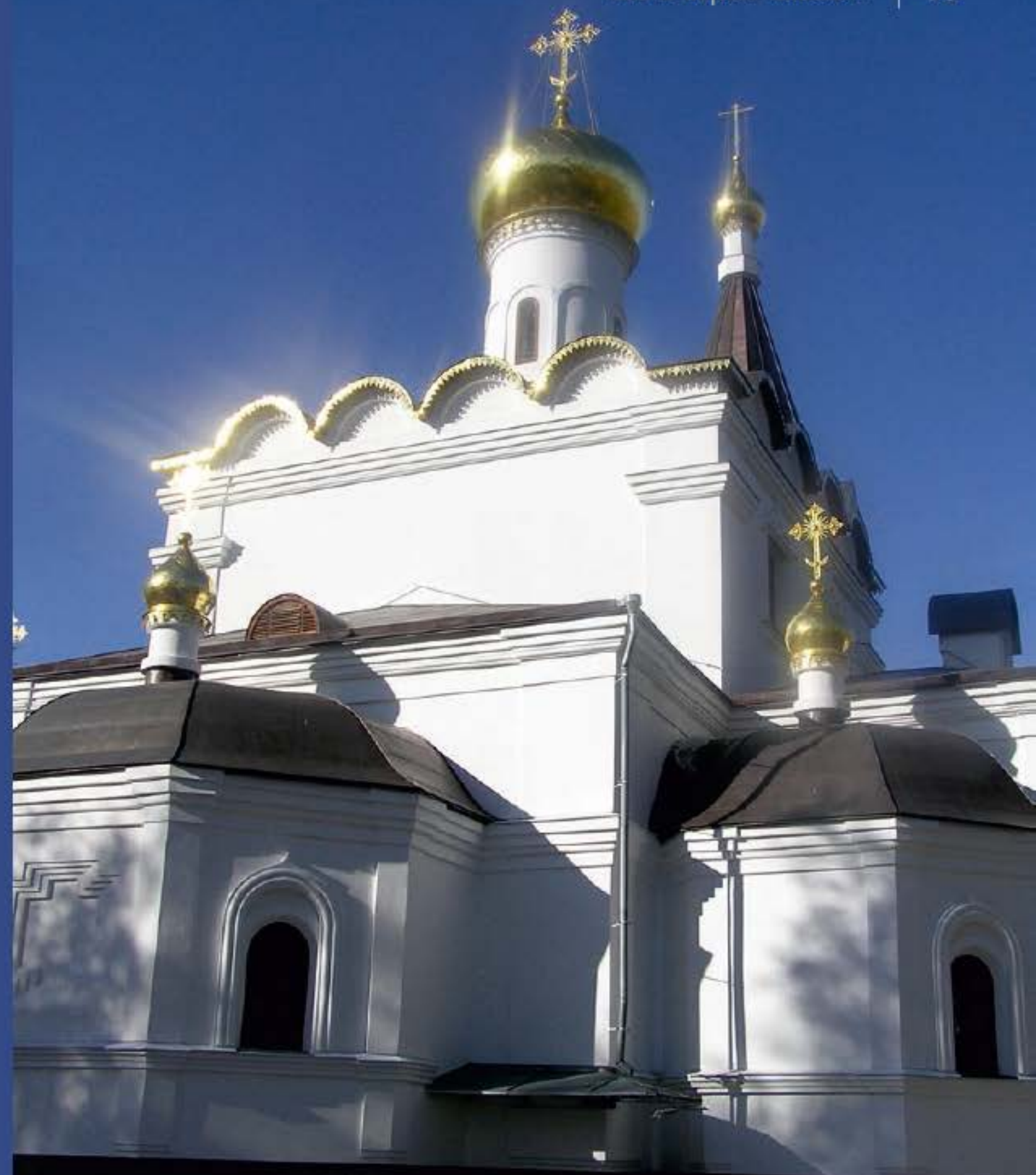
Что в образе твоём?..

о чем говорит архитектура храма

Перейду дорогу. Сразу в лесочке — часовня. Белоснежные стены, золотой сияющий куполок. В моем детстве ее не было. Откуда она появилась? Зачем? И главный вопрос - почему, когда прохожу мимо, или случайно увижу ее из окна автобуса, на мгновение замирает, собирается все внутри души? Что-то в ней, в этой часовне, скрыто. Заглянув поглубже в свои ощущения, понимаю, что не скрыто, а, кажется, точнее будет сказать, - собрано. Скрыто - Тайна. Собрано — это, может быть, уже Истина, которая не тайна вовсе, а наоборот, полное собрание знаний всей истории человечества. Кто-то причастен к этим знаниям и доверяет им, и не пугается их близости, входит в часовню смело. А кто-то, понимая всю глубину и непостижимость, старается заглушить в себе тонкий зов, непреодолимо влекущий, и разумными доводами объясняет самому себе, что это не для него.

Проходит мимо...

Но НИКТО не остается равнодушным.

Храм Всех святых, в земле Российской просиявших, г. Усть-Илимск. Фото Петра Орехова

Не заметить в городе или поселке храм невозможно. Верующие люди стремятся туда по зову сердца, он становится для них домом. Неверующие, оказываясь рядом, чувствуют, что проходят мимо чего-то необъяснимо большого, цельного и сильного. И ускоряют шаг. Для многих людей просто войти в ограду храма, — это настоящий подвиг их воли, они в этот момент почти, как Мюнхгаузен, который за волосы сам себя вытаскивал из болота.

ПОЧЕМУ? Что за сила сосредоточилась в храме?

Попробуем набраться смелости и осмотреться, куда мы пришли. Посмотрим снаружи, не входя внутрь.

Храм — это обычно очень высокое сооружение, и уже поэтому его невозможно не увидеть. Во многих городах храмы являются вертикальными осевыми центрами городской планировки, и расположены так, чтобы быть заметными с дальних расстояний. Своего рода маяки.

Все архитектурные массы храма скомпонованы в виде пирамиды, как будто человек видит перед собой гору. Что бывает, когда мы смотрим на гору? Наш взгляд направляется вверх, даже если мы не хотим этого. Объемы храма построены ярусами. Нижний — более широкий, массивный — это обычно стены приделов, алтаря, основных помещений. Выше — средний по величине,

меньший объемом, — это может быть высота стен центрального подкупольного зала. Еще выше — барабан купола (в русской архитектуре) или колокольня, затем — сам купол и, наконец, — крест, венчающий его. И по этим ярусам, как по ступеням, взгляд зрителя быстро поднимается вверх — к тонкой иголке, прорезающей небо, — кресту.

Вот и первый образ храма — лестница от земли на небо.

Взгляд, легко взметнувшийся вверх, быстро охватывает все сооружение целиком, останавливается на звенящей красоте сияния золотого креста на фоне голубого неба, а потом уже оттуда начинает спускаться и осматривать все детали здания храма подробно.

Кстати, утреннее солнце, поднимаясь, тоже первым делом освещает купола и кресты. Так что даже солнце своим светом проходит храм сверху вниз.

Итак, купол и крест — это центр композиции архитектуры храма. Но ведь это — и центр «композиции» всей христианской веры. Крест — величайшая святыня. Все знают это, почти все носят его на груди, боясь потерять, у многих крест ассоциируется с жизнью. Вся наша жизнь — крест. А для христиан Крест — это, прежде всего, — Христос, смысл и суть их веры. Крест — это Его Спасительная жертва. Крест — это и главный православный праздник — Пасха, Воскресение Христово. Крест является основным символом

...своего рода маяки...

г. Санкт-Петербург.
Исаакиевский собор.
Фото Ксении Ореховой

...лестница...

Колокольня храма Всех святых, в земле Российской просиявших, г. Братск.
Фото Александра Сергеева

Фото Александра Сергеева

христианства с древних времен. Его значение для верующих людей, для Церкви укреплялось в эпохи, когда невозможно было существование изобразительных образов: сначала - когда первые христиане вынуждены были, скрываясь от преследователей-язычников, не в лицах, а иносказательно выражать свои верования, затем, - в иконоборческий период VIII-IX веков, когда изображение Иисуса Христа в человеческом образе было запрещено. В те далекие и тяжелые периоды христианства крест стал для людей неотъемлемой частью их жизни, в которую вошла вся вера, вся полнота церковного Предания.

Таким образом, Крест — сокровище. И все «тело» храма: его стены, купола, все существо храма вместе с людьми и церковной жизнью, — это лишь огромный пьедестал для торжествующего символа.

Вот так, при виде храма, человек невольно первым делом возносит свой взор к небу, приветствуя его, а затем начинает осматривать храм внимательно со всех сторон.

Архитектура храма необычна для современности. Нет в ней привлекательной броской отделки, нет креативного архитектурного замысла, модернистские стилистические приемы не оставили на ней отпечатка, даже материалы используются очень традиционные для строительства — дерево или камень. Не следуя светской архитектурной моде, православные храмы наследуют традиции в создании сооружений, которые разработаны были в V-VI веках. Внимательный зритель при рассмотрении нескольких храмов легко заметит, что между церковными зданиями, находящимися в разных городах, частях света, - много общего. Если можно так выразиться, православные храмы имеют свою собственную архитектурную «моду», которой не изменяют с течением времени. И здесь, возможно, будет уместно сразу выявить одну из главных черт православного мировоззрения — сохранение традиций, неизменность их относительно вечности и верность им. Это проявляется и в архитектуре, и во внутреннем убранстве, и в богослужении - во всех составляющих жизни Церкви.

Греция. Фото Виктора Колыбасова

Родина христианского искусства, и архитектуры, в частности: Восточная Римская империя - Византия. В далекий 330-й год император Константин сделал столицей Римской империи город Константинополь, назвав его «Новым Римом», и провозгласил христианство государственной религией. Это был решающий судьбоносный поворот для малочисленных христианских общин, это было торжество их, так как прекращались гонения на веру, прекращались массовые безжалостные истребления христиан, и христианская Церковь могла, наконец, развиваться открыто и свободно. Важно, что христианство было утверждено в империи, равной которой по мощи, богатству, величине территории, цивилизованности и культуре населения не было в то время. Сильное государство должно было иметь сильную Церковь. Возникла необходимость создать здание для христианского храма, отражающее суть веры, и, вместе с тем, раскрывающее силу и величие империи. Так как до этого времени храмы в Римской империи создавались, в основном, для языческих богов,

перед архитекторами встала не простая задача. В течение IV, V, VI веков велись строительные эксперименты, и, наконец, храм для христиан нашел свой архитектурный облик.

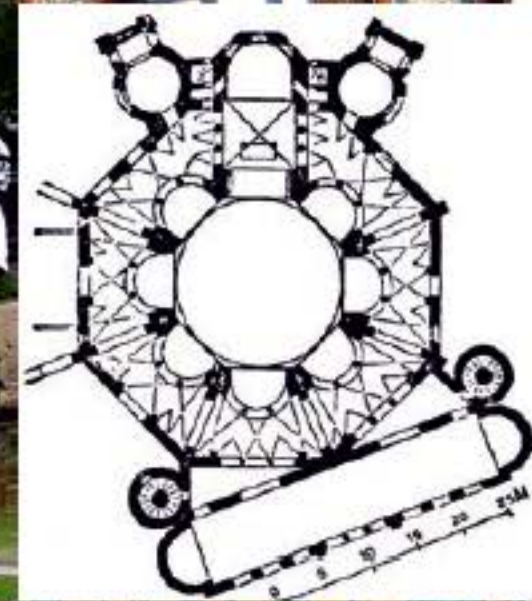
Христианский храм должен был соответствовать самому христианину — строгий, собранный, сосредоточенный на главном, устремленный ввысь мысленно и духовно, — таким он является снаружи. Внутренний же мир христианина полон красоты, разнообразия и богатства духовной жизни, так и внутренняя отделка храма непредсказуемо разнообразна, богата, удивительна. Те первые образцы христианской архитектуры, построенные в Византии, внутри были полны удивительных красок, золота. Сияние мозаик, цветного драгоценного камня наполняли их. А снаружи — это были крепкие, цельные сооружения центрального типа, увенчанные куполом, архитектурные формы которых читались легко и ясно. Именно тогда основным типом храмового сооружения стала центрическая постройка, что характерно для многих храмов и сегодня.

Собор Святой Софии в Константинополе (ныне г. Стамбул). Строительство: 532—537 годы

Что в образе твоём?

Базилика Сан-Витале

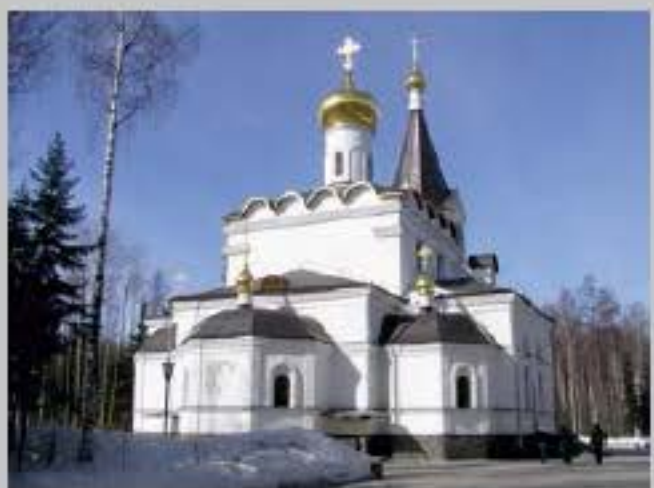
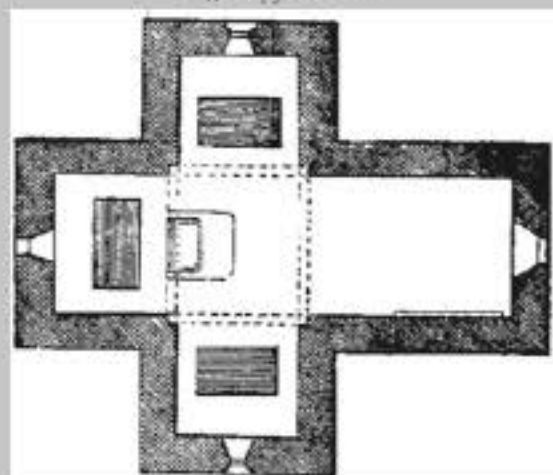
— раннехристианская базилика в Равенне (Италия), важнейший памятник византийского искусства в Западной Европе. Базилика была заложена в 527 году равенским епископом Эмилием после его возвращения из Византии. Храм был освящен в честь раннехристианского мученика святого Виталия Миланского. Строительство велось на средства греческого ростовщика, Юлиана Аргентария (Серебряника). Освящение храма совершил 19 апреля 548 года епископ Максимиан. Все внутреннее мозаичное убранство церкви было создано одновременно в 546—547 годы.

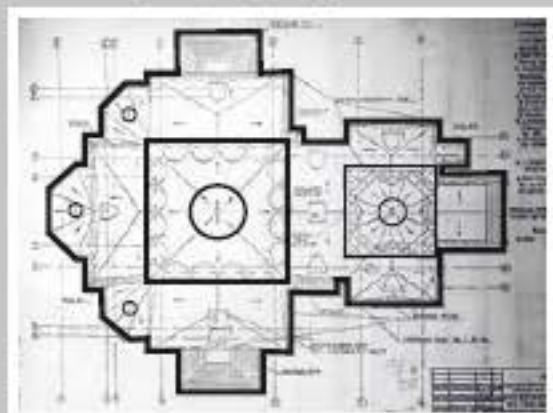
Мавзолей Галлы Плацидии (вторая четверть V века).

Вид снаружи. План.

Храм Всех святых, в земле Российской просиявших города

Усть-Ижмского (2002 г.). Вид снаружи. План.

Центрическая — значит, имеющая ясно выраженную центральную ось. В плане, т.е. при взгляде сверху, это может быть крест, квадрат, многоугольник. Многие храмы имеют в плане крест. Возможно, это как-то усиливает христианскую символику сооружения. Если попробовать вознестись мысленно вверх, взглядом окинуть всю нашу Землю и увидеть, что всюду по ней разложены такие вот кресты храмов, — думаю, это впечатляющая картина... Еще больше может усилить ее величие тот факт, что все храмы направлены алтарями на восток, и как компасы показывают части света. Восток — священная сторона, там восходит солнце, там место расположения Рая («насади Господь Бог рай во Едеме на востоке, и введе тамо человека, егоже созда» (Быт. 2, 8)), отсюда христиане ждут Второго пришествия Христа, — «Солнца правды» (Мал. 4, 2).

Западная сторона — напротив, там, где солнце заходит, и для человека, входящего с запада, ясно указано направление пути — на восток, к свету.

Тогда же, в V веке, христианские храмы приобрели купольное завершение, символизирующее небесную сферу. Вся гениальность этого архитектурного элемента, вся полнота воздействия купола на сознание человека раскрывается изнутри, надо войти в храм и попасть в подкупольное пространство... Но туда мы пока не пойдем.

Итак, храм с его архитектурной стилистикой сложился в Византии, которая, как известно, в XV веке прекратила свое существование. Но христианство-то продолжало жить к тому времени уже во многих народах. И все эти народы являются наследниками открытий византийцев в области строительства и внутреннего убранства храма, как и наследниками уклада всех остальных сфер жизни Церкви. Наследницей Византии была и Русь.

Русские храмы такие же центрические, имеющие в плане крест, увенчанные куполом, во многом полностью сохраняют древнюю традицию строительства, но имеют и свои особенные, русские черты, обусловленные характером народа и особенностями земли и природы. На Руси первые храмы были деревянные, так как дерево для русских людей — основной строительный материал. А потому закономерно появление шатровых храмов, замена полукруглой стены апсиды на многогранную, и другие особенности. Купол в русских храмах — это, так же, как в византийских, центр архитектурного замысла, но вертикаль, которую он призван выявлять, это

стремление ввысь русские зодчие еще больше усиливают. Появляется так называемый «барабан» купола — цилиндрическая надстройка основного куба храма, на которую помещают главку-маковку с крестом. Русский храм вытягивается вверх и становится похожим на человека: есть и тело, есть плечи, из которых вырастает шея, несущая голову. Кажется, будто голова одета в шлем. Это воин.

Многоглавые храмы — это тоже русская строительная традиция.

Как видно, нет возможности рассказать о современном архитектурном облике храма, не заглянув в его историю. Может быть, именно этим необъяснимым чувством сопричастности вековым традициям, живущим в Церкви, сопричастности вечности веет от всего наружного облика храма, и человек, даже не знающий истории Церкви, все равно ощущает силу и величие прошлого. Ведь не случайными являются все элементы архитектуры, они были когда-то специально продуманы и созданы (хочется сказать — рождены) для отражения веры христиан. Только так можно объяснить душевный трепет человека при виде храма.

Обойдем храм вокруг. Обратим внимание на то, что все четыре стороны его ясно выделены. Восток, север, запад и юг — все части света указаны. На восточной стороне — алтарь (может быть, один, а может быть, несколько: обычно, нечетное количество — три или, реже, пять). На западе — главный вход, на севере и юге — тоже входы. Также заметим, что все стороны света в равной степени значимы и собраны вокруг единого смыслового центра. Здесь храм предстает как Церковь, во всех сторонах света живущая, «единая Соборная», открытая для всех народов. Такой архитектурный строй и замысел большое значение имеет для Крестных ходов, которые совершают священнослужители вместе с прихожанами в праздничные дни вокруг храма. Создается впечатление, что мы обходим что-то очень важное, и это самое главное находится в центре нашей жизни.

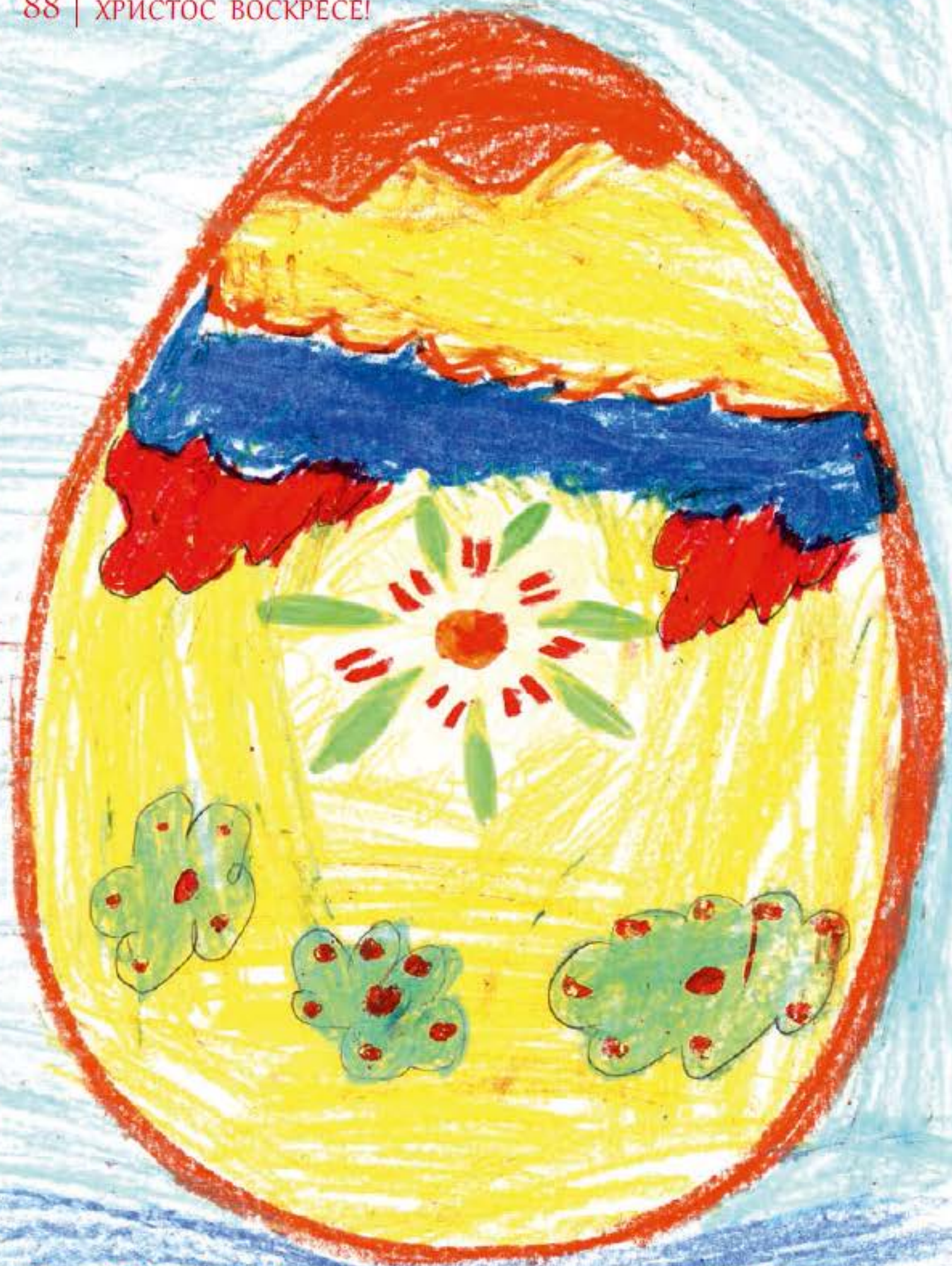
Вообще, центричность архитектуры нераздельно связана с центричностью самого христианства, смысл которого заключен в личности Иисуса Христа. Возможно, сегодня, во времена, в целом далекие от языческих вероисповеданий, это не так значимо и не так заметно. Но, когда христианство утверждалось, ему приходилось противостоять сильной многовековой традиции многобожия. И, конечно, существовала

необходимость сделать акцент на том, что христианство — монотеистическая вера, что Бог — Один.

Подойдя к главному западному входу, мы оказываемся перед крыльцом храма. Это паперть. Обычно над входом есть крыша, которая образует покров над входящими, защиту. Может, это не столь важно, крыша она и есть крыша, скажет кто-то. Можно не усматривать в козырьке крыльца божественного покров над человеком (под который все мы, тем не менее, стремимся), но даже если этот козырек укроет кого-то от непогоды, тоже ведь хорошо, правда?.. Стоящим перед входом в храм людям всегда обозначается, куда они пришли с помощью помещенной наверху иконы. Здесь человек осеняет себя крестным знамением. Затем он должен подняться по лестнице. Эта лестница — тоже символическое восхождение, совершаемое человеком. От земли мы поднимаемся на некоторую высоту (или взбираемся иногда), входя в храм, дальше, уже внутри храма, есть еще высоты, о которых пока мы, находящиеся снаружи, ничего не знаем...

Фото Евгения Лобанова

Аня Сомик. Пасха!

АЗАРИЯ

паломническая служба

Прикоснуться к святыне сердцем...

Паломническая жизнь православных г. Братска в последние годы активно развивается. Первая организованная поездка на Святую Землю состоялась в январе 2005 года, в ней участвовали 15 человек, в основном — ученики Православной гимназии. В 2010 году количество паломников в Иерусалим перевалило за сотню. Кроме того, прихожане регулярно выезжают в Иркутск на Дни Святителя Иннокентия Иркутского, бывают в Дивеево, Троице-Сергиевой Лавре; самостоятельно объединившись, едут потрудиться в монастыри.

Святая Земля

Паломничество — это совершенно особое путешествие. Содержание то же, что и в обычной поездке: дорога, новые места, достопримечательности, общение с людьми... Но в паломничестве основой являются молитва и вера, цель — приблизиться к святыням, прикоснуться к ним своим сердцем. И общение паломников друг с другом приобретает совершенно иной характер, не праздные разговоры сближают их, а, благодаря совместной молитве, общему духовному настрою, возникает чувство единения, создается чувство любви и участия к ближним. Все наши паломнические группы сопровождаются священниками, которые объединяют, вдохновляют, духовно окормляют паломников.

Конечно, можно просто прийти в храм рядом с домом, исповедоваться и причаститься, помолиться о себе и родных. Но все-таки паломничество — это особое состояние души, возможность хоть на немного отвлечься от земных забот, погрузиться в атмосферу духовности и обратиться к Богу, почувствовать себя преемником древней традиции «хождений по святым местам». Это время самопознания, испытания, терпения, труда, духовной концентрации, приносящее обильные плоды и награды за трудности.

С 2012 г паломническое движение в нашем крае приобрело организованный характер: в Братской Епархии с благословения владыки Максимилиана создана Паломническая служба. Она ведет свою работу при ООО «Азария-тур» («Азария» в переводе означает «С Божьей помощью»). Работниками службы являются наши прихожане.

Несмотря на то, что служба появилась совсем недавно, за плечами уже успешно состоявшиеся поездки: Иркутск, Екатеринбург, Валаам, Санкт-Петербург, Крым,

Греция и, конечно, Святая Земля в сочетании с Синаем и Иорданией. В поездках побывали свыше 300 человек, в том числе, детские группы — ученики Православной гимназии г. Братска.

Обращаем ваше внимание на то, что частью работы паломнической службы является помощь в организации летнего епархиального лагеря «Одигитрия». Как и в прошлом году, на летнюю смену 2014 года будут выделены социальные путевки для отдыха детей. Просим родителей, чьи семьи имеют право на льготы, заранее обращаться с заявлениями в Комплексный Центр о предоставлении путевок.

Куда же отправиться человеку, созревшему для паломничества? Святыни России — это огромное духовное богатство. От северных монастырей до Дивеево, Казани, Екатеринбурга возносятся золотые маковки колоколен тысячи святых обителей. Каждая связана с тем или иным подвижником, а зачастую, и целым пластом русской истории, неотделимой от Православия.

Израиль, без сомнения, средоточие главных святынь православного мира. Здесь проповедовал, был распят и воскрес Христос, свершались многие чудеса, описанные в Евангелиях и Деяниях апостолов. Богослужение в храме Гроба Господня, прогулка вдоль берега Галилейского моря, паломничество в Назарет, где прошли детские годы Христа, — все это оставляет в душе неизгладимое впечатление.

Бытует мнение, что основные православные святыни сосредоточены в странах Библейского региона, в Израиле, в Палестине. Однако немало общехристианских святынь находится и в Европе. В этой связи целесообразно упомянуть Италию. Венеция не только порадует взор паломника своими каналами и средневековыми переулками, но и позволит помолиться у мощей святых Иоанна Крестителя и Иоанна Милостивого. А в городе Бари, на берегах Адриатического моря, паломник сможет обратиться с молитвой к святому Николаю Чудотворцу, ведь здесь покоятся его святые миропомазанные мощи.

«В Греции есть все», — гласит известная поговорка. В полной мере это касается православных святынь. Монастыри Афона — единственное место, где около 1000 лет сохраняется монашеская традиция, и женщинам строго запрещено даже ступить на эту землю. В величественных Афинах проповедовал святой апостол Павел. Метеоры — удивительное сочетание духовной и природной красоты, храмы, построенные на высоких каменных столпах, устремленных в небо. Особенно почитают паломники из России святителя Спиридона Тримифунтского, великого чудотворца и помощника. Если будете на острове Корфу, обязательно зайдите в небольшой храм помолиться у его мощей.

Почти в каждой стране есть святые обители Православия и священные реликвии. На севере Испании, в городе Сантьяго-де-Компостела покоятся мощи святого апостола Иакова. В грандиозном парижском соборе Нотр-Дам можно поклониться Терновому венцу Христа. Даже в далекой Австралии, есть несколько русских монастырей, один из которых — Новое Шамордино близ Сиднея.

Италия

Фото Виктора Колыбзева

Программа паломнических поездок на 2014 год

12 февраля - Православная Италия. К мощам свт. Николая чудотворца (о. Александр Белый-Кругляков)

20-23 февраля - Дни Иннокентия Иркутского в Иркутске (о. Михаил Черемных)

30 апреля - Святая Земля (о. Александр Белый-Кругляков)

1 мая - Оптиная Пустынь (о. Антоний Васильев)

3-8 июня - Великорецкий крестный ход

5-11 июня - Псково-Печерский монастырь (о. Алексей Серебряков)

июль - Киево-Печерская Лавра

июль - Иркутск+Байкал

16-21 июля - Царские Дни в Екатеринбурге

10-21 - августа Святитель Лука. Крым.

сентябрь - Православные святыни Кипра (о. Александр Белый-Кругляков)

декабрь - Православная Греция

Паломническая служба набирает группы по перечисленным направлениям, а также есть возможность индивидуального подбора паломнического тура.

Паломническая служба "АЗАРИЯ"

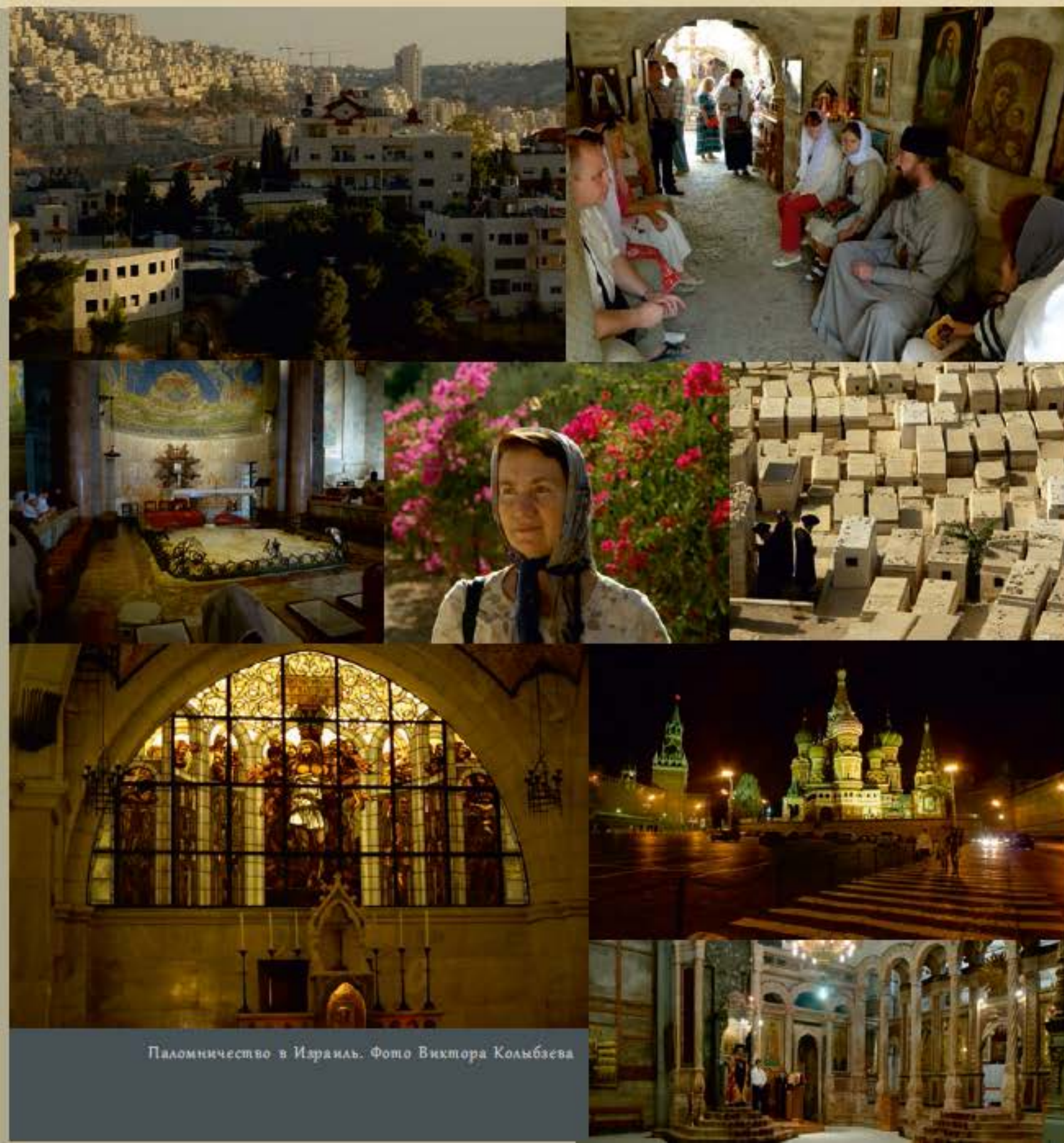
находится по адресу:

г. Братск ул. Кирова д. 18

телефоны: 8(3952)25-80-25, 8(3952)28-28-12

электронная почта: azaria.ru@gmail.com,azaria.palm.ru@gmail.com

Паломничество — это удивительная возможность не только увидеть самые интересные сокровища мировой культуры, но и сделать шаг в своем духовном развитии, совместная же молитва обучает и объединяет. Святой Дух, пребывающий в каждом верующем, ведет наши сердца к радости, когда мы слышим хвалу нашему Господу и Спасителю. И каждый из вас сможет стать участником этого благого дела, разделить и радость и трудности паломнической поездки. С Божьей помощью!

Паломничество в Израиль. Фото Виктора Колыбзева

При преобразовании Иркутской Епархии в Митрополию огромные северные территории вошли в состав Братской Епархии. Наш край богат не только удивительными людьми, закаленными суровыми условиями жизни, не только природными ресурсами, но и своей многовековой историей. В редакторском портфеле журнала «ВРАТА» интереснейшие свидетельства о жизни затопленного города Илимска, повествование о монастырской жизни в городе Киренске, рассказы о сибирских новомучениках. Со всеми нашими находками мы будем делиться с читателями в этом краеведческом разделе.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

Из стихотворения А. С. Пушкина «Черновые наброски»
(1830, опубл. 1855)

Елена Горбатова

История освоения Ангаро-Илимского края.

Вековой уклад сибирского крестьянства

Замечательный писатель-сибиряк Виктор Петрович Астафьев однажды поделился невеселыми наблюдениями: «В 1957 году я приехал на строительство Красноярской ГЭС... Там еще ничего не было: жить негде, народу много, «фронту» нет... Но меня потрясло то, что они приехали в Сибирь примерно с такими представлениями о ней: как будто до них здесь ничего и никого не было – с них вот все и произошло на этой земле...» (1)

Похожие представления царили и при строительстве Усть-Илимской гидроэлектростанции. Такое впечатление в немалой степени создавалось журналистами, часто называвшими первопроходцами первых строителей сибирских ГЭС. Они, дескать, принесли сюда жизнь и разбудили дремавшую тайгу. Попробуем разобраться, кто и когда впервые ступил на сибирскую землю, как происходило заселение нашего края, чем занимались наши предки. Особое внимание уделим истории Среднего Приангарья с учетом его малоизученности и особым к ней интересом в силу проживания на данной территории.

У археологов есть веские основания утверждать, что голоса людей «будили» здешние леса задолго до XX века, а именно 7-8 тысячелетий назад. (2) На территории затопления Братской, Усть-Илимской, Богучанской ГЭС, в устьях Вихоревки, Илима, Бадармы, Тушамы, Ёдармы, Ковы и других крупных притоков Ангары были обнаружены многочисленные археологические памятники.

Только на территории Усть-Илимского района до затопления насчитывалось порядка 40 памятников, датируемых 5-3 тысячелетиями до н.э. Среди них – стоянки древнего человека, захоронения, наскальные рисунки (писаницы, научное название – петроглифы). Главным «героем» наскальных рисунков является лось, который, судя по дошедшим до нас легендам и проведенным исследованиям, в Сибири почитался как прародитель и покровитель человеческого рода. Отдельные находки – каменные и костяные орудия труда, осколки гончарных изделий – по сей день встречаются людям, далеким от археологии. Так, совершенно случайно в районе поселка Сибирский (Высотка) были обнаружены два неолитических каменных топора «с ушками». В районе деревень и сел Ёдарма, Ката, Кеуль, Тушама до последнего времени нередкими были такие находки, как кремневые скребки, отщепы, фрагменты декорированной керамики, наконечники стрел, хронологически относящиеся к позднему неолиту. Все это служит подтверждением теории академика А.П. Окладникова о заселении берегов Ангары и Илима эпоху позднего неолита.

Во время строительства Усть-Илимской гидроэлектростанции, по устным свидетельствам

очевидцев, был найден целый скелет мамонта. К сожалению, на тот момент находка мало кого заинтересовала. «Хлопотно было куда-то определять этого мамонта. Думали же только о строительстве, о соцсоревновании... Позвонки одно время приспособили вместо табуреток, а потом, мало дело, сгребли все вместе с костями бульдозером, и все». Примечательно, что П.А. Словцов, автор «Исторического обозрения Сибири», написанного в начале XIX века, отмечает

Каменный топор с ушками (5-3 тысяч лет до н.э.)

«мамонтовую кость» как «малоценную по повсеместной находке и по ограниченному требованию». (3) К счастью, подобное отношение к доисторическим артефактам свойственно не всем, и потому в фондах и экспозициях музеев Иркутской области, в частности, в городе Усть-Илимске желающие могут увидеть бивни этих исполинов.

Ангарская писаница

По останкам, найденным в древних захоронениях, ученым удалось определить, что обитавшие здесь люди были в основном монголоидного происхождения. Возможно, это были далекие предки кочевников-тунгусов, которые встретили казачьи отряды, пришедшие сюда из-за Урала.

Русское продвижение в Сибирь началось примерно с XI века с военно-торговых экспедиций новгородцев. В Ипатьевской летописи под 1114 годом читаем: «Еще мужи старые ходили под Югру

и Самоядь». В конце XV века продвижение усилилось, но началом присоединения Сибири к Московскому государству традиционно принято считать XVI век – с завоевательного похода Ермака в 1581-1585 годах (4) против татарского хана Кучума, стоявшего во главе Сибирского ханства. В 1583 году Ермаковы казаки отправили в Москву послов с известием о «сибирском взятии»: «...царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели... на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку... а на русских людей зла никакого не мыслить...» (5) В 1585 году в схватке с татарами Ермак погиб, и остатки его казачьей дружины вернулись на Русь, но многочисленные известия о неисчерпаемых богатствах Сибири, прежде всего, пушных богатствах, заставили правительство всерьез заняться продвижением на восток.

С 1586 года в Сибирь отправляются все новые и новые казачьи отряды, которые в качестве опорных пунктов ставили зимовья и воздвигали крепости-остроги, превращавшиеся в дальнейшем в города. Так, в 1586 году был заложен Тюменский острог, через год возведен Тобольский, в 1594 году – Тара и Сургут, через два года – Нарым, в 1598-м – Верхотурск...

Таким образом, к началу XVII века была освоена значительная часть Западной Сибири, началось продвижение в Восточную Сибирь, Приамурье, в приполярные области. В 1604 году в верховьях Оби заложен будущий город Томск, в 1607-м – Туруханск, в 1619 году – Енисейск (недалеко от устья реки Ангара). Примечательно, что многие участники правительственных отрядов направлялись в Сибирь на постоянную службу и в острогах «ставили дома себе».

В 1619 году из Туруханска вверх по Нижней Тунгуске (то есть по Ангаре) вышел казачий отряд Пантелея Пянды, через волок прошел на Лену, спустился по ней до того места, где через 10 лет Петр Бекетов заложит Якутский острог, вернулся по Лене до будущего Верхоленьска, через бурятские степи вышел на Ангару в районе Балаганска и вниз по Ангаре вернулся на Енисей в Туруханск. Не будем забывать, что первопроходцы продвигались на восток без карт и «чертежных росписей», по рекам, постоянно уклоняясь от общего направления то на юг, то на север.

В 1627 году отряд казачьего атамана Максима Перфильева прошел из Енисейска по Ангаре до

бурятских стойбищ у Шаман-камня (на границе Байкала и Ангары, возле села Листвянка), а в 1631 году заложил Братский острог у Падунских порогов. В 1628 году отряд Василия Бугра разведывал путь на Лену по Ангаре, Илим, Игирме с выходом на Лену в районе Усть-Кута. В 1629 году енисейский воевода, искусный рудоизнатец Яков Хрипунов во время своего похода в бурятские земли оставил в зимовье в устье Илима тридцать казаков для ознакомления с Илимом. В 1630 году отряд Ивана Галкина заложил Илимский острог у начала Ленского волока и Усть-Кутский острог на Лене.

Закладка Братского острога открыла путь по Ангаре на Байкал и в Забайкалье, в Даурию, Монголию и Китай. От него же расходились пути к Ледовитому океану, в Якутию, к Амуру, Охотскому морю. Были основаны: Верхоленьск (1642), Верхнеудинск (1647), Верхнеангарск (1647), Баргузин (1648), Иркутск (1652). На реке Лене и ее притоках также возникли русские поселения: Якутск (1632), Жиганск (1632), Вилюйск (1634), Олекминск (1635).

Вслед за казачьими отрядами и правительственными войсками в «неведомые земли» за Урал с конца XVI века устремились шедшие на свой страх и риск промышленные («охочие люди») и «гулящие люди». (6) Вслед за ними началось и переселение крестьян.

Историками доказано, что местом, откуда шел основной поток переселенцев в Сибирь, был север России – Поморье. Преимущественно в поморских городах набирали для сибирской службы и ратных людей. В любом уголке Сибири выходцы из Поморья в XVII в. составляли большинство населения. Из других районов Русского государства больше всего в Сибирь было представлено Поволжье. Жители же прочих областей Московии попадали в XVII в. на «сибирскую Украину» редко, чаще всего в качестве ссыльных или беглых.

«Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимую в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а

слухами, грозившими оказаться придумкой, нередко в горстку людей, не ведая, что ждет их завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, все дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья на реках, и остроги, и чертежи, и записи «расспросных речей», и опыт общения с туземцами, и пашни, и солеварни, и просто затеси, указывающие путь, - для них же все было впервые, все представляло неизведанную и опасную новизну». (7)

О трудностях продвижения по сибирским рекам можно судить по множеству свидетельств. В 1656 году из Енисейска по Ангаре в Забайкалье был отправлен в ссылку протопоп Аввакум, который подробно описал злоключения в своем «Житии». «Егда поехали из Енисейска, как будем в Большой Тунгуске-реке, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, - одни полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала... На другом дощанике двух человек сорвало, и утонули в воде... На другом, Долгом пороге, стали меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а со казаками не ходи! ... О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть - заломя

голову! На те горы выбивали меня, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать...» (8)

О прохождении ангарских порогов, Долгого (Дубынинского), Падуна и Шаманского (Ершовского) читаем в описании англичанина Джона Белла Актермонского, отправившегося в 1721 году в путешествие из Китая в Москву: «... мы достигли большого порога, называемого Падуном из-за крутизны падения воды. По этому порогу мы проплыли благополучно, так как для наших судов уровень воды над скалами был достаточно высок. Следующий порог, по которому мы проплыли, названный из-за большой длины Долгим, считается более опасным, ибо несмотря на длину и глубину прохода, он очень изогнут, извивается от одного берега к другому поворотами между скалами и большими камнями.

Плывя по этому проходу, штурман сидит на носу судна, давая шапкой знаки своим людям у руля, каким путем плыть, ибо вода, мчась по скалам и большим камням, издает такой ужасный шум, что совершенно невозможно услышать членораздельные звуки. Кроме того, надо усиленно работать веслами, чтобы предохранить судно от поворотов в ту или иную сторону, ибо, если оно налетит на скалу, все товары и люди

На Ангаре. 1950-е годы

погибнут, и о таких несчастных случаях имеется множество примеров.

11 июля проплыли мы по другому порогу, называемому Шаманским, который считается самым опасным из всех - проход здесь очень узок и извилист. Кое-кто из нашей компании предпочел пройти пешком по берегу, чтобы не подвергнуть себя риску поплыть по воде, но они пожалели о своем решении, ибо были вынуждены карабкаться по скалам и пробираться по зарослям, где видели много змей и других ядовитых тварей...» (9)

Отметим, что на Ангаре, помимо указанных, было множество других труднопроходимых мест. Только названия порогов чего стоят! Пьяный, Похмельный, Кресты... А еще и многочисленные шиверы (быстрины на мелководье с надводными и подводными камнями)! Сейчас достаточно трудно представить, каких усилий стоило поднимать неповоротливые гребные струги и дощаники навстречу напористому течению своенравной Ангары. Зачастую казакам приходилось оставлять весла и впрягаться гуськом, по-бурлацки, в бечеву, протаскивая судна вдоль берега. Поэтому и называли берега напротив шивер и порогов «бечевником».

Из рапорта Витуса Беринга от 3 октября 1725 года: «... шли до Илимскава устья до второго числа сентября по утрам и с немалым трудом, а на иные места на порогах не без страха, и на реке Илеме от устья 4 версты поднялись один порог, а оттуда 3 версты другой порог, через который невозможно было подняться и для того выгружали несколько тяжелых материалов во обретающийся нарочно для казенной выгрузки построенной тамо амбар. И для возки легких материалов послал до Илимска по лодки... и на них обносили грузы за порог людьми и лошадьми». (10)

Помимо широких и труднопроходимых рек, на пути первопроходцев - болота, скалы, вековая тайга. В донесении илимского казака Михаила Оглоблина от 1754 года читаем: «...а по Ангаре-реке вверх с устья Илима до Шаманского порогу по обе стороны имеются хребты каменные, а на оных хребтах состоит лес: сосняг, листвяг, ельник, пихтовик, осинник, березник... И оного лесу неизмеренно, а неизвестно, сколько его». (11)

Нельзя сказать, что коренные народы Сибири равнодушно смотрели на появление здесь русских поселенцев. Представим карту расселения аборигенов. В верховьях рек Тобол, Ишим и Иртыш, а также рек Обь и Томь жили сибирские

татары, на левобережье р.Тобол - манси (вогулы), низовья р. Обь занимали ханты (остяки). Бассейн р. Лены занимали якуты, по рекам Яне, Индигирке и Колыме жили юкагиры (огулы). Чукотский полуостров (по р. Анадырю) занимали чукчи. В интересующем нас Среднем Приангарье обитали эвенки (тунгусы) и кочевали племена бурят.

Основав опорные пункты, русские начали покорять местное население, принуждая аборигенов выплачивать ясак - дань в пользу Русского государства, главным образом, пушшиной.

Часть аборигенов сразу же признала русское подданство, но вызвано это было либо надеждой на русскую помощь в борьбе с соседними племенами, либо желанием «упредить посыл на себя государевых ратных людей». Кроме того, уплата ясака не означала признание русского подданства. На первых порах сбор пушнины часто сопровождался со стороны русских раздачей подарков в виде топоров, пил, других инструментов, а также тканей. Поэтому аборигены воспринимали ясак как обмен товарами. Казаки же спешили рапортовать о включении в русское подданство новых групп инородцев. Максим Перфильев в своей отписке на имя царя в 1627 году писал про «бращую землю» и «братах», т.е. бурятах с верховьев Ангары: «земля та многолюдна», богата соболями, бобрами и скотом, «а серебра де добре много, а коней и коров, и овец и велблудов бесчисленно, а хлеб пашут ячмень и гречу, и ждут брацкие люди к себе государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и служилыми людьми торговать». (12) Бывало, что возникали недоразумения: сборщики пытались взять ясак, ничего не давая взамен, инородцы отвечали отказом и брались за оружие.

Большая часть сибирских народов оказывала пришельцам вооруженное сопротивление разной степени упорства и ожесточения. Только за период с 1590 по 1617 г. исследователи насчитывают не менее тридцати вооруженных столкновений служилых людей с народами Сибири.

Так, например, упорное сопротивление оказывали тунгусы, обитавшие к востоку от Енисея. Казачьи челобитные и воеводские отписки полны фактами столкновений: «А в тех, государь, службах многих нас, холопей твоих, тунгусские и иных землиц люди побивали»; «И учили тунгусские

люди государевых служилых и промышленных людей побивать и грабить».(13) В начале лета 1627 года отряд атамана Максима Перфильева численностью около тридцати человек возвращался в Енисейский острог после зимовки на Братских порогах. В районе одного из притоков Ангара тунгусы, «человек с двести, а то более», пообещав служилым людям дать ясак, «приманили» их к берегу и начали обстреливать из луков. 11 казаков, в том числе атаман, были ранены, 1 убит. (14) Заметим, что хороший боевой лук в то время по силе и дальности стрельбы не уступал, а по скорострельности даже превосходил ружье.

Помимо тунгусов, серьезное вооруженное сопротивление казакам в наших краях оказывали буряты, недовольные строительством на «породных» бурятских землях Илимского (1630 г.) и Братского (1631 г.) острогов. Известно, что Братский острог, основанный М. Перфильевым в 1631 году, в 1635 году был сожжен бурятами до основания. В 1653 году вновь выстроенный острог перенесли от Падуна к устью Оки, одного из притоков Ангара. У известного советского ученого-археолога А.П. Окладникова читаем: «За широкой протокой сибирской реки Оки лежит большой остров, о котором исследователь Сибири И. Гмелин еще в начале XVIII века писал, что здесь когда-то стояли бурятские юрты. Тут произошла жестокая битва между бурятами и первыми пришедшими сюда казачьими отрядами. Казаки кинулись к протоке, но были все перебиты, почему протока и получила название Кровавой».(15)

Вплоть до начала XVIII века будут продолжаться отдельные вооруженные столкновения с инородцами, главным образом на северо-востоке Сибири. Однако московское правительство давало воеводам указание стараться решать конфликты мирным путем, не прибегая к оружию, а при выявлении фактов притеснения аборигенов вставало на сторону последних. Ясачные в глазах власти были такими же подданными, как и русские. Русское православие проповедовало аскетизм и духовность, призывало к согласию и миролюбию. Таким образом, достаточно быстро между русскими и основной частью инородцев установились мирные добрососедские отношения. В дальнейшем татары, буряты, тунгусы поступали на русскую службу и участвовали в обороне русских границ в Сибири. Кроме того, весьма распространенным явлением были

межэтнические браки, и к детям от таких браков пренебрежения не было никогда (в отличие от европейцев, придумавших специальные слова «метис», «мулат», «квартерон»). Как пишет «сибирский Карамзин» П.А. Словцов, «сословие казаков, приходивших или приезжавших на службу одиночками, исключая немногих случаев, как сословие храбрых, завоевало себе подруг разными приемами чувственной стратегии, одинаковой как в России, так и в Азии».(16)

Опыт местного населения в ведении хозяйства, исходя из природно-климатических условий, пригодился русским, позволяя быстрее приспособиться к суровым сибирским реалиям. У тунгусов, например, русские позаимствовали множество секретов охоты и рыболовства, особенности изготовления мужской таежной одежды. В свою очередь, аборигены переняли у русских более совершенные орудия труда и виды хозяйствования (хлебопашество, огородничество, стойловое содержание скота), которые давали более стабильные, чем ранее, источники существования.

В дальнейшем иноязычное население постепенно русифицировалось, воспринимая не только элементы материальной культуры русских первопроходцев, но и язык, письменность, религию. В русской речи также появилось множество новых слов, имеющих сибирское происхождение. Этнические корни сохранились и в географических названиях селений и рек.

В частности, название реки Илим по одному из предположений имеет тунгусское происхождение и переводится как «рыболовная сеть» или же «место, богатое рыбой».

Река Ангара (в нижнем течении русскими называлась сначала Нижней Тунгуской, а бурятами — Анкара-Мурэн) — от бурятского корня анга (однокоренные слова ангай, ангара, ангагар, ангархай), что означает «разинутый», «открытый», «раскрытый», «зияющий», а также «расселина», «ущелье», «промоина». И если иметь в виду, что Ангара в своем истоке, прорезая горы, стремительно течет по расселине, ущелью, то она действительно напоминает «рот», «открытую пасть», жадно и непрерывно поглощающую воды Байкала. Исследователям приходилось встречать трактовку этого названия и как «ущелье дьявола» из-за труднопроходимых порогов. По другой версии, Ангара в переводе уже с эвенкийского

означает «прозрачная», «чистая». Думается, что все версии имеют право на существование.

Тушама — река, правый приток реки Илим, название которой предположительно имеет бурятское наследие, и в переводе означает «величественная река, протекающая среди густого леса». Слово «Невон» предположительно тунгусского происхождения и обозначает «свиная голова», ибо, по преданию, гора, у подножия которой расположилось село, по очертаниям напоминала свиную голову.

К 60-м гг. XVII в. население Сибири, по подсчетам П.А. Словцова, не превышало 350 тыс. человек, из них русских жителей было около 70 тыс. (29%). По данным 1710 года, по всей Сибири проживало около 313 тысяч русских, что составляло 70% от всего населения. При этом в Западной Сибири насчитывалось 247 тысяч, а в Восточной — 66 тысяч человек.

Первые крестьянские поселения Ангара-Илимского региона упоминаются в 1645 году (деревня Погодаева на Илеме). В 1649 году на Илеме отмечены деревни Макарова и Перетолчина. Оселились здесь и казаки. Ими были основаны деревни Качина (1687), Оглоблина (1666), Литвинцева (1680).

1687-м годом датируется появление таких ангарских селений, как Бадарменская (название от реки Бадармы), Невонская (или «У Невона камени»), Ушамская (на реке Тушаме), Кеульская (или «У Теуля речки», на реке Кеуль), Банщикова (деревня Трошки Елизарьева Банщикова). В 1699 году появились Кацка (на реке Ката) и Карапчанская, что на реке Карапчанке. (Любопытный факт: в начале XVIII века Карапчанская именовалась острогом, поэтому возможно, что селение возникло ранее 1699 года и представляло собой укрепление, построенное русскими первопроходцами). (17) Деревня Воробьева отмечена в 1723 году и название получила от реки Воробьевки. (18)

Из-за гористого рельефа местности и ограниченной возможности освоения новых пашенных земель большинство деревень и сел долгое время были однодворными. В 1700 году в Илимском воеводстве насчитывалось 83 однодворных селения, что составляло почти 40 % от общего числа, а селений, в которых было 14-17 дворов, было всего три. Известно, что в 1723 году в Бадарме и Карапчанке было два двора, в Кате и Невоне — три, в Кеуле и Тушаме — четыре.

Из данных госархива Иркутской области (ф.9, д.9, оп.1) известны имена основателей села Невон. Первым в устье Невонки поселился Иван Сизой вместе со своей большой семьей — женой и сыновьями Никифоров, Иваном, Андреем, Гаврилой и Петром. Вскоре здесь обосновались также Григорий Анучин и Иван Антипин, взявшие в жены тунгусских женщин. Выбранное место оказалось удачным для хозяйствования: гора защищала от холодных ветров, елани (лесные поляны) давали возможность с наименьшими затратами заложить пашню, на островах и устье Невонки имелись сенокосные луга. Фамилии Сизых, Антипиных и Анучиных и сейчас носят многие из коренных невоновцев.

Для всех деревень, расположенных по берегам Ангара, характерна общая черта: они размещались на участках, удобных для земледелия, рыбной ловли и защищенных от ветров и снежных заносов. Но при этом они не прятались в распадках и падах между гор, которых так много в Приангарье, а выходили на открытые места, хорошо видимые издали.

Самым распространенным способом передвижения был водный. «По Ангаре от Закурдаевой до Каты летом можно было проехать на лодке или верхом на лошади. Только к середине XX века появились дороги, по которым можно было проехать на телеге от Воробьевой до Банщиковой 16 км и от Кеуля до Тушамы 10 км. Были дороги на ближние поля, и то не везде. Например, крестьяне деревни Бадарма имели пашню до 20 гектаров против устья Илима на левом берегу Ангара, т.е. на том же берегу, на котором стояла Бадарма, а это 12 км от деревни, но никакой дороги туда, кроме пешей тропы, не было. Все перевозки совершались на лодке или зимой по льду реки. Крестьяне некоторых деревень имели

пашню и сенокосы на островах, куда тоже можно было попасть только на лодке или зимой по льду».

(19) На Илимe также основным способом сообщения между деревнями были водные пути. Крупные партии груза перевозились, как правило, в зимнее время санным обозом.

Расстояние между селениями на Ангаре и Илимe определялось размерами пашенных угодий. Сторона реки при этом не имела особого значения. Во многих ангарских деревнях и сегодня можно увидеть старинные дворы сто-, двухсот- и даже трехсотлетней давности, а также более современные постройки, восходящие по планировочным приемам к тем отдаленным временам. Со временем в поселениях по Ангаре и Илимy выработался свой тип жилья. Прообразом послужили избы северных районов России, но со значительными изменениями. Здесь постепенно сформировалась крестьянская усадьба замкнутого типа, обустроенная по периметру амбарами и сараями. Как правило, внутреннюю застройку можно разделить на два типа. В первом в центре закрытого с четырех сторон пространства стояла изба, как бы разделявшая двор на две половины: "чистый" и "хозяйственный" дворы. Поэтому практически во всех домах были сквозные двери и можно было выйти на обе стороны, в дальнейшем — на две параллельные улицы. Второй тип внутреннего двора усадьбы отличается тем, что и надворные постройки, и дом ставились по периметру прямоугольника. Одиночные усадьбы принадлежали обычно малоимущим семьям.

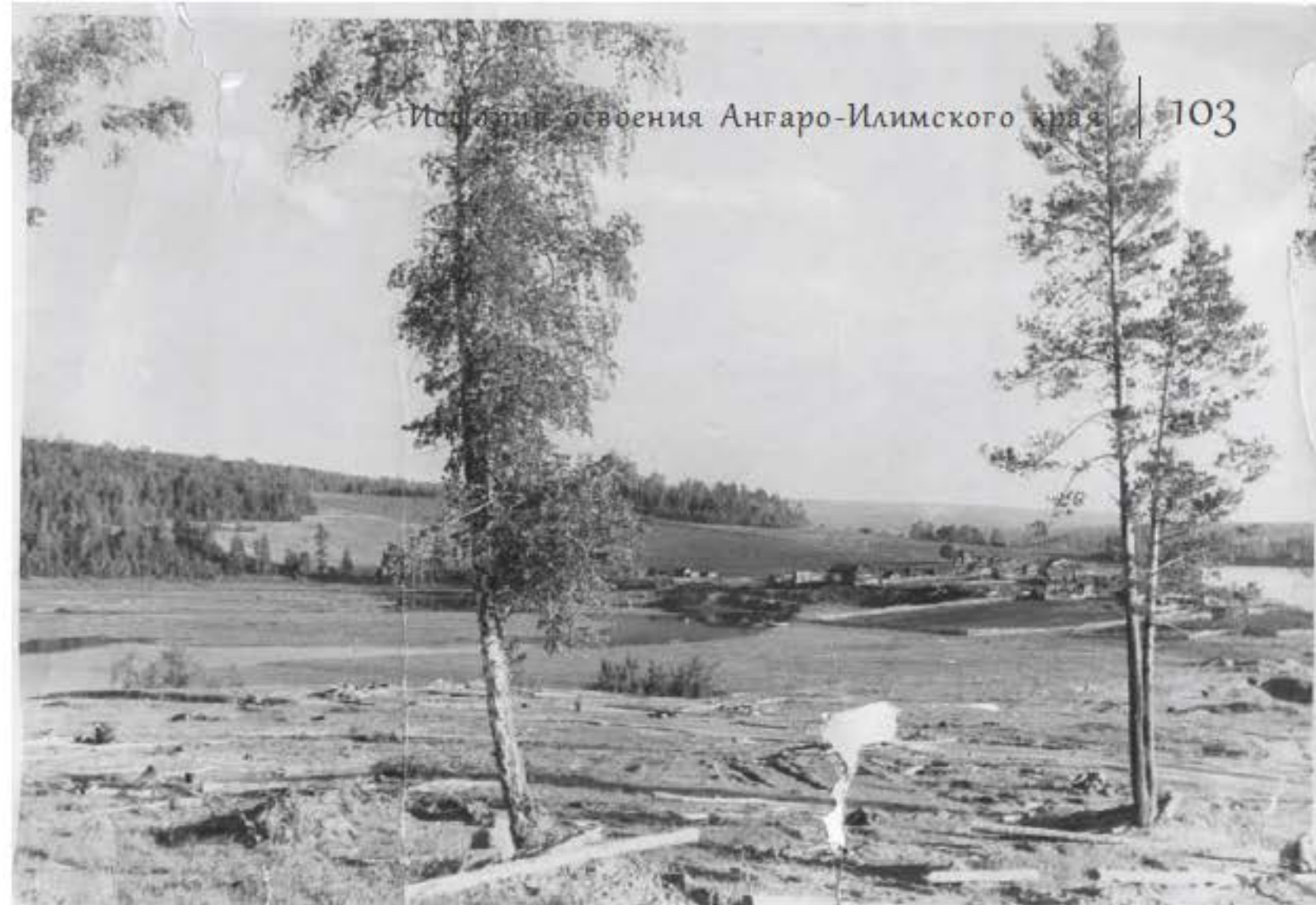
Во всех случаях наружные стены плотно придвинутых друг к другу амбаров, достигавших вместе с сеновалом до пяти метров высотой, и прочих нужных в крестьянском хозяйстве построек в совокупности с глухими высокими заборами и массивными воротами производили внушительное впечатление. Величина и форма крестьянских дворов были разнообразны. Зависели они от величины семьи и ее достатка, а также от воли хозяина-строителя. В зависимости от местоположения усадьбы могли быть вытянуты в длину, в ширину или приближаться к квадрату.

Изначально усадьбы, как правило, строились впритык одна к другой, образуя компактное однорядное, позже двухрядное поселение.

Дома на Ангаре и Илимe рубили из сосны. В условиях Сибири она хорошо держит тепло, постройки из нее стоят столетиями, не подвергаясь разрушению. Диаметр бревен для строительства домов выбирался от 28 до 30 см. В основании домов ставили лиственничные столбы, приобретающие со временем крепость камня. Крыши были двускатными, деревянными, состояли из двух рядов теса. (Примечательно, что деревья для строительства домов именно рубили, пилу не использовали, т.к. спиленное дерево, в отличие от срубленного, пропитывалось влагой и потому было недолговечно).

Внутри избы главную роль всегда играла печь. Размеры ее бывали значительны, обычно 1,5 на 2,5 метра. Сооружались печи не из кирпича, а были глинобитными и устанавливались на деревянном опечье. Сделать хорошую печь мог далеко не

Улица в Воробьево

Старая Карапчанка

Деревня Игнатьево

Деревня Воробьево

Деревня Карапчанка

Воробьево

Деревня Подъялани

каждый мастер, печное искусство ценилось высоко, а его секреты передавались по наследству. Часть избы с печным углом традиционно считалась женской, мужчинам сюда заходить было запрещено. А появление чужака в печном углу и вовсе считалось оскорблением для хозяев: нравы жителей ангаро-илимских деревень отличались сибирской суровостью. Внутреннее убранство дома отличалось, прежде всего, функциональностью и большой сдержанностью декора. Предметы быта в большинстве своем изготавливались из дерева. Цвет очень редко использовали для украшения, и в очень небольшом количестве.

В систему крестьянского двора, помимо жилой избы, были включены амбары для продуктов и охотничьей снеди, хлебные амбары («мангазеи»), кладовые, мастерские, а также амбары для сельскохозяйственного инвентаря, сеновалы, сараи, где содержался скот. При двухдворном типе строения сараи со скотиной и сеновалы размещались на «хозяйственном», или «заднем», дворе. «Чистый» двор мог быть целиком вымощен деревянными плахами, либо от ворот к крыльцу дома вела дорожка из досок.

Особенностью сибирской усадьбы являлось наличие в глубине двора второго домика — зимовья, очень похожего на лесную охотничью избушку: простой невысокий сруб под низкоскатной крышей, крытой ранее в накат из полубревен или драньем, позже тесом, доской. Зимой сюда переселялись из просторной избы, т.к. небольшое помещение легче было протопить, а летом домик мог служить кухней, чтобы «в жару в доме не парить». Отсюда другое его название — летник.

Для сохранности продуктов на территории усадьбы строили ледники — глубокие ямы, вырытые в земле. Глубина ледника обычно достигала двух метров, по периметру — полтора на полтора метра. Стены ямы укреплялись бревенчатым срубом. «Когда на реках начинался ледоход, льдины выбрасывало на берег и жители брали эти глыбы льда (кто сколько мог) и несли в ледник, кто на руках, кто в тележках. Спускали в ледник и раскладывали по сусекам (перегородки, сделанные на дне ледника). На лед клали неплотно лаги — бревна, с одной стороны круглые, с другой подрубленные для ровной укладки, так, чтобы было видно лед. На эти лаги клали мясо, ставили молоко и прочие продукты, которые

быстро портились».

Бани в старину бывали обычно «черными», т.е. без труб. Дым из них выходил или в специальное отверстие под потолком, или в открытую дверь. Капитальных предбанников, как правило, не было. Строили бани либо на заднем дворе, либо выносили за пределы усадьбы, ближе к реке. Воду обычно брали из реки (потому и огороды размещали тут же на берегу), уличные и усадебные колодцы появились позже и не везде.

Многие крестьяне имели заимки на пахотных землях — временные постройки, приспособленные только для летнего жилья во время полевых работ. Кроме того, каждая семья имела свои охотничьи угодья, которые переходили по наследству от родителей к детям. На этих угодьях выстраивались охотничьи избушки — зимовья, высоко над землей строились лабазы («амбаришки на сваях»), в которых хранились охотничьи запасы.

Ангаро-илимские деревни вплоть до XIX века имели строгий, несколько даже суровый облик, определяемый небольшим размером окон и ограниченным применением декоративных элементов. Затем простые, тесаные топором наличники окон приобрели жизнерадостный вид, на домах стал появляться богатый орнамент.

Сдержанностью и скромным убранством фасада отличались не только дома в Ангаро-Илимском крае, но и храмы. Практически в каждом селении русские люди, будучи истинно

верующими, строили молельные дома, воздвигали часовни и церкви. Первые православные культовые сооружения в нашем крае появились после закрепления отвоеванных земель возведением в 1630-е годы Илимского и Братского острогов. Ими стали часовни, которые сооружались в крепостных башнях острогов, обычно над воротами. Острожные башни имели военно-оборонительное назначение, и поэтому надвратные часовни, помимо своего прямого предназначения (богослужения и совершение обрядов), одновременно были и символом защиты острога. Затем на территории острога возводились деревянные церкви: в 1631 году — в Братском, 1645-м — в Илимском острогах. В деревнях по мере их укрупнения также строились деревянные часовни, которые потом перестраивали в церкви. Сооружение и открытие новых церквей в нашем крае было делом чрезвычайно сложным по причине недостаточного количества священнослужителей, а также

отсутствия дорог, и, следовательно, трудностей с доставкой необходимой церковной утвари. (20) Видимо, по этой причине упоминания о первых церквях в селах Ангаро-Илимского края относятся, как правило, к концу XVIII — началу XIX вв.

Известно, что в Сибири крепостного права и барщины не было, и, по сравнению с европейской частью России, было меньше податей. Земли первоначально в каждом хозяйстве было столько, сколько крестьяне могли обработать, и «пашню добывали из-под леса каждый сам себе». В конце XVIII века в связи с ростом населения пашни в общинах стали делить по количеству в семье душ мужского пола.

Орудия труда, используемые сибирскими крестьянами, были те же, что и в России. На выбранном к посеву участке вырубались кусты и деревья, выкорчевывались пни и корни. Для вспашки земли использовали деревянную соху с одним или двумя железными сошниками. Более мощное и производительное орудие — плуг — в Сибири стали применять со второй половины XVIII века поселенные в Забайкалье и на Алтае старообрядцы. Для боронования вспаханного поля применяли деревянную борону. Сев производили вручную. Созревший хлеб убирали серпами, колосья вязали в снопы и перевозили с полей в гумна и овины для последующей просушки и обмолота. Осенью после окончания работ хлеб молотили деревянными цепями. Траву косили косами-горбушами, которые были наиболее пригодны для лесных полян. Косалитовка получила распространение лишь в XIX веке.

Среди зерновых культур сажали рожь, овес и ячмень. Пшеница в нашем суровом климате часто вымерзала. Сеяли также горох, гречиху, полбу и просо. Из технических культур разводили коноплю и лен, из которых можно было получать не только масло, но и ткань.

Сложные природно-климатические условия и несовершенные орудия труда, а также упадок естественного плодородия земли (по причине отсутствия навыков удобрения пашни падала ее производительность, нужно было разрабатывать новые земли) приводили к неурожаю. Когда неурожайные годы повторялись, крестьяне находили себе пропитание за счет охоты, рыбной ловли, сбора

ягод и грибов, а с развитием сибирских городов и торговли — отхода на заработки.

Кроме того, большим подспорьем в хозяйстве сибиряков было огородничество. Выращивали лук, чеснок, морковь, брюкву, свеклу, редьку, огурцы, тыкву, в больших количествах — капусту и репу. С конца XVIII века стал распространяться картофель, превратившись к концу XIX века наряду с хлебом в основную пищу крестьян как в России, так и в Сибири. «Капусту, свеклу, морковь солили, заправляли, тушили с маслом, клали в пироги.

Деревня Подольская

Колодезь в Боржоме

Огурцы солили на зиму, а летом ели с медом. Салаты у нас в Сибири не делали, это к нам с Запада пришло».

Рацион питания крестьян в немалой степени обогащали ягоды, грибы, кедровые орехи, съедобные корни ревеня, черемши, полевого лука и др. Также собирали и заготавливали лекарственные травы и травы-красители.

Повсеместно крестьяне содержали лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кур. Официальная статистика считала средней нормой по Восточной Сибири содержание 3-5 лошадей, 3-5 коров, 6-8 голов мелкого рогатого скота на один двор. Эта средняя норма в 2-3 раза превышала обеспеченность скотом крестьянского хозяйства в центре России.

Одним из основных занятий новоявленных сибиряков был рыбный промысел. Для первых землепроходцев рыба была самым доступным продуктом питания. Наибольшую промысловую ценность имели осётр (сибирское название «кострюк»), стерлядь («лобарь», «чалбас»), сиг, таймень. В огромном количестве водились хариус, налим, ленок, щука, а елец, окунь, сорога и пескарь (мокчен) считались «сорной рыбой», так же, как и голец «для кислых штей».

«Река всегда была кормилицей, рыбачили круглый год все - и мужики, и бабы, и млад и стар, и без улова никогда не возвращались». Об объемах добычи рыбы можно судить по данным Карапчанской волости за 1845 год: было поймано 410 пудов тайменя, 100 пудов стерляди, 650 пудов налима, 750 пудов ельца. (21)

Учащиеся средней школы №2 села Невон Усть-Илимского района, юные краеведы, под руководством замечательного педагога В.П. Ступина, на протяжении ряда лет занимались поисковой работой, интересуясь жизненным укладом односельчан, передававшимся в условиях естественно-природной изолированности от крупных центров и торговых путей из поколения в поколение, и потому не подвергавшимся большим изменениям на протяжении десятков лет, а то и столетий. Одна из учениц Валерия Павловича, Анна Сивоплясова, изучая особенности рыбалки в Среднем Приангарье, проделала большую работу, результаты которой представляются заслуживающими внимания. Отметим, что данное исследование нигде ранее не публиковалось и проводилось в селах Усть-Илимского района в 2004-2005 годах.

Со слов невонокских рыбаков она пишет: «Стерлядь на Ангаре ловили перемётом. Нарезной перемёт состоит из множества остро отточенных «безбородых» крючков, которые примерно через каждые 10 см крепятся к шнуру, протянутому на быстрине поперёк реки. Чтобы крючки «работали», к каждому подвешивается лёгкая пробочка, а насадки на такие крючки никакой не надо. Рыба идёт через пережат и натывается на эти острые крючки, таким перемётом ранится очень много рыб. Стерлядь - рыба нежная и, уколовшись о крючок, сразу затихает. Другие же рыбы о нарезной перемёт только ранятся, но не ловятся».

Похожим образом, но с некоторыми особенностями, ловили осетра, тайменя, налима. «Летом ловили на самолов. Самолов состоит из продольной верёвки (хребтины), к ней навязываются поводки из капроновых ниток (раньше - из конопля) длиной 50 см, на них цепляются крючки (уды) длиной 10 см, а на изгибе вешается одна бакулка (пробка) из коры лиственницы. Рыба на самоловы идёт наплывом и зацепляется на крючки любой частью своего тела (хвостом, брюхом). Вся снасть держится на тяжёлых якорях, потому что она должна стоять на одном месте. Самолов ставится на ямах, на глубине, где водится много крупной рыбы».

На Ангаре и по Илимку рыбачили с помощью различного вида плетеных сетей - неводов, бредней и т.д. Орудия и способы лова были чрезвычайно многообразны. Во время весеннего разлива рыбу ловили в поймах рек сетями. Когда вода шла на убыль, в ход пускались всевозможные заграждения и ловушки, преграждавшие рыбе путь обратно в реку. Читаем там же: «Весенняя рыбалка трёхстенками, поплавня. Рассказывает Привалихин Владимир Лаврентьевич: «Весной, когда сходит лёд, первым делом идут плавать. Сначала нужно выбрать место в прилуках (изгибах реки). Заезжали на лодке выше деревни, из лодки выбрасывали наплав (поплавок из досок, сколоченных крест накрест), выбрасываются сети, одновременно с лодкой сети плывут по течению. Один человек гребёт, а второй на корме выбрасывает сети. Проплыв минут сорок, если тонь («один залов, одна закидка, одна тяга невода») хорошая - выбираешь сеть. Попадает рыба разная: хариус, сорога, елец, окунь, щука...

Заездок. Ставной невод. Заготавливали жерди, их сплетали ивовыми ветками, верёвками. Потом устанавливали в речку «козлы» или скамейки, и к

ним ставили щиты из частокла высотой по 1,5 метра. Когда окунь приходит в «курью» (заводь), то таким образом можно было за один раз из ставного невода накачать по 2-3 лодки окуней..."

«После Петровых, когда на Ангаре начинаются «травники» - на поверхности воды появляется трава. Пошла другая рыбалка, - рассказывает Привалихина Нина Вениаминовна. - Подходишь в тихих местах «под хвосты». Надо подвязать с одной стороны сеть за траву и бросить якорь и обвести сетью этот «хвостик» (траву), и с другой стороны бросаем якорёк и поплавок для того, чтобы знать, куда подплыть вечером, где стоит твоя сеть. Улов зависит от ячеи сети».

Забереги по льду. Поздней осенью, когда станет река, ставят уды на налимов. Для этого в лесу заготавливают берёзовые черенки, сушат их. Приготавливают поводки, уды. С лета хранят в морде (большая плетёная корзина из прутьев тальника, ивы) пескарей на «наживу». Долбили лунки пешней на расстоянии 10-15 м. Поводок с удой и наживлённым мокшоном привязывали к колышку, который надо было уткнуть в дно, в песок и приставить к лодке.

Весной рыбачили мерёгой (фитилём). Мерёга ставилась на щуку, на сорогу. Делалась она из «дели» - делались черёмуховые кружья, вставлялись в ячеи, всё это зашивалось и получалось в виде бочки. Рыба в неё идёт наплывом, а обратно выйти не может.

Морда. Путь ивы, тальника распаривали в горячей воде и плели. У основания делали деревянный квадрат, к горловине сужали, залепляли тестом. Для приманки рыбы внутрь морды клали яичную скорлупу, мелко порезанную сырую картошку. Морду у берега привязывали с двух сторон небольшими верёвками, чтобы течением её не крутило. У берега закрепляли камнями, якорьками. Рыба попадала в узкую горловину, а назад выйти уже не могла. Полную морду рыбаки доставали из воды, открывали пробку с другой стороны и высыпали улов.

Лучение. Лучить ездили летом вечером и ночью. В лодке в нос вставляли козу (22) со смольём. Смоленые сучья, корни заготавливали заранее в лесу и просушивали. На козе поджигали смольё и плыли вдоль берега. На носу лодки стоял один человек с острогой, а на корме другой управлял веслом «Огонь освещал воду, и рыбу кололи острогой. Старались попасть в хребтину, ближе к голове, но не всегда это удавалось, - рассказывает Усольцев Пётр Иванович. - Рыбу разрезали на куски в том месте, где был прокол острогой, и солили для того, чтобы улов не испортился».

Рыба всегда употреблялась в кухне сибиряков в бесчисленных видах: паровая или подпарная, отварная, тельная, т. е. изготовленная особым образом из одного филе, без костей, но с кожей, жареная, чиненая (наполненная начинкой из каши, лука или грибов), тушёная, заливная, печёная в чешуе, запечённая на сковороде в сметане, просоленная (солёная), вяленая, сушёная на ветру и солнце (вобла) и сушёная в печи (сушик). Ели и мороженую сырую рыбу (мелко нарезанную называли «строганина», «расколоткой» называли рыбу, отколотую от большого замороженного куска). Менее была распространена в сибирской народной кухне до середины XIX века копчёная рыба. Из рыбы делали начинку для пирога. От щук жарили потроха, пекли в русской печи икраяник. Делали заливное из щучьих голов. Жарили котлеты из сорной рыбы. Ершей, окуней мелких сушили в русских печах на листах, затем выбирали все кости, и зимой варили «кашицу». Максу, печень налима, ели мороженой или добавляли в уху - для жирности.

Русское население Сибири практически повсеместно занималось охотой. Наш край - не исключение. Тайга Приангарья изобиловала медведями, северными оленями, лосями, косулями, волками, рысями, лисами, бобрами, зайцами, белками, горностаями. Здесь также в большом почёте был пушной промысел - одна из первоначальных причин продвижения русских за

Деревня Игнатьево

«Каменный пояс». Наиболее ценным являлся соболь. «Охотятся на него зимой. На снегоступах передвигаются по лесу и выслеживают зверя по его тропам. Иногда соболь забирается в нору, и охотнику приходится ждать, пока зверь выйдет. Ожидание может затянуться на несколько дней. Однако это того стоит». (23) Средняя добыча на одного охотника составляла в XVII веке около 60 соболей, наивысшая же добыча в самые благоприятные для промысла годы доходила до 260 соболей на человека. Лучшие шкурки продавались по 20-30 рублей за штуку, а отдельные могли оцениваться фантастическими для простого человека суммами – от 400 до 550 рублей. По понятным причинам на этого зверька велась хищническая охота: ГОДОВОЕ жалование рядового казака составляло в среднем 5 рублей. С выходом царских указов о запрете соболиного промысла по причине исчезновения этих животных промышлять стали другую пушнину. (24) Интересно, что в зависимости от возраста соболя, его окраса и качества меха использовались разные названия: бусой (т.е. молодой, не сбросивший летней серо-пепельной шерсти), головной (крупный и с отличным черным мехом), калтан (летний соболь), князёк (зверь белого цвета), и т.д., всего порядка 20 названий. (25)

Активно охотились и на таежную птицу: рябчиков, глухарей, тетеревов, гусей, уток, и пр.

К концу XIX века в Среднем Приангарье сезонная охота на всякого рода зверя могла принести до 200-250 рублей прибыли, что являлось значительной суммой в бюджете крестьянского хозяйства.

Охота, как и рыбалка, – это особый кодекс неписаных правил и запретов, передаваемый от отца к сыну, и которым должен был руководствоваться каждый охотник. Как уже говорилось, русские в тесном взаимодействии с коренным населением заимствовали элементы жизненного уклада аборигенов, в том числе – охотничьи и рыбацкие секреты, а также местные поверья и «опыт общения с духами». В этом отношении весьма примечательна широко распространенная охота на медведя.

В другой работе уже упоминавшегося юного краеведа-исследователя Анны Сивоплясовой «Охота на медведя в Среднем Приангарье» читаем: «Охотники употребляют выражение «добыть» зверя, а не «убить». Это объясняется тем, что между человеком и медведем много общего.

Медведи, как и люди, нянчат и растят своих детей, очень любят купаться, умываются, обладают музыкальным слухом, могут петь. Делают запруды на реках и ловят рыбу. Строят себе жильё – берлогу, которая для многих старых зверей становится могилой. Раньше считалось, что медведь – это человек в прошлом, наказанный Создателем за привычку пугать людей. Следовательно, произносить «убить» нельзя, поскольку это считается преступлением. Поэтому говорят: «Медведя убила пуля (рогатина, злой дух, мифическое лицо)». Тем самым охотник ограждает себя от греха».

Кроме того, когда добывали медведя из берлоги, его предварительно обязательно «разбуживали», потому как убить спящего противника – нечестно, да и дух медведя в дальнейшем будет мстить не только охотнику, но и его потомкам до седьмого колена. Думается, что очеловечивание зверя в представлениях охотников связано еще и с тем, что тело убитого животного после снятия шкуры напоминает тело женщины. Отметим, что местные охотники и по сей день подчеркивают, что зверь «добывается по необходимости, потому что человеку нужно мясо и шкура», а отнюдь не для развлечения. Как видим, в данных поверьях весьма заметно влияние эвенкийских представлений о взаимоотношениях человека и зверя.

Интересен способ «добывания» медведя из берлоги. Берлогу должны обнаружить собаки, после чего, «заперев берлогу стягами», зверя будят. Читаем там же: «Отверстие (цело) перекрывают палками (шестами) крест накрест. Охотник берёт длинную жердь, толкает её в берлогу, медведь хватается за палку, а охотник этим временем стреляет вдоль палки, чтобы попасть в медведя. Если медведь перестаёт грызть, значит, охотник убил его. Главное орудие добывания медведей – ружьё. В старое время зверей добывали различными самоловами: кулемами, капканами, петлями – все они теперь запрещены».

Ходили на медведей и с рогатинами, и с пальмой. (26) Из архивов известно, что в 1785 году некий храбрец из Едормы добыл трех медведей весьма рискованным способом – «березовою палкою по голове». (27)

«Добыв медведя, охотники вытаскивают или, как они говорят, «вываживают» его из берлоги при помощи ваги или ворота, то есть специального

приспособления, которое делается из прутьев березы или черемухи, и капроновой бечёвки.

Москвин Василий Перфилович из Невона – охотник со стажем, считает, что в пасть добытого зверя между челюстями необходимо «вставлять деревину для выпуска души».

У поверженного медведя выбивают зуб. Зубы медведя имеют особое значение. Их носят в качестве амулета, защищающего от сглаза, или предохранения от несчастья. При освеживании медведя охотники соблюдают определённый ритуал. Карнаухов Николай Фёдорович, житель с. Невон, рассказал, что охотники вынимают желчь, которую тут же выпивают для здоровья, для силы. Её считают особенно полезной, когда охотятся на полнолуние, ведь тогда и желчь тоже полная, т.е. сильная. Снятие шкуры с добытого медведя ассоциируется с «раздеванием», снятием шубы с животного. Охотники говорят – «оснимать зверя». Карнаухов Николай Григорьевич вспоминает: «Шубу начинаешь снимать с задней левой ноги и до пупа. Так и снимаешь, откидываешь в сторону. Потом передние лапы расстёгиваешь, вся шуба и слезает». Медвежьи лапы население особо почитает. Их можно видеть в доме каждого охотника. Так, у Москвина В.П. прибит медвежья лапа на хлеву для оберега домашних животных. Медвежья шкура, расправленная на стенах домов, хлевов, поветий, заборов, – характерная примета жилища охотников. Шкуру обычно вывешивают в тени, чтобы «пробыгала», а то на солнце её покоробит. Качество шкуры зависит от времени добычи зверя. Медвежья шкура хороша до Петровок, потом медведь линяет. Медвежью шкуру широко используют в быту. Ею обивают двери дома, зимовьё для тепла. Раньше она шла на постель, иногда в качестве одеяла или матраца». (28) Помимо шкуры и мяса, всегда ценились медвежья желчь и жир как лечебные средства от разных хворей.

Мясные блюда, в том числе из медвежатины, играли большое значение в традиционной сибирской кухне и употреблялись в пищу гораздо чаще, чем в европейской части России. Помимо доступности зверя в тайге, этому есть другое объяснение: сибиряки реже соблюдали религиозные посты. Широко использовали в пищу свежее мясо – «свеженину», солёное – «солонину», и вяленое – «провислое». (Охотники по одному из рецептов дикое мясо режут тонкими

длинными кусками, круто засыпают солью, перемешивают в котелке и нанизывают на деревянные лучины или ветки. Лучины с мясом втыкают вокруг углей костра и вялят мясо в дыму. Приготовленное таким способом мясо долго хранится летом. В дороге ломтики мяса хорошо грызть для поддержания силы). Кроме того, мясо отваривали, тушили, жарили, запекали, из него делали паштеты, варили студни (холодное). Особенностью приготовления мяса «по-сибирски», «по-таежному» является частое использование таежных приправ из папоротника и черемши, которые закатываются в мясо. К мясу часто подавалась замороженная ягода – брусника или клюква.

Охота во многом определила своеобразие местной одежды. Основным материалом для изготовления верхней одежды служили: мех, из которого шили шапки, дохи, полушубки, шубы (мехом внутрь и наружу), тулупы, а также кожа, из которой делали простейшую обувь без каблуков – чирки и ичиги. Камус (оленья шкура) широко использовался для пошива унтов (широко распространенных наряду с валенками), а также при изготовлении широких охотничьих лыж. Такие лыжи быстро скользили вперед и притормаживали обратное движение. Из охотничьего (и рыбацкого) снаряжения заслуживают внимания носки («крыпотки») и рукавицы, плетеные из конского волоса для того, чтобы не пропускать воду. Крыпотками назывались и носки из соболиных шкурок мехом внутрь. Конский волос использовался также для плетения сеток для накомарников от таежного гнуса.

Как неоднократно отмечалось историками, интерес современника направлен на фиксацию чего-либо необычного, особенного. В результате этого обыденные и привычные вещи и явления зачастую выпадают из сферы его внимания, но, спустя какое-то время, вызывают большой интерес. Не претендуя на полноту освещения исторических событий и оставив немало интересных фактов «за бортом», собирая по крупицам информацию о нашем крае, мы попытались представить картину заселения нашего края, а также жизненный уклад тех, кто когда-то населял территорию Среднего Приангарья. Зачем это было сделано? Как не вспомнить слова иркутского краеведа П.И. Пежемского: «Если ты сын России, то не лишним будет для тебя знать дела твоих земляков в

Сибири; если ты природный сибиряк, то тебе надо знать еще больше, потому что родился ты на той земле, где предки твои, первые русские люди, покорили, очистили, прирастили Сибирь к России...».(29) ■

В статье указаны сноски на следующие источники:

- 1 Астафьев В.П. Как начиналась книга. // Астафьев В.П. Всему свой час. – М., 1986. С.117.
- 2 В.Огарков. Приангарье: страницы истории. Кто был первым? <http://buroonduk.ru/priangarye.html>
- 3 Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины. – М.: Вече, 2012. С. 169.
- 4 Согласно исследованиям Р.Г. Скрынникова, поход Ермака начался 1 сентября 1582 года.
- 5 Цит. по: Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI-XIX вв.). – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1998. С.29.
- 6 «Гулящие люди» - особая категория населения на Руси XVI-XVII вв. без определенного места жительства и рода занятий. Так называли тех, кто пришел в Сибирь не по «государеву указу», а по своей воле. Эта категория пополнялась беглыми и отпущенными на волю холопами, а также крестьянами и посадскими людьми.
- 7 В.Г. Распутин. Цит. по: Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI-XIX вв.). – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1998. С. 344.
- 8 Цит. по: Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Ч.1. МП «Братская городская типография», 2000. С. 8.
- 9 Цит. по: Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Ч.1. МП «Братская городская типография», 2000. С. 77.
- 10 Цит. по: Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Ч.1. МП «Братская городская типография», 2000. С.64.
- 11 Цит. по: Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Ч.1. МП «Братская городская типография», 2000. С.30.
- 12 Цит. по: Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI-XIX вв.). – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1998. С. 44.
- 13 Цит. по: Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI-XIX вв.). – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1998. С.37.
- 14 Бродников А.А. О защитном вооружении служилых людей Сибири в XVII веке. Новосибирский государственный университет. 2006.
- 15 Окладников А.П. Открытие Сибири. Главы из книги. – Хабаровск. Кн. изд-во, 1989. С. 32.
- 16 Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины. – М.: Вече, 2012. С. 172.
- 17 Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии XVII-начало XX века. Научно-справочное издание. М. «Галарт», 2000. С.271.
- 18 Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т.1. Иркутское областное государственное издательство, 1949. С. 80-83.
- 19 Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Ч.1. МП «Братская городская типография», 2000. С. 52.
- 20 Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии XVII-начало XX века. Научно-справочное издание.- М. «Галарт», 2000. С.12,14.

- 21 В.Огарков. Приангарье: страницы истории. Кто был первым? <http://buroonduk.ru/priangarye.html>
- 22 Коза – приспособление для разведения огня, представляющее собой металлическую решетку на длинной деревянной палке, которое закреплялось на носу лодки.
- 23 Джон Фостер Фрейзер. Реальная Сибирь. 1902. <http://www.sibtours.com/?gid=86> (Книга путевых заметок известного английского путешественника и журналиста Джона Фостера Фрейзера, совершившего путешествие по Сибирской железной дороге в конце XIX - начале XX века).
- 24 Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Ч.1. МП «Братская городская типография», 2000. С.36.
- 25 Гурулев С.А. Звери и рыбы Сибири: происхождение названий. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1992. С.28-35.
- 26 Пальма/палма – сибирское древковое оружие с металлическим навершием, которое выполняло функции копья, ножа, топора. Использовали также при забое оленей.
- 27 В. Огарков. Приангарье: страницы истории. Кто был первым? <http://buroonduk.ru/priangarye.html>
- 28 Сивоплясова Анна. Охота на медведя в Среднем Приангарье. 2004. МОУ «Невонская средняя общеобразовательная школа №2».
- 29 Пежемский П.И. Панорама Иркутской губернии, заключающая в себе историческое описание завоевания Сибири Ермаком; взгляд на построение городов сибирских; географический, гидрографический и исторический очерк губернии, с краткою хронологиюю за 150 лет; с присовокуплением Летописи города Иркутска за 190 лет. Цит. по: Бубнов А.С. Илимская пашня. Время перемен. Ч.1. МП «Братская городская типография», 2000. С.5.

Фотографии из фондов муниципального бюджетного учреждения культуры «Краеведческий музей» города Усть-Илимска.

Некоторые - из книги «Это все, что возьму я с собой...» (Деревни, исчезнувшие с лица земли). Авторы: А.С.Бубнов, Н.А.Букин. (2006 г. Железногорск-Илимский. Отпечатано в типографии ООО «Газета Приилимья»).

Деревня Ступино

Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его!

ПАСХА священная нам днесь показася: ПАСХА нова святая, ПАСХА таинственная, ПАСХА всечестная, ПАСХА - Христос Избавитель, ПАСХА непорочная, ПАСХА великая, ПАСХА верных, ПАСХА, двери райския нам отверзающая, ПАСХА, всех освящающая верных!

Яко исчезает дым, да исчезнут!

Приидите от видения жены благовестницы, и Сиону рцйте: приими от нас радости благовещения Воскресения Христова; красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме, Царя Христа узрев из гроба, яко Жениха происходяща!

Тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся!

Мироносицы жены, утру глубоку, представша гробу Живодавца, обретоша ангела, на камени сидяща, и той провещав им сице глаголаше: что ищете Живаго с мертвыми? Что плачете Нетленного во тли? Шедше проповедите учеником Его!

Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны!

ПАСХА красная, ПАСХА, Господня ПАСХА! ПАСХА всечестная нам возсия. ПАСХА! Радостию друг друга обьемем. О ПАСХА! Избавление скорби, ибо из гроба днесь яко от чертога возсияв Христос, жены радости исполни, глаголя: проповедите апостолом!

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! И ныне, и присно, и во веки веков!

Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьемем, рцем: братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением, и тако возопиим: Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!

Мустафина Алёна

Для многих из нас историей государства является то, что происходило, как минимум, 50 — 100 лет назад. При этом в историческую канву, как правило, попадают знаковые события, считающиеся вехами на пути развития. Но ничто не может быть лучшим зеркалом эпохи, чем простая жизнь простых людей. И то, что было с нами 20, 30, 40 лет назад — это тоже история, участники которой постепенно уходят из этого бренного мира и уносят от нас бесценные свидетельства своих обычных судеб.

Мы приглашаем всех, кто может поделиться интересными фактами недавнего прошлого нашей страны, к творческому сотрудничеству.

Нина Травина

ВЕСНА

Бедное детское сердце. Слово какое определить для себя - предательство. Как можно быть заодно с теми, кто не верит в Бога, не любит Его, ничего не хочет знать о Нем? - так думали тогда мы и наша дочь.

Когда весь класс принимали в пионеры, Наташа просто не пришла в школу, чтобы не было лишних вопросов. Это был ее выбор. Она не хотела становиться пионеркой.

Утром муж мой Яша пошел в школу к директору. Директор оказался нормальным адекватным мужчиной. Сказал, что он "не в курсе" произошедшего, вызвал Наташину учительницу, молодую выпускницу пединститута, комсомолку, и выяснил, что все срежиссировала она. Галстук можно не носить - такое разрешение получили мы от директора.

Спустя еще несколько дней, дочь, вернувшись с занятий, сказала, что ее вызывали к директору, и "там были два мужчины в костюмах, они расспрашивали подробно, как мы живем, как молимся и почему я не ношу пионерский галстук".

Муж опять пошел в школу, чтобы защитить Наташу от допросов, но директор его не принял. Как бы ни была нам неприятна тогдашняя ситуация, мы с мужем с пониманием отнеслись к стремлению директора всеми силами избежать разговора. В общем-то, неплохой человек, он, как и мы, оказался в сложном положении, с одной стороны, сочувствуя нам, с другой, - опасаясь возразить всемогущей организации, при малейшем неудовольствии которой мог остаться без должности.

Еще через несколько дней мы узнали от епископа, что его вызывал Уполномоченный по делам религий "по нашему вопросу": оказалось, что "некие люди" опросили соседей и те дали показания, мол, Наташа и мы молимся, стоя на коленях и постимся. Хотя молитву на коленях никто из соседей видеть не мог, а что постимся - мы не скрывали. Ну и - закончил епископ - на основании всех этих сведений вас хотят лишить родительских

Калуга - старинный купеческий город, весь в зелени садов, парков и скверов. Маленькие, узкие, похожие на аллеи, улочки с добродетельными особняками. Приветливые жители, спокойная, размеренная жизнь.

Мы молоды, счастливы. Живем в самом сердце любимого города, в старом деревянном домике на склоне оврага, заросшего сиренью и вишней.

Настоящая семья: я, муж, дочь - восьмилетняя Наташа. Дочь учится в школе. Муж работает дворником в епархиальном управлении и служит в Георгиевском кафедральном соборе псаломщиком и иподиаконом. Я учусь петь на клиросе и работаю секретарем-машинисткой в епархии. Мы трое - единомысленны. Мы любим Бога, друг друга и верим, что Господь любит нас. Вечерами читаем вслух, обсуждаем прочитанное, делимся мыслями, рассказываем о событиях дня. Готовим "самые постные блюда" - это первый Великий пост в нашей жизни. Теплыми весенними вечерами гуляем по любимому городу, рассказываем происшествия детства, показываем дочке памятные для нас места. И все так славно: запах жасмина и теплого асфальта, такие родные лица вокруг, и с каждым жителем нашего города хочется поделиться радостью - есть Господь, он любит нас, а мы все должны любить друг друга. Но мы улыбаемся, переглядываясь между собой, и храним Эту Тайну.

Последние дни апреля... Через несколько дней будет взрыв реактора в Чернобыле (это несколько сотен километров от нас), и радиоактивная туча поплывет в сторону города. Ее расстреляют над Ульяновским районом, а наша жизнь стремительно начнет меняться...

Однажды дочь придет из школы грустная и молчаливая. И ничего не станет рассказывать о прошедшем школьном дне. Вечером рано ляжет спать, а утром не прибежит весело - рассказать очередную главу своей "повести о Марте" - с радостью и интересом она придумывала истории о девочке, живущей в старой усадьбе, о ее приключениях, и все это - с детективным уклоном. И только на следующий день вечером за чаем она спросит: "Папа, предательство - смертный грех?". И после не помню, какого ответа уткнется в него, обнимет и заплачет. "Я - предательница, папа, меня вчера приняли в пионеры". Восьмого мая, когда класс ходил на площадь Победы возлагать цветы в память о павших солдатах, нашу Наташу вывели неожиданно из общего строя и повязали галстук.

прав и готовится статья в газету...

Как удалось епископу остановить дело, можно только догадываться.

А муж мой поехал в Троице-Сергиеву Лавру к духовнику - архимандриту Кириллу. Отец Кирилл велел передать Наташе, что ее вступление в пионеры "не считается", а нас благословил на отъезд в Тюмень.

И вот уже накануне весеннего Никола мы втроем сидели в поезде Москва-Пекин и ехали в город Тюмень. Девятого мая (по ст.ст) в день перенесения мощей Святого Николая мы оказались в Тюмени. Гостеприимно открылись ворота Всехсвятского храма, нас встретили удивительные люди - о. Михаил (Курочкин) и о. Валерий (Суслин).

Начало странствий положено... Какой ты будешь для нас, новая жизнь?.. ■

Любовь

Кривошеина

ДЕТИ И ВРЕМЯ

Скорость движения всего и вся становится все быстрее и быстрее, и только профессиональная аппаратура может выхватить из скоростного потока чье-то сосредоточенное лицо, бампер удаляющегося автомобиля, упавший метеорит. Мы привыкли к быстро меняющемуся миру, вчерашняя новизна кажется чем-то обычным и сто лет бывшим. А между тем, за двадцать пять лет окружающий мир изменился до неузнаваемости. Дело вовсе не в компьютерах, айфонах и прочих гаджетах, дело в самих людях, научившихся эту космическую скорость переваривать.

Но странное дело, с возрастом в восприятии прошлого происходит какая-то временная абберация. В 70-м году исполнилось двадцать пять лет со дня окончания Второй Мировой войны. Мы были школьниками, и четверть века, отделяющая нас от времени молодости наших родителей,

представлялась настоящей пропастью. Сейчас та страшная война, несмотря на свое все большее погружение в Лету, стала ближе. То же самое происходит с событиями уже нашей молодости.

...В 80-х Иркутская Епархия простиралась на Восток до Тихого Океана. На всей этой громадной территории в пол страны действовало всего 36 приходов. Сейчас их только в Братской Епархии вдвое больше.

Как жили христиане? Как жили те, у кого отобрали храмы, но не смогли до конца вытравить из памяти веру?

Мне досталось растить и воспитывать детей, когда Россия уже пришла в движение, и динамика этого движения отразилась в школьных историях моих детей.

В 1989 году старшая дочь пошла в школу. Вскоре наступил день, когда первоклашек принимали в октябрята. Дочь пришла домой расстроенная и замкнутая. С большим трудом разговорили ее и выяснили, в чем дело. Оказывается, она отказалась вступать в октябрята. Мы не настаивали ее специально, но, будучи невольной слушательницей домашних разговоров взрослых, она сделала свой выбор. Пожилая учительница вызвала ее к доске и перед всем классом устроила допрос.

- Катя, ты что, веришь в Бога?

- Да, - тихо ответила Катя, глядя в пол.

- И мама верит в Бога?

- Да.

- И папа верит в Бога?

- Да.

- Какой кошмар! Дети, какой кошмар. Ну вот если ты, например, будешь плохо учиться, ты что думаешь Бог пошлет тебе "пятерку" с неба? Или копеечку пошлет, если ты вырастешь и будешь плохо трудиться?

И дальше в таком же духе. Нам стоило больших трудов и переживаний уладить эту ситуацию, но "пятерок" у этой учительницы Катя никогда больше не получала. Слава Богу, через год мы переехали в Иркутск, а еще через год это была уже другая страна. Кстати, Катя получила два высших образования, прекрасно устроена в жизни, и теперь трудно определить, где ее труды, а где помощь Божия.

В 1992 году пошел в школу старший сын. На одном из уроков словесности учительница читала стихотворение Тютчева. Когда было произнесено слово «Бог», все в классе засмеялись, и только учительница строго сказала — дети, здесь нет ничего смешного, наоборот, это очень серьезно. Услышав эту историю от сына, я удовлетворенно заметила — ну, вот видишь, учительница сказала все правильно. На это после небольшой паузы, сын грустно проговорил — да нет, мама, это она в моих мечтах так ответила, а на самом деле она смеялась вместе со всеми.

Прошло пять лет. На уроке истории учитель рассказывал о принятии Русью христианства. Дети, говорил он, Христос — это не вымысел, это реальная историческая личность. Еще недавно у нас все пытались это отрицать, но теперь все это доказано наукой. Христос — это инопланетянин...

Прошло еще семнадцать лет. Теперь старший внук с удивлением замечает, что у одного мальчика из группы в детском саду почему-то нет крестика... ■

Ольга Шенеман

ВОСПОМИНАНИЯ

Оля

Воспоминания — это волшебные одежды, которые никогда не изнашиваются.

Роберт Льюис Стивенсон

Фраза — я родилась в середине прошлого века — навеивает ощущение принадлежности к какому-то археологическому раскопкам. Ну, раскопки, это, конечно, слишком торжественно звучит, скорее из старого, как сказал поэт, сундучка воспоминаний извлекаются на свет Божий вещи, не то, чтобы ветхие, но все-таки подернутые пылью времени. В них долгое время не было нужды, ибо по молодости лет человека обуревают собственные интересы, кажется, что мир начался с твоим рождением, а пресловутая память предков такой анахронизм, который заслуженно — в силу своей дряхлости — выпадает из твоей сегодняшней жизни.

Но наступает возраст, когда хочется оглянуться, понять, откуда ты, что ты? Кто там, перед тобой, что он делал, как он жил, что ты взял от него? И приходит горчайшее сожаление, что был невнимательным, может быть, недостаточно или даже совсем непочтительным к прошлому твоего семейства, что надо было слушать и слушать, впитывать в себя, наслаждаться возможностью узнать такое, что позже просто неоткуда будет взять.

Уже и за то спасибо, что в годы моего детства и ранней молодости не было ничего подобного нынешним средствам отвлечения от жизни — компьютеров, телевизоров, каких-то планшетов, айфонов, всего того, что теперь именуется гаджетами. Какой сейчас ребенок бросит все свои развлечения, чтобы слушать преданья старины глубокой? Разве только из-под палки. А я длинными зимними вечерами при свете керосиновой лампы — хорошо, что хоть не лучины! — пристроившись около русской печки, где так уютно постреливали поленья, единственное, что могла делать, так это слушать бабушкины рассказы, и поневоле это и стало тем развлечением, которое (я

пойму и оценю это много позже), удачно сочеталось с познавательным моментом. Но познавательный-то он познавательный, да иногда был лишен необходимого внимания с моей стороны, а теперь вот хоть локти кусай - ушло время, ушли люди... "И не с кем плакать, не с кем вспоминать..."

И вот я брожу по своей памяти, по улицам и переулкам, сворачивая иногда нечаянно в тупики, но обязательно выбираясь из них на широкую площадь, потоптавшись там, с удовольствием выискиваю заветные тропинки, с которых не хочется уходить, на которые снова и снова хочется вернуться, чтобы задержать еще и еще раз внимание на каких-то деталях. А поскольку память эта - моя собственная, я становлюсь бесстрашным путешественником, потому что очень хорошо ориентируюсь на местности и прекрасно знаю, где вовремя свернуть в сторону, избежать опасности и не попасть туда, откуда тяжело будет выбираться... И вот она, широкая, залитая ярким светом улица с деревянными тротуарами, с плотно укатанной дорогой, с одуванчиками на обочинах. Как хорошо было босыми ногами бегать в теплой пыли летом, кататься на санках зимой, ссориться, негодовать, мириться, как хорошо было здесь - на улице имени моей бабушки Татьяны Павловны Павлик - взростеть. Другое дело - переулок моего деда: он затянут дымкой, по нему двигаешься с опаской, неуверенностью, потому что на все, что здесь происходило, я всегда смотрела чужими глазами, и передаю только услышанное мною, но не пережитое...

...Я не слишком рано помню себя и все, что вокруг происходило. Самое первое воспоминание, нет, пожалуй, это скорее на уровне ощущения, что я любима. Я прекрасно чувствую это отношение ко мне бабушки и тети Веры и наслаждаюсь от всей души, даже когда мама и папа в отъезде. Самый прекрасный миг - проснуться утром, потянуться в теплой мягкой постели, покачаться на упругой панцирной сетке, проверить, на своем ли месте Иван-дурачок (стояла у нас на шифоньере такая непомерно большая, ярко раскрашенная фигура, где этот знаменитый сказочный герой задом наперед устроился на Коньке-Горбунке), сползти с высокой кровати и по домотканым половикам прошлепать на кухню, где слышались голоса и откуда уже вкусно пахло.

Мне безумно нравилось появляться из-за штор, видеть родные лица, а самое главное - слышать радостные восклицания: "Ой, кто это пришел? Да это же Ольгунька проснулась!" И начиналось усаживание на высокий стульчик, когда-то сделанный дедом для своих мальцов и перешедший ко мне по наследству, наливание молока, начинался день. Это было то самое простое детское счастье, которое необходимо каждому ребенку, хотя бы потому, что он маленький и очень в этом нуждается.

Конечно, мне повезло, что у меня была именно та бабушка, о которой можно было только мечтать. Она была немножко строгая, немножко потатчица, как она себя называла, когда тетя Вера уличала ее в баловстве внучки, она была началом всех моих начал. Именно бабушкой, бабусей мы ее и называли, помню, я была непомерно удивлена, когда услышала от своей подруги обращение к ее бабушке - "баба", мне показалось это страшно грубым, даже оскорбительным.

К стыду своему (мне, кстати, придется часто сетовать на что-то, ускользнувшее из памяти), я не могу сказать, когда бабушка родилась. Будучи уже в более-менее сознательном возрасте, я прикинула, что бабушка немного, лет на восемьдесят младше Владимира Ильича Ленина, а уж его-то дата рождения даже в мою голову, никогда не дружившую с цифрами, вбита была навечно - 1870 год. Меня это страшно поразило. Конечно, бабушка, которой, видимо, к моему рождению было чуть больше шестидесяти, казалась старухой. Но Ленин-то вообще воображался каким-то Хоттабычем, возраст которого не поддавался исчислению! И такая небольшая разница в годах...

Бабушка удивительнейшим образом сочетала в себе полную безграмотность и самые обширные знания в совершенно неожиданных областях. Она, всю жизнь ставившая крестик вместо подписи, познакомила меня с оперой, поэзией, музыкой. Причем, это были не те скучные наставления, которые кроме яростного отторжения у ребенка ничего не вызывают, а какие-то междудельные, промежуточные, мимолетные уроки. Поэтому, наверное, они и запоминались. Все дело в том, что родившаяся в селе Хомутово под Иркутском в крестьянской семье Татьяна попала в Иркутск в горничные в богатую семью. Кроме того, что хозяйин

ее был инженером, я ничего не знаю, или не помню. Но зато помню, что в семье у него было двое детей - мальчик и девочка. Девочка была очень спокойная и послушная, а мальчик - буйный, не поддающийся никакому влиянию родителей. Свой рассказ бабушка заканчивала так:

- И вот они выросли, и девочка вышла в блудницы, а мальчик - в инженеры.

Я понятия не имела, что такое блудница, но по звучавшей в голосе бабушки многозначительности, а главное - по противопоставлению, догадывалась, что плохо быть послушной девочкой, ни за что не "выйдешь в инженеры". И надо было слышать, с каким восхищением и даже придыханием произносилось это слово - "инженер". Да, было время, когда людей, получивших такую профессию, считали состоящими в особой касте. Быть инженером - значило очень многого достичь в жизни, принадлежать к чему-то высокому и гордому...

Но все-таки главным действующим лицом этой семьи для моей бабушки стала хозяйка. Она, видимо, была сторонницей просвещения и свою прислугу старалась приобщить к прекрасному. С чтением бабушка не очень-то поладила, а вот к театру пристрастилась. Хозяйка покупала своей горничной билеты в театр, в оперу, в оперетту, а на гастроли приезжали московские артисты, и что только ни пересмотрела молодая девушка с прекрасной памятью... Поэтому лет в пять я узнала историю Дубровского в том варианте, в котором она изложена в знаменитой опере Направника (и фамилия-то эта засела во мне с тех самых пор). Бабушка рассказывала мне, как любил Дубровский свою мать, как печально обнимал и гладил ее портрет, когда она умерла. Протягивая руки к стоящему на комоду зеркалу, бабушка пела: "О, дай мне забвенье, родная, согрей у себя на груди!" И это выходило так жалостливо, что, слушая даже десятый раз, я обязательно плакала. Да разве только над несчастным Дубровским? А взять Арину Родионовну. Рассказывая, как любил Александр Сергеевич свою старую няню, какой она была доброй и заботливой, бабушка грустно заканчивала: старушки больше нет, не слышно за стеной шагов ее тяжелых... Всё, этого было довольно для нового потока слез, для душераздирающего страха, что и мои родные способны куда-то исчезнуть.

Бабушка -
Татьяна
Павловна
Павлик

Своего деда Корнея Емельяновича Павлик я знаю только понаслышке, поскольку родилась лет через десяток, или чуть больше, после его смерти. Но рассказов о нем я слышала много, не все запомнила, а то, что запомнила, в некоторых случаях подлежит немалому сомнению. Но одно можно сказать точно - человеком он был очень незаурядным и очень своеобразным. Из семейных преданий известно, что дед прибыл на постоянное место жительства в Сибирь из России (так уже и в мои зрелые годы говорили о тех, кто родом был из центральных областей нашей страны, - они из России) не по своей воле. А до этого он учился в Сорбонне, окончив два курса, почему-то оказался в парижской консерватории, где какое-то время занимался по классу скрипки. Вернулся в Россию и после всего, что с ним было, поступил в духовную семинарию. Но, следуя привычной уже схеме, и тут надолго не задержался. Нелегкая занесла его в какие-то студенческие волнения, и самый гуманный и справедливый царский суд быстренько определил нашего деда на поселение в Сибирь. Вот уж не знаю - вечное или нет, но остался он здесь навсегда.

Давние события всплывают какими-то отрывочными моментами, которые можно попытаться соединить в сплошную линию. Видимо, к деду приехала в Сибирь его мать - кто и что она, как ее звали, понятия не имею. Но знаю, что, когда бабушка с дедом еще жили под Иркутском (опять в Хомутово?) бабушке приходилось ухаживать за ней, терпеть ее капризы и постоянное недовольство. Что ж, эту абсолютно теряющуюся

Корней
Емельянович
Павлик.
Фото 1941 г.

во мгле времени женщину можно понять: ее, как и любую свекровь, скорее всего не устраивала темная деревенская невестка, которая явно была не ровней ее сыну, если не всесторонне, то, по крайней мере, многообразно образованному. Помнится разговор о том, что бабушка свою свекровь выводила во двор, усаживала на креслице и должна была следить за тем, чтобы вовремя передвинуть ее сидение в соответствии с перемещением солнца. Причем получала одинаковую порцию недовольства - и за то, что упустила момент, и за то, что беспокоит ее этими перестановками. Женщина все время мерзла и поэтому даже летом была тепло одета и сидела обязательно там, где ярче всего светило солнце. Не помню, чтоб, рассказывая это, бабушка особенно-то возмущалась. Нет, она принимала это как должное. Видимо, я теперь думаю, здесь сказались навыки, приобретенные бабушкой, когда она служила сиделкой в Иркутском сумасшедшем доме.

Об этом периоде ее жизни я слышала много. Но в силу того, что уже в раннем детстве терпеть не могла никаких страшных рассказов, умело пропускала мимо ушей огромное количество бабушкиных историй о сумасшедших, с которыми ей приходилось общаться. Слишком для меня это было грустно, слишком я любила, чтобы все хорошо кончалось. Кстати, с тех пор это свойство расцвело во мне во всей красе. Я с удовольствием смотрю старые фильмы, потому что давным-давно знаю, что конец меня не потревожит. Мои подруги прекрасно осведомлены о том, что любой новый фильм я посмотрю или нет в зависимости от того, о каком его исходе они мне сообщат. "Ольга, смотри, конец - в твоём вкусе" - вот и славно. Никаким триллерам, ужасикам, кошмарикам вообще нет

места в моих пристрастиях. Я, например, с куда большим удовольствием смотрю футбольный или хоккейный матч, если знаю уже его результат. Это же относится и ко всем другим видам спортивных состязаний. Не счесть количества минут, которые я просидела в кинозалах с закрытыми глазами. Реклама фильмов в СССР никогда не была такой подробной, как теперь, но я каким-то двадцать шестым чувством чужая, что сейчас будет страшно, и старалась ничего не видеть и не слышать. И мне это удавалось. Причем, трагедий Гамлета, Ромео и Джульетты, короля Лира и еже с ними, мои чувства не касались. Происходящее с героями Шекспира воспринималось как данность, которая существовала сама по себе, не ассоциируясь в моем понимании со страшным.

Но одну бабушкину историю я, вопреки моему желанию, все-таки запомнила. Видимо, так надо было, поскольку в ней содержался некий поучительный момент, оставшийся со мной до сих пор. У женщины было шестеро детей. Жила ее семья в Хомутово, значит была она бабушкиной землячкой. Работали с мужем, не покладая рук, но все равно бедствовали, как, впрочем, и полагалось многодетной крестьянской семье до революции. И вот напала на деревню "болезнь", а тогда, судя по бабушкиным рассказам, большинство болезней переходило в эпидемию. Это была глоточная (теперь - дифтерит), от которой поголовно мерла ребятня. И надо же такому быть, что у нее ни один ребенок не заболел. Вот как-то она в сердцах и сказала: "У добрых людей дети мрут, а у меня все рты целы, вот хоть кого-нибудь черт забрал". Через неделю у нее не осталось ни одного ребенка, а сама она оказалась в сумасшедшем доме и все кормила ребятшек, рассаживала их за столом, гладила по головкам... И с тех самых пор я твердо усвоила, что проклинать никого нельзя.

Бабушка наклонялась ко мне и тихо говорила, чтобы, видимо, тетя Вера не услышала и не обвинила в религиозной пропаганде (правда, тогда я такими понятиями не оперировала): "Если так скажешь, то Он услышит..." Кто услышит, я понятия не имела, но, ориентируясь по интонации, понимала, что Кого-то надо бояться. Кстати, бабушка, не чуравшаяся крепкого словца, никогда никого не проклинала. И как бы я ни злилась, неважно, на кого, на мою дочь, мужа, кого-то близкого, как бы ни крутилось на моем языке уже распахнувшее крылышки и готовое слететь: чтобы ты

провалился или нечто подобное, я тут же вспоминала бабушкин рассказ...

Вообще, отношения бабушки с Богом были моему пониманию недоступны. В первую очередь, потому, что я вообще не имела понятия о существовании Бога. В нашей возвращенной на ярых идеологических дрожжах семье, кроме рассказов тети Веры о том, как по улицам Тулуна в тридцатых годах бодро маршировали комсомольцы и пели: "Мы на небо залезем, разгоним всех богов", ничего относящегося к религии просто по определению не могло существовать. Но, правда, вспоминая об этом, тетя Вера всегда добавляла: "Какие же мы дураки были"... Трудно поверить, но впервые о Пасхе я услышала лет в двадцать, когда уже работала в редакции. То есть в книгах я, разумеется, встречала и Пасху, и Рождество, и Крещение, но все это становилось неотъемлемой, даже скорее литературной принадлежностью дореволюционной жизни. А верить надо было в пионерку, в комсомол, в партию. Что, в общем-то, и благополучно осуществлялось.

Бабушка с внуками

Но, попав на работу в редакцию, в партийный орган, призванный воздействовать на умы советских людей в самом что ни на есть пропагандистском направлении, я быстренько просветилась. Поскольку моя первоначальная должность корректора находилась где-то между уборщицей и техническим персоналом: как-то - машинистками, кассиром, бухгалтером, то на их уровне я все и узнала - когда и что отмечать... Правда, отношение у них было ко всему какое-то прикладное, что ли: вот несколько лишних праздников к советским прибавились. В церковь большинство из них изредка наведывалось тайком, икон никто не держал, но все твердо знали, что Бог есть и в случае чего можно обратиться к нему за подмогой. Я не обсуждала с ними вопросы религии. Просто помалкивала, понимая, что именно оттого, что они недостаточно знают, как меня убедить, меня же и заклюют. А я во всех этих вопросах ориентировалась еще меньше, чем мои товарищи по работе. Тем более, что и люди, занимающие должности повыше, а именно: заведующие партийным, промышленным, сельскохозяйственным отделами очень осторожно лавировали между атеизмом и религией, опасаясь слишком категорично высказываться по обоим этим поводам. В общем, занимали позицию незабвенного деда Щукаря, который говаривал, что Бога, оно, конечно, нет, но перекреститься надо обязательно, а то разгневаются и саданет в лысину...

При мне уже не работала некто Ирина Матвеевна. Так она в свое время, до конца верная званию пропагандиста и агитатора, революцией мобилизованного и призванного, как-то в день Пасхи залезла на крышу своего дома и на виду у всех демонстративно белила трубу, стремясь доказать, что ничего страшного с ней из-за такого действия не произойдет. И потом с атеистической гордостью рассказывала всем, мол, ничего не случилось, с крыши не свалилась, никто меня не наказал, потому что и наказывать-то Н-Е-К-О-М-У... А вскоре с ее дочерью случилась страшная беда и, в общем-то, поэтому она и увезла семью из нашего города, обменяв квартиру, кажется, на Усолье...

Я никогда не слышала от своих родителей или тети Веры категорических утверждений, что Бога нет. Не знаю, как папа, а в маме и тете Вере, видимо, с возрастом утвердилось что-то, что не

поддавалось четким формулировкам, но, заложенное в глубоком детстве, заставляло как-то уклончиво обходить острые углы. По крайней мере, тетя Вера, которой, по большому счету, было все равно, что я смотрю в кино, настоятельно не рекомендовала мне идти на приснопамятный фильм "Тучи над Борском". Не умевшая подчиняться запретам, я все-таки сходила на детский сеанс и очень хорошо помню, как из старого деревянного клуба "Химик" в Усолье вышла буквально отравленная всем происходившим на экране, причем совершенно не соображая, на чьей стороне мои симпатии. По идее, они должны были принадлежать измученному мракобесами пионеру, но он был такой светленький, так чисто смотрел на мир широко распахнутыми глазами, что почему-то опротивел мне безоговорочно. А бабки, клявшие его за пионерский галстук, были такими отвратительными, что вообще не верилось, что они настоящие. Видимо, противопоставляя очень плохое очень хорошему, кинематографисты по-советски переборщили с красками.

К детским моим воспоминаниям относятся разговоры о Родительском дне. Что это такое, я вообще-то себе представляла очень хорошо: день, когда в пионерском лагере нашим папам и мамам разрешалось навещать своих отпрысков, назывался родительским. Только вот недоумевала, почему в бабушкином случае надо было обязательно идти на кладбище, а тетя Вера Христом Богом - именно так она и говорила - просила ее этого не делать. Начинались долгие уговоры, пререкания, увещевания, в результате которых бабушка все-таки соглашалась на просьбы и оставалась дома. Простенькие самодельные из крашеной бумаги цветочки, купленные на базарчике и казавшиеся мне невообразимо красивыми, отвозились через некоторое время на кладбище на могилу деда Корнея. И вся суть происходящего сводилась, как я узнала гораздо позже, к тому, чтобы никто из пристально бдящих не увидел в Родительский день на кладбище родственнику человека, занимавшего крупную должность в сфере из всех искусств для нас важнейшего - кино, в то время тетя Вера уже была директором киносети. А то ведь недолго было и слететь с этого места человеку, родные которого ведут себя с устращающей идеологической невыдержанностью.

С младшим братом

Кстати, от тети Веры я слышала такой рассказ: был у нас в городе очень известный педагог - Константин Николаевич. Уважаемый человек, талантливый учитель, директор школы, ну, и значит - коммунист с большим стажем, проверенный во всех колыях и мялях. И вот надо же такому случиться, что кто-то увидел Косточку, как его звали ребятишки-школьники, на кладбище в Родительский день и, конечно, благородно сообщил об этом в соответствующие органы. Это был скандал на весь наш город. Как мог человек, призванный воспитывать подрастающее поколение, оказаться тайным мракобесом, можно сказать диссидентом с фронта борьбы за советскую нравственность! Бедный Косточка и сам, видимо, не понимал, каким ветром занесло его на могилку родственника именно в этот день, и путался в объяснениях. От публичной расправы его не спасла даже многолетняя известность и уважение горожан, звание Народного учителя СССР, никакие заслуги в счет не шли. Его персональное дело разбиралось на партийной комиссии, на бюро городского и областного комитетов партии, ему занесли в учетную карточку строгий выговор. Если бы дело касалось только уровня нашего города, не осталось бы ему на плаву, но, видимо, в обкоме нашелся кто-то достаточно умный для того, чтобы удержать карающую руку от последнего движения. Но поминали ему его проступок очень долго.

Я не могу точно сказать, какие молитвы знала бабушка, но она частенько шептала какие-то слова. Я принимала это за нечто, неотъемлемое от ее старческого возраста, мол, - сама с собой разговаривает, и не особенно-то прислушивалась. Прошло полсотни лет, когда я, читая псалом 90, вдруг поняла, что слова "Живый в помощи Вышняго" - это же привет от моей бабушки, эту

фразу я слышала от нее сотни раз, и она осталась в моей памяти. Правда, из всего псалма - только это. А еще - "Отче наш"... Когда мы укладывались спать, а особым простором любое наше жилье никогда не отличалось: в Тулуне была одна комната и кухня, в Усолье в двух комнатах нас помещалось шестеро, так вот, гасили свет, мы затихали и бабушка произносила: "Отче наш...". Дальше я ничего не разбирала, только шепот, и, совершенно успокоенная, засыпала. И каждый вечер я напряженно вслушивалась в темноту, ага, бабушка начала: "Отче наш!" Я понятия не имела, что это такое, слово "молитва" относилось для меня к разряду чисто книжных понятий, но во мне жила неизвестно откуда взявшаяся уверенность: если бабушка пошептала, с нами ничего плохого не произойдет.

А вот, что мне рассказывала тетя Вера, когда уже и сама была на пенсии, и бабушка давно умерла. Стирали белье дома - на руках. То есть ставили в большую цинковую ванну стиральную доску и на ней методом трения отстирывали все - и одежду, и постельное. Никаких порошков не существовало, использовалось одно стиральное средство - хозяйственное мыло.

Вот с этим-то выстиранным бельем мы с тетей Верой и отправились на речку, где произошло событие, часто упоминавшееся в рассказах тети Веры о моем раннем детстве. В моей памяти, учитывая тогдашний возраст всего в четыре года, ничего не сохранилось, но слышано это было немалое количество раз.

Итак, тяжелый таз с мокрым бельем приставлялся к бедру и доставлялся на речку к деревянным мосткам, которые начинались у берега, где просвечивали сквозь прозрачную воду камешки, а заканчивались на быстрине, где, собственно, и осуществлялся сам процесс, про который говорилось: что не достирали, то отполощим. Это был уже, скорее всего, конец сентября, потому что я была в сапожках, пальтишке и шапке. Тетя Вера пристроила меня на мостках и занялась делом. За шумом бегущей воды, смешанным с хлопающими простынями, она едва расслышала какой-то всплеск сзади и, обернувшись, обнаружила, что меня нет. Быстрая вода затащила меня под мостки, закрутила, кинувшаяся к другой стороне бревен тетя Вера

ухватила за мелькнувшее в воде красное пальтишко и вытащила меня из ледяной воды. Она бежала со мной на руках к дому, побросав все, что принесла, на речке. Слава Богу, топились печка, меня раздели, затолкали на эту самую печку, заставив приходить в себя после ледяного купания на благословенных кирпичах, верой и правдой в критические минуты простуды служивших средством исцеления, а в остальное время - лучшим способом высушивания промокших валенок и сапог.

Бабушкина версия моего чудесного спасения из вод, рассказанная торопливым шепотом, такова: категорическое ее возражение против моего путешествия на речку было таким же категорическим тоном отвергнуто. Тогда она решила сделать то, что, возможно, и проделывала втайне от тети Веры, но тут уже пришлось осуществлять у нее на виду, поскольку все было собрано и готово к походу, не поведешь же ребенка куда-нибудь в сторонку, ибо все равно в таком случае придется отвечать на вопрос: зачем. Вот так, пренебрегши привычной конспирацией, бабушка меня перекрестила. На гневное тети Верино: - Мама! - она отозвалась не менее гневным: - Верка, умолкни! Кстати, такой словесный выпад свидетельствовал, что чаша терпения у нашей достаточно нескандальной бабушки переполнилась и лучше от нее отступить. Согласно бабушкиному варианту, я непременно должна была утонуть: глубокое место с беспокойным течением, затащившим меня под бревно, мгновенно намокшая тяжелая одежда, тянувшая ко дну - все это служило безоговорочным условием моей гибели.

- И вот в этот момент тебя как будто кто-то вытолкнул из воды, а Верочка тебя и поймала.

Бабушка с такой твердой уверенностью произносила "кто-то вытолкнул", что после нескольких повторений рассказа у меня не осталось сомнений: на дне реки живет некто, чьи длинные, почему-то в моем представлении, синие и тонкие руки поймали меня и подбросили. И я еще больше боялась реки и практически так и осталась с этой боязнью человеком, не понимающим прелести купания. Меня было не заманить покатавшись на лодке, не тянуло присоединиться к весело плещущимся у берега ребятишкам, и до сих пор я боюсь остаться с водой наедине.

Тетя Вера как-то уклончиво, не опровергая, но и ни в коем случае не подтверждая бабушкину легенду, потом уже, вспоминая этот случай, заканчивала рассказ четко и коротко: в общем, ты свалилась в речку, я тебя вытащил.

Очень хорошо я запомнила такой случай. Бабушка умирала. В этом уже ни у кого не было сомнений. Она лежала на кровати такая бестелесная, еле шепчущая, что я уже боялась появляться дома, старалась как можно больше времени проводить на улице и не смотреть лишней раз в сторону бабушкиной кровати. В Усолье приехала тетя Вера, даже редкий гость - дядя Витя (Виктор Корнеевич Парфенов, работавший в Братске председателем объединенного стройкома Братскгэсстроя) появился, пришли и Витя с Лёвой - наши двоюродные братья, уже к тому времени жившие в Усолье. Мы, ребята, еще ни разу не сталкивавшиеся с понятием "смерть", не знали, как себя вести, толклись в углу комнаты. И вот Лёва наклоняется к самой подушке и спрашивает тихонько:

- Бабуся, ты чего-нибудь хочешь?

В ответ - легкий шепоток.

Лёва с ошеломленным видом повернулся к нам и растерянно выговорил:

- Она хочет пельменей.

- Да ты что! Ни в коем случае! Пельмени её убьют! - наперебой заговорили мама и тетя Вера.

Дядя Витя прошелся по комнате, немного помолчал и сказал:

- Левка, беги в магазин, Манька, ставь воду.

И не дав никому возразить, произнес:

- Хочет есть - пусть ест.

Уже на другой день бабушка ходила по квартире, потом вышла на улицу, а дальше - жизнь покатила по накатанной колее, как будто ничего и не было.

Мне удалось подслушать разговор взрослых (дети ведь всегда случайно оказываются там, где их не должно быть), но я узнала, что бабушка, оказывается, соблюдала пост и совсем оголодала.

Положим, что такое пост я знала. Но каким образом связаны человек с ружьем - сразу же в памяти возникло разученное на уроке пения: лес дремучий снегами покрыт, на посту пограничник стоит, ночь темна и кругом тишина, спит Советская наша страна - и бабушка, понять не могла. А разговор кончился маминым увещанием:

- Мама, ну ты же старый человек, тебе

необязательно придерживаться поста, ты же болеешь, тебя Бог и так простит.

Ну, тут уж вообще все запутано. И, главное, спросить не у кого. Бабушка обязательно ответит своей любимой присказкой: "Не суй свой нос в чужой вопрос, не то тебе отрежут нос", а маме лучше не признаваться в грехе подслушивания.

Теперь я понимаю, что все выглядело следующим образом: бабушка постилась, не ставя никого в известность - не та семья, где могут оценить и поддержать. Значит никаких специальных блюд для нее не готовилось, а основой нашего домашнего меню была молочная каша, яйца, какие-нибудь мало-мясные, но все-таки - мясные супы. Видимо, бабушка, не садясь со всеми за стол, объясняла это тем, что уже поела или плохо себя чувствует, а сама употребляла в пищу чаек и сухарики, слабела, посещение врача ограничивалось определением давления и моральной поддержкой: "Бодритесь, бодритесь, вы еще молодцом!", вот бабушка и дошла до такого состояния, когда лучшим средством спасения оказались пельмени, давшие ей возможность прожить еще около десятка лет.

О своем муже бабушка вспоминала часто, и хотя в ее рассказах он не всегда представлял для меня, мягко говоря, положительным героем, осуждения в голосе бабушке никогда не слышала.

От жизни во Франции у деда остались скрипка, на которой он играл в консерватории, и одно словоупотребление. Приходя домой в состоянии, в котором, согласно известной поговорке и должен находиться настоящий сапожник, то есть пьяным, как говаривала бабушка, до положения риз, дед свое появление превращал в ритуал, который никогда не нарушался. Обычно, возвращаясь откуда-нибудь, он просто толкал дощатую дверь, запиравшуюся только на ночь. Но, пребывая в состоянии кондиции, он долго и тщательно молотил кулаком в дверь. Причем, никак нельзя было раньше времени ему открыть, нарушение сценария каралось особыми санкциями. По окончании стука бабушка должна была с неким подобием поклона открыть, дед, не переступая через порог, вопрошал:

- Мы приемлемы или не приемлемы?

- Приемлемы, Корней Емельянович, приемлемы.

Несмотря на состояние, именуемое тоже по-

сапожники, стелькой, дед, ровно шагая, добирался до табуретки, которую бабушка должна была обязательно обмести фартуком, усаживался и произносил коронное:

- Же ву при, мадам?

- Же ву при, Корней Емельянович, же ву при, - скороговоркой отвечала бабушка.

- А чего тогда усугубила? - имелись ввиду поджатые бабушкины губы.

Тут полагалось молча подать стакан чая, после которого следовало сакраментальное:

- Ну, смотрите у меня, а то я вам такое "же ву при" покажу, - и дед удалялся спать.

Вторая часть французского наследства - скрипка - бесследно исчезла в недрах КОРа. Эта аббревиатура принадлежала культурному учреждению - Клубу Октябрьской революции. Среди многочисленных самодеятельных мероприятий числился там и спектакль драматического кружка, активисткой которого была тетя Вера. Заглавный герой пьесы А. Корнейчука небезызвестный в советское время доктор Платон Кречет по ходу действия, обдумывая разрешение традиционного конфликта плохого и хорошего, играл на скрипке. Доморожденные мастера из доски вырезали некое подобие музыкального инструмента, даже покрасили его в соответствующий цвет и соорудили из палки смычок. И все бы сошло для неискушенного в ту пору полудеревенского зрителя, но тете Вере не давал покоя без дела пылящийся в доме такой замечательный элемент реквизита. Всякими правдами и неправдами, обещая, что вернет обязательно инструмент назад, она выпросила его у деда... И после триумфально сыгранной постановки не нашла скрипку.

Что ж, будем считать эту пропажу вкладом нашей семьи в бездну общих потерь, связанных с Октябрьской революцией.

Я не знаю, каким образом в результате перипетий своей жизни дед превратился в сапожника. Приобрел ли он такое умение до ссылки, или обстоятельства этого потребовали от несостоявшегося священника и музыканта, но мы, его внуки, большинство рассказов слышали о деде как обладателе именно этой профессии, с ней он и закончил свой жизненный путь. Одно точно можно сказать: было у нашего деда качество, которое не

Дед
Корней в
студенческие
годы.
Фото 1901г.

позволяло ему быть, как бы теперь сказали, халтурщиком. Стал сапожником - добился такого мастерства, что в губернском конкурсе выиграл приз за сапоги, сшитые без шва. Кстати, я помню, маленькой, как у бабушки появлялись иногда в гостях старинные знакомые и вспоминали, какая обувь выходила из рук Корнея Емельяновича. "Несносная, истинный Бог, несносная", - говорили счастливые обладательницы ладно скроенных и прочно сшитых туфель, в том числе и на каблук, имея ввиду, разумеется, ее долговечность, пусть и выражая это с нарушением неведомых им норм языка.

Увлёкся дед охотой - занимался этим вполне профессионально, завел собаку - сеттера, особенно любил ходить на утку. Встал к верстаку - и красивым буфетом, комодом и прочей мебелью украсилось небогатое жилище.

Дед не терпел над собой никакой власти, контроля, абсолютно все решения принимал сам, ни с кем не советуясь. Бабушка, повинаясь какому-то неизвестному принципу, своим детям давала имена, начинавшиеся на букву "в" - Виктор, Виталий, Валентина (умершая от обезвоживания по недосмотру полуграмотного "фершала", строго запретившего давать ей пить во время неудержимого поноса), Вера. Младшая дочь - наша мама - должна была по традиции стать Валерией. Собственно, и стала, именно так все и обращались

к младенцу. Пришло время получить метрики, дед отправился в соответствующее учреждение, вернулся, бросил бумажку на стол.

- Записал Валерочку, Корнюша?

- Придумала имя какое-то собачье - Валерочка, Валерочка! Манькой будет!

Категоричность и безапелляционность деда доходила до абсурда. Сидит, бывало, сучит дратву, бабушка просительно произносит.

- Денег бы надо, Корнюша.

- ?..

- Лекарство купить, у Верочки горло болит.

Тут же звучало решительное:

- Обьелась!

Этот кулинарный диагноз был окончательным для любого недомогания - от больной ноги до кашля, и признавался единственный способ лечения - поменьше кормить.

При все этом, когда умерла бабушкина сестра и бабушка, горюя об осиротевших маленьких ребятишках, не знала, что делать, дед, никому ничего не сообщая, купил билет на поезд и через некоторое время привез откуда-то из-под Красноярска маленькую Женю (вторая сестра осталась с отцом) и поселил ее у себя. Настало время идти девочке в школу - он так же молча сходил и записал ее Евгенией Корнеевной Павлик.

Примером своеобразного характера деда вполне может служить такой случай. Обувь он шил из материала заказчика. Раскраивал кожу всегда очень рационально, остатки возвращал в обязательном порядке. Бабушкины поползновения предложить деду как-нибудь сэкономить на ботиночки вечно босым ребятишкам, пресекались на корню. И вот однажды один из заказчиков, оговорившись, что он, конечно знает репутацию деда, все-таки попросил раскроить кожу при нем и вернуть излишек. Дед безропотно у него на глазах произвел все необходимые манипуляции, объясняя при этом, что и куда пойдет, довольный клиент унес честно отслеженные остатки, а оскорбленный в лучших чувствах дед сообщил бабушке:

- Я, мать, тебе тут на чирки выкроил.

Бабушкина безропотность по отношению к деду не только прощала всю его эпатажность, но и

оправдывала ее, что для меня было вообще непостижимо:

- Ну, он же обижал тебя, - возмущалась я.

- Да нет, - отказывалась она, - просто тяжело ему было так жить.

- Ему тяжело! А тебе?

- Мне-то что, баба - она тягучая, все выдюжит.

Максимализм, присущий юности, толкал меня на категоричные высказывания:

- Я бы вообще с таким не жила.

- Ты что, - удивлялась бабушка, - мужа же Бог дает...

И для нее этим было сказано все.

Любила ли я свою бабушку? Теперь с полной уверенностью могу сказать - любила. Но в детстве ведь не оперируешь такими понятиями: я очень хорошо помню, как я ссорилась с ней, ругалась, даже ненавидела в какие-то моменты, связанные, разумеется, с бабушкиными запретами. Но не помню случая, чтобы я подумала: вот я люблю свою бабушку. Складывалась парадоксальная ситуация: я не замечала ее присутствия, но буквально пропадала, когда бабушки не было рядом. Я просто не мыслила жизни без нее, знала, что она припасет для меня что-нибудь вкусненькое, что я приду из школы и дома обязательно встретит бабушка, что заступится в случае чего за меня тоже бабушка, что она даст советы, с которыми я буду не согласна, вступлю в яростный спор, но потом обязательно почему-то случится, что бабушка-то оказалась права.

О многом думаешь с сожалением, задним умом, как говорится, мы все крепки. И вот, что понимаешь теперь: устройство нашей советской жизни лишило бабушку, может быть, самого главного в ее жизни - общения с Богом. Ни о какой, даже самой маленькой иконке не могло быть и речи, само желание побывать в церкви (- В церковь бы сходить, - иногда вздыхала она) уже приравнялось к стремлению погубить октябрятско-пионерско-комсомольско-партийное (сообразно возрасту каждого из нас) положение членов семьи...

В седьмом классе - это был 1968 год - мы из Усолья ездили на экскурсию в Тельму - целенаправленно в церковь. По какой причине сочли необходимым повезти именно в церковь и в

чем состояла суть этого посещения, я не помню. Но прекрасно помню, как поразил меня священник, разговаривавший с нами. Почему-то думалось, что вот сейчас к нам подойдет какой-то карикатурный поп (ну, мы же были советские дети и рассматривали рисунки в "Крокодиле", например) и грозно заявит, что Бог есть, а нам надо приготовиться к отпору... Возвращались мы притихшими и никем насильно не обращенными в веру, просто каждый из нас услышал такое, что при анализе даже нашими неокрепшими умами не поддавалось никакому атеистическому объяснению.

Бабушка с нетерпением ждала меня. Ей хотелось, как я теперь понимаю, хотя бы моими глазами посмотреть на место, где так и не смогла она побывать последние десятилетия своей жизни. Но что могла я ей сообщить, не умевшая еще и собственных-то чувств понять. Выслушав мой куцый рассказ, бабушка вздохнула:

- Счастливая ты.

Мое понятие о счастье сильно разнилось с бабушкиным.

- Чего это?

- У Бога побывала.

Ну, это уже было слишком.

- Да не у Бога, а в церкви, - объяснила я слабо разбирающейся в действительности бабушке.

- Не понимаешь ты... Ничего, когда-нибудь поймешь, придет время.

Ах, бабушка, моя дорогая предсказательница, ты, как всегда, оказалась права. Пришло время, когда не надо тайком крестить внучку, записывая ее под чужим именем. Не надо вымаливать разрешения побывать в церкви, с тоской прислушиваясь к колокольному звону и незаметно крестясь. И на кладбище ты могла бы теперь попасть именно в тот день, который тебе требовался, а не в тот, который тебе предписывали.

Но знаешь ли ты, что даже твоего предвидения не хватило на то, что твой младший внук станет священником, пойдя по стопам нашего недоучившегося деда. Видимо, все закономерно. Кто-то должен был прочитать твои непрочитанные молитвы, отслужить пропущенные тобой службы, выпросить прощения всем твоим путевым и непутевым родственникам... ■

Дети во дворе

Ананин Данил. Кулич

ПРО-ЧТЕНИЕ

«Главная польза от чтения... не связана ни с великолепием стиля, ни даже с воспитанием наших чувств. Читать хорошие книги полезно потому, что они не дают нам стать «истинно современными людьми».

Становясь «современными», мы приковываем себя к последнему предрассудку; так, потратив последние деньги на модную шляпу, мы обрекаем себя на старомодность.

Дорога столетий усеяна трупами «истинно современных людей».

А литература... непрерывно напоминает нам о немодных истинах, уравнивающих те новые взгляды, которым мы могли бы поддаться...»

Гилберт Кийт
Честертон

Иванов С.И.
Плакат
«Чтение -
одна из обязанностей
человека»
1920 г.

С любезного разрешения Валентина Григорьевича Распутина
журнал «Врата» публикует этот рассказ

Валентин РАСПУТИН

Русский прозаик;
родился 15 марта 1937 года в
селе Аталанна
Усть-Удинского района
Иркутской области

Валентин Распутин

На реке Ангаре

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мальчику исполнилось шесть лет, и не просто исполнилось, а именно в этот день — Первого мая. Ледоход обычно тоже приходился на конец апреля — начало мая. Ему, мальчишке, мало было того, что его день рождения столь удачно совпал с праздником, ему ещё хотелось, чтобы к этому дню обязательно тронулся лёд на Ангаре.

С раннего утра Первого мая он сидел на берегу, вглядываясь в посиневший, вспучившийся лёд. Никогда ещё не приходилось ему видеть первый, решающий толчок, который срывал лёд с места, и теперь он ждал его с нетерпеливым вниманием, больше всего на свете боясь, что день кончится раньше. Где-то в деревне пели, ярко светило солнце, с низовий даже и не дул, а легонько плыл над рекой мягкий, ровный ветерок, донося откуда-то свежий и прохладный вербный запах только что освободившейся воды. Река беспокойно возилась, покачивалась, вздыхала. Порой изнутри доходил глухой, утробный шум, затем раздавался быстрый и сильный, как выстрел, треск, и по льду вспыхивали трещины. Вот-вот всё это должно было сорваться с места, закружиться, зашуметь, поплыть, но стояло. Держалось какими-то силами, цеплялось за что-то, упиралось, но никуда не двигалось. Весь день он прождал понапрасну, вечером его с трудом увели домой.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Среди ночи он проснулся от неясного дальнего гула, который то затихал, то вдруг возникал снова. В другой раз шестилетний мальчишка наверняка тут же спрятался бы от него с головой под одеяло и постарался скорей уснуть, но теперь последняя надежда заставила его пересилить страх и подняться с постели. Следуя какой-то посторонней властной силе, он ощупью добрался до двери, неслышно приоткрыл её и выскользнул на улицу. И небо, и земля были затянуты сплошной, крошечной теменью, сквозь которую ничто нигде не проступало, но дорогу к реке он знал и с закрытыми глазами. Смешно и неловко подпрыгивая, боясь налететь на забор, но ещё больше боясь идти шагом, он бросился на берег.

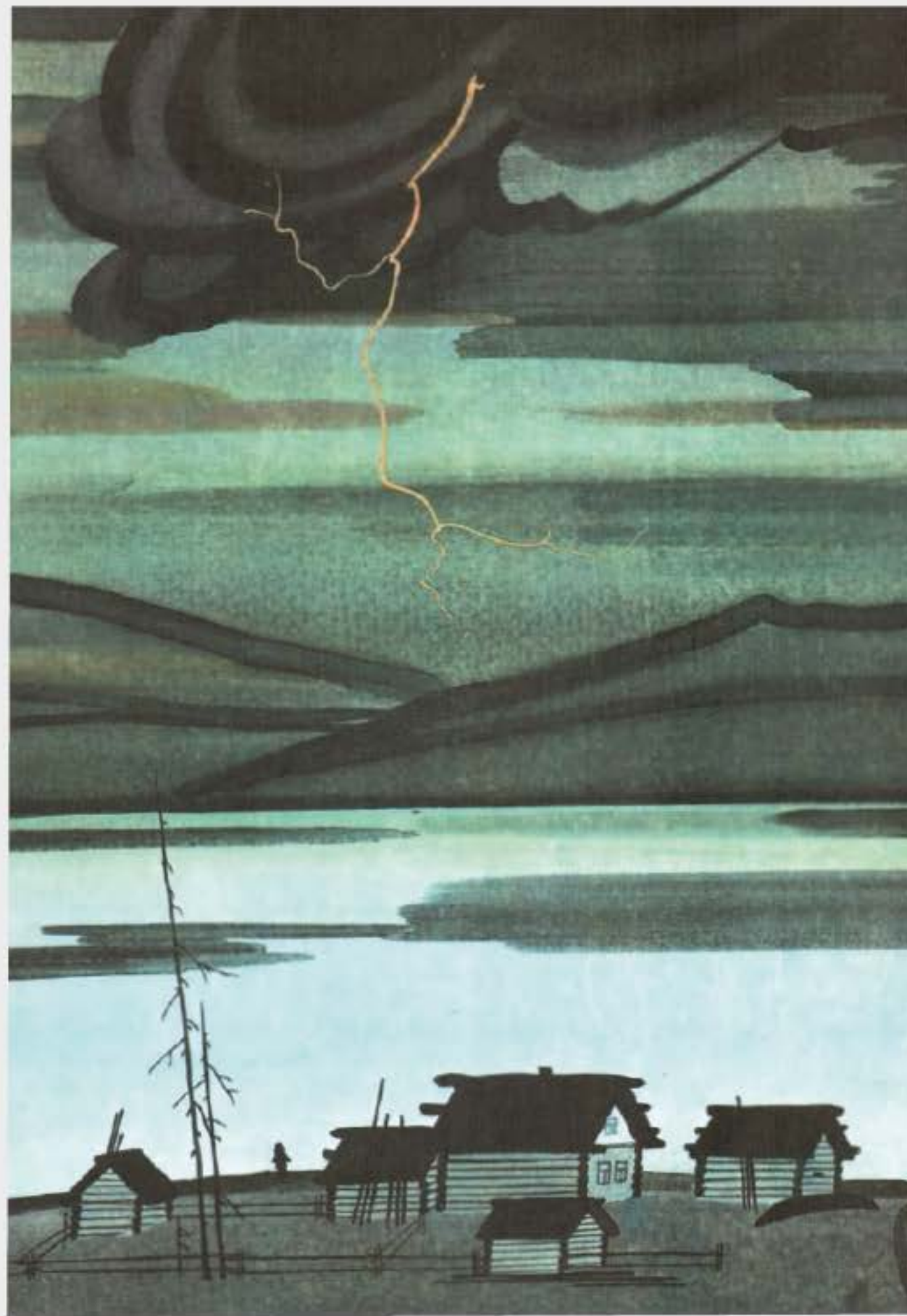
Здесь было светлее. Ото льда поднималось слабое серое мерцание. И в нём он легко рассмотрел, что река как стояла, так и стоит. Ничего в ней с вечера не изменилось. Она даже как-то успокоилась, притихла.

Где-то далеко в тайге зарокотало, набрало силу и покатилося, покатилося прямо на деревню, грозя раздавить и смять её, и только чуть-чуть не докатившись, развалилось. Надвигалась гроза. То, что он принял за шум реки, было громом небесным, первым в ту весну, родившимся неожиданно и поначалу негромко. Вспыхнул и тут же погас короткий свет молнии, и снова направился гром, выпрямляясь в своём движении над рекой, и снова застрял неподалёку от деревни.

Небо теперь было могучее и страшное. По краям, сливаясь с землёй, оно уходило в бесконечную темь, сверху нависало огромной неспокойной тяжестью. В нагромождении туч, двигаясь и меняясь, зловещей синевой пылали какие-то полосы и пятна. В промежутках между ударами грома, когда наступала тишина, с высоты доносился невнятный, едва уловимый, шум — не то шуршание туч, не то приглушённый свист ветра.

Гром гулял уже над самой деревней. Он начинался неохотно, лениво, словно не зная, стоит или не стоит греметь, но, растравив себя ворчанием, вдруг делал мгновенный и яростный прыжок в сторону и тяжело, натужно лопался, взрывался, разбрасывая вокруг множество гремящих осколков. Не успевал отшуметь один раскат, возникал другой.

Гроза, добиваясь дождя, всё накалялась и накалялась. Небо из совершенно чёрного, непроглядного стало тёмно-багровым и выделилось чётче. Гром бил размеренно и зло, без той сдержанности и игривости, что были вначале, он взрывался сразу и, не ослабляя, гнал этот взрыв, покуда где-нибудь в другой стороне не вспыхивал новый. Всё вокруг было заполнено только грохотом, подстёгиваемым частыми взмахами молний, всё сжималось и трепетало перед ним, а ему уже не хватало пространства, он задыхался от ярости... — вот-вот должно было произойти — что-то и совсем уж страшное.

ЛЁДИДЕТИ

И оно произошло. Молния хлестнула, как обычно, тонким, длинным росчерком, но не погасла, а вдруг, словно запутавшись, закружилась, заплесала и разошлась широким концом, обнажив жуткий голубой огонь. Бешеной, небывалой силы грохот сразу же схватил всё небо, раздирая на части, — оно треснуло и обвалилось.

Мальчишка закричал и упал, не смог устоять, но сразу же опять вскочил на ноги. Он услышал, хотя не в состоянии был ни слышать и ни видеть, каким-то чудом он услышал, как звук раздираемого неба слабей и легче, но тот, тот самый звук повторился где-то неподалёку от него. В неожиданно-радостном предчувствии он вскинул голову и увидел, как, ломая лёд, выносит середину реки. Её только-только сорвало, её полоса была совсем неширокой.

И сразу же упал дождь. Гроза стала быстро отходить, молния взблескивала лишь в одной стороне, на самом краю неба, туда же, совсем присмирив, переместился гром. Небо потемнело и притихло. Из него сыпал дождь.

...Ещё несло льдины, лёд лежал на берегах, а ребяташки уже забрасывали в мутную зеленоватую воду перемёты. Вскрывшаяся река была полной и нетерпеливо-быстрой, от её открытого свободного движения вокруг становилось сразу просторней и выше; в звонком и легком воздухе со свистом проносились стрижи, снижаясь и чиркая о воду белыми брюшками; звучала капель из нависших над каменишником тяжёлых ледяных козырьков; весело и широко играло солнце. Было какое-то особое — чуткое и тайное счастье в том, чтобы, чуть приподняв нитку перемёта над водой, слушать, как тыкает рыба наживку; в волнующем ожидании замирало сердце, и весь огромный мир сходил в одну эту тонкую нитку, по которой передавались толчки.

Скоро река выправлялась, освободившись от всего лишнего, чужого, снесённого в неё с гор шальными весенними речками и ручьями; вода в ней становилась тёмно-голубой, прозрачной, так что далеко было видно дно; течение натягивалось, находило свою неторопливую, спокойно-быструю силу, которую могло сбить только долгое ненастье.

НА ТЕПЛОХОДЕ

В своё первое путешествие мальчик тоже отправился по реке... За окном теплохода, за неширокой полосой воды, всё скользил и скользил берег, за кормой удивлённо и неохотно вскипала вода и, подобрavшись, катила на две стороны волны. Берег часто менялся: то низкий, ярко-зелёный, на свежей зелени пасутся коровы, то за поворотом сразу яр, наверху постройки, вниз, к воде и лодкам, ведут ступеньки, возле лодок прыгают, что-то кричат и машут руками ребятишки, возле домов, прикрываясь от солнца ладошками, стоят взрослые.

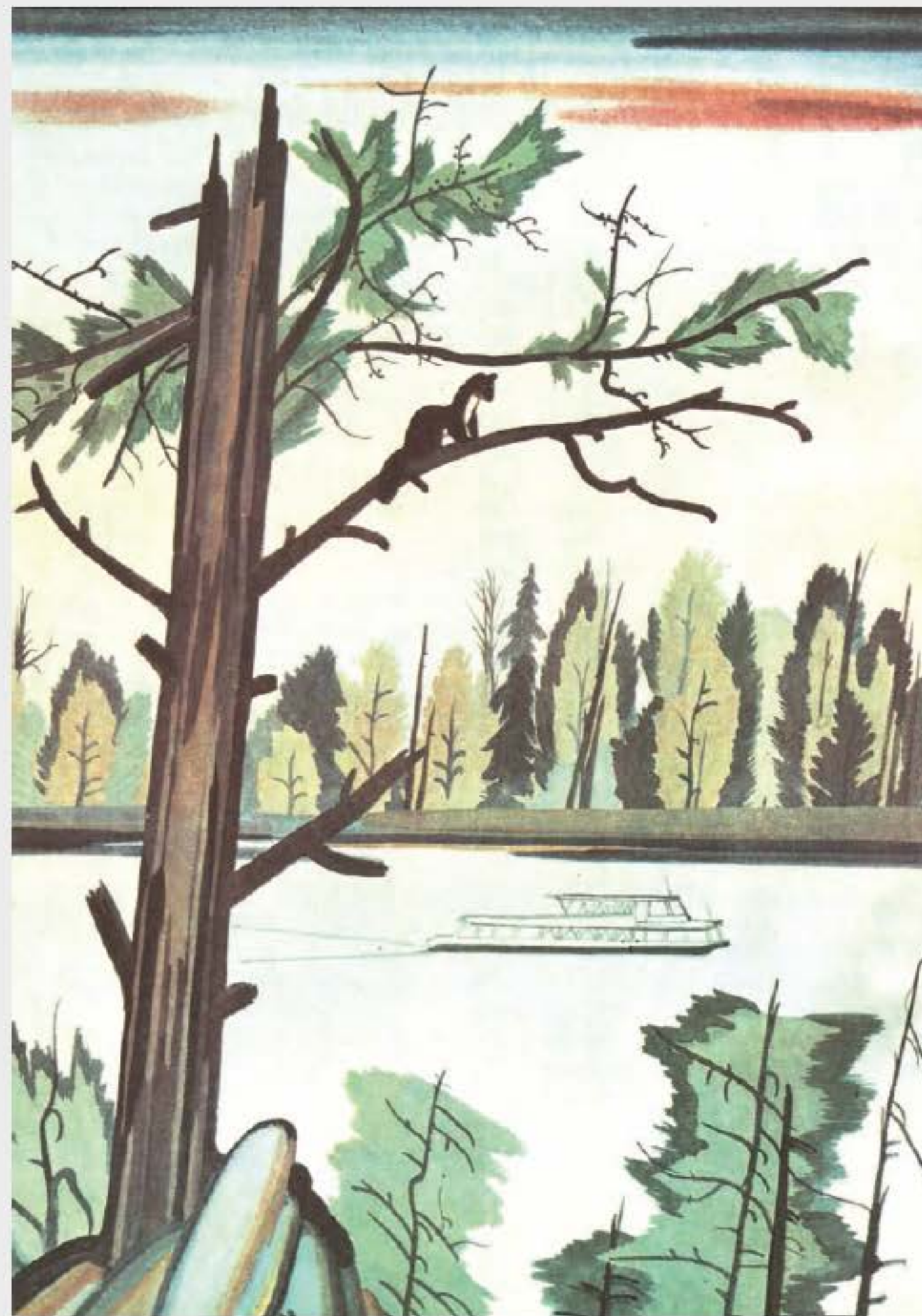
Вот и солнце ушло, на берега легла сплошная густая тень, и только у самой воды, узкой полоской желтел каменишник. Горы вдали, молчаливые и низко сгорбленные, заволакивало серой, едва уловимой дымкой. Кое-где уже пробивались огоньки, но, помигав, пропадали, растворялись в неверном и зыбком свете сумерек. Небо казалось подтаявшим, размытым, звёзды на нём еще не проклюнулись, горизонт мягко и невидно сливался с землёй. Мерно и приглушённо шумела за бортом вода, да от катившейся по камням волны долетало осторожное и ленивое журчание.

Мимо, совсем близко, прошумел остров, высокий и закруглённый, как баржа. Как хорошо теперь на островах, где поднимаются мягкие и нежные, будто мех, травы, и особенно ярко и щедро цветут цветы. От ветров гнутся в одну сторону деревья, но стоят крепко, кряжисто, широко раскинув цепкие и тугие корни. Возле воды заросли ольхи и тальника, а дальше ягодник — больше всего смородины. И всегда на острове возникает удивительное — обманчивое и одновременно верное ощущение движения, словно ты на корабле, на пароходе, плывущем медленно и важно. Знаешь, что стоишь на твёрдой земле, но под ногами, передвигаясь, мелко подрагивает, поворачивает то влево, то вправо, и ты уже не в состоянии сопротивляться — плывёшь куда-то осторожно и загадочно.

Ночь на реке. Звёзды, ещё не назрев, были по-весеннему далёкими и мелкими. Зато луна, круглая и полная, висела под небом совсем низко и празднично. В её серебристом свете всё вокруг лежало в блаженном оцепенении, и только река, в глубине которой отражалось ночное небо, сверху отсвечивала зелёным надменным сиянием.

С неба сорвалась звезда и, прочертив горящую линию, погасла. И тут же невесть с чего, как спросонья, коротко и жалобно хныкнул гудок теплохода. В отходящей к берегу волне, удлиняясь в свечки, играли звёзды. Встречный ветер, треплющий освещенный прожектором флаг теплохода, дул поперёк и не тревожил речную гладь. Изредка сбоку возникали жёлтые или красные огни бакенов, возле них шумела вода.

Широко и ярко гуляла над землёй ясная майская ночь, но на востоке, там, где заниматься заре, начинал слабеть край неба. Шёл новый день...

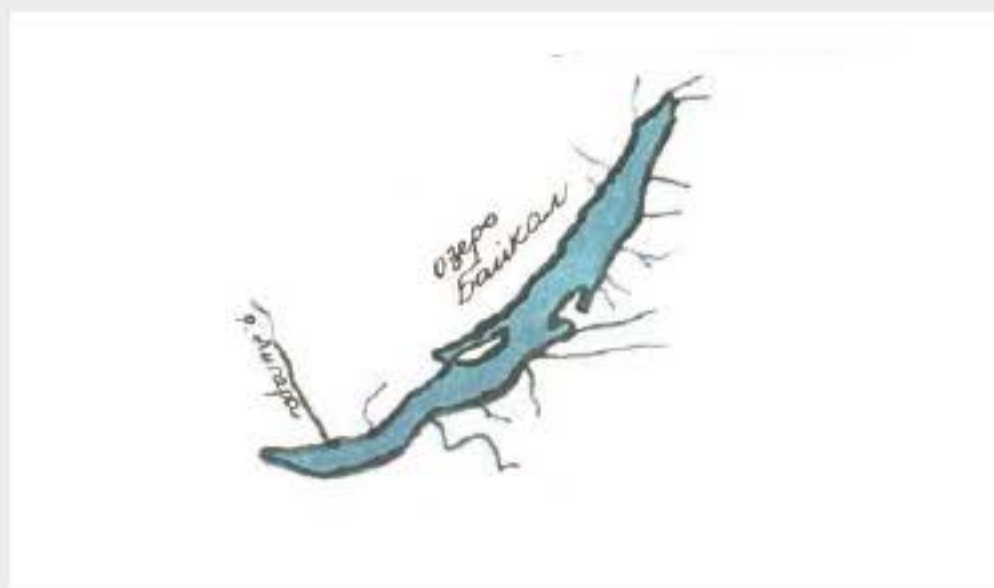
ЗАРЕКОЙ

Летом они всей семьей уплывали за реку на сенокос, брали там ягоды, потом грибы. Мальчик выпрашивал себе у бакенщика два ближних к сенокосному наделу бакена, по вечерам зажигал их, по утрам гасил, научился не хуже взрослых подниматься в лодке на шесте, управляться с одноручным веслом. Ему доставляло неустойчивое, бесконечное удовольствие бывать на реке, заглядывать в её жуткую, заманчивую глубину, в сильный вал, испытывая своё счастье, сталкивать лодку и грести от берега, всё дальше и дальше, взлетая и проваливаясь в волнах, а затем, удачно вернувшись, считать себя победителем и думать, что река после этого сразу стала спокойней.

ВЛОДКЕ

В тёмные осенние ночи дедушка брал мальчика с собой лудить. В носу лодки ярко и бойко горело смольё. Дедушка, широко расставив ноги и терпеливо вглядываясь в воду, стоял подле огня с наготовленной острогой, а он, сидя в корме, бесшумно правил веслом. Река устало и глухо сносила их вниз. В тяжёлом металлическом цвете воды слабо поблёскивал опавший лист. Лопались и меркли пузырьки. Где-нибудь посреди реки неведь с чего в спокойную погоду долго держалась на одном месте длинная полоса зыби, мерцающая непонятным волнением, которая затем так же неожиданно, как и появлялась, исчезала. Было сыро и зябко, огонь лишь дразнил недостающим теплом, но было и тревожно-сладостно, необыкновенно на душе от проплывающих в строгом молчании склонённых с берега кустов, от таинственных всплесков, возникающих то здесь, то там, от дальнего крика ночной птицы, от сказочной пляски огня, на который где-то мчитесь и никак не можете остановиться ошалевшая от его сияния рыба.

336 И ОДНА

Тайга никогда не волновала мальчика и не питала, как река. Тайга оставалась на месте, между тем как река могла исчезнуть, уплыть, кончиться, обнажив на память о себе голое каменистое русло, по которому станут бегать собаки. По утрам, боясь признаться в этом даже самому себе, он осторожно шёл проверить, не случилось ли что-нибудь с рекой, и не понимал, почему это больше никого не тревожит, почему все спокойны, что река и завтра будет течь так же, как текла вчера и позавчера.

Потом взрослые люди объяснили ему, что его река особенная, не похожая на обычные реки, которые начинаются с маленьких ручейков, а затем, набирая воду, принимая на себя все новые и новые притоки, становятся широкими и полноводными, такими, какие они есть. Его же река вытекает из огромного озера, даже моря, из знаменитого Байкала, богаче и красивей которого во всём мире ничего нет. В Байкал впадают 336 больших и маленьких рек, а выносит эту воду одна Ангара. Поэтому она не может кончиться, объяснили мальчику. Он представил себе 336 рек и свою реку, с восхищением подумал о её силе и успокоился. Нет, его река, не похожая на все другие, умереть не может.

Он был ещё мальчик и других опасностей для реки не знал.

Рисунки П.Багина

из книги В.Г. Распутина "На реке Ангаре"

(издательство "Малыш": Москва, 1986)

Эпов Сергей

Родился в Иркутске в 1960 г.

Окончил Иркутский Институт

Водного Хозяйства.

Поэт,

член Союза писателей

России.

Если интонация ничего не

сообщила -

Информация ничего не

добавит.

Душа была уже, а когда

уходила -

Знала точно, кого прославит.

В чём ужас семи пятниц на неделе? -

А в том, что именно моя нигде

Не помещается. Вот я ещё в постели.

Но точно опоздал уже везде.

Честное имя дороже второго

Честное слово оно уже сердце

Если не слышишь как оно бьётся

Тогда-то рядом стоять

Случилась жизнь, потом случилась смерть.

Осталась музыка, а тело — в яму с хлоркой.

Фрагмент дождя — глухой аплодисмент.

И твердь небесная, запёкшаяся коркой.

Покинуть всех... уйти в долину

предков... где не кормить, как

Где не кресты - а царство из

людей.

Оставив в терминале старый

требник...

На свете нет счастливей

повестей.

Увидеть тех, кого давно так

любишь.

Заочно всей душой восприняв,

По-очередки каждого обняв...

И никого при этом не осудишь.

Ни до, ни после... просто

между нами.

Есть время... время - больше

ничего.

Нет прошлого... есть сходство

голосами...

Есть связь... от своего до

своего.

аже серый в яблоках таракан, обречено было назваться Лоттой. И дело здесь не в любви к немецким именам (хотя и кошка у меня потом звалась Герда). Это, по сути, музыкальное недоразумение. Дело в том, что у моей любимой группы LED ZEPPELIN есть одна из моих любимейших вещей — из альбома «LED ZEPPELIN — II»: «Whole Lotta Love». Хотя у L.Z. - Lotta — не означало имя. Эта фраза представляла из себя почти идиоматическое выражение и в переводе на русский означало «Много-много любви» или «Куча любви». А английское «Lot» - в одном из своих значений - именно «много», «масса». Но для меня, с самого хард-рокового детства, это слово было всё равно, что имя... А слово, по сути, и есть имя. Имя вещи, явления, существа. И из «скуле» (школы) Плант поджидал именно юную Лотту. Не ту, которая в Веймаре. А ту, которая в Вустершире.

равно, что имя... А слово,

которая в

Ну, так вот. Отца Лотты я не

была постоянно претитудуемат

хот в один из счастливых по

похороненных. Почему я это пом

тогда ещё существовал и раст

QUEEN «Innuendo» и мы

Василий (с

щенка и не

обслуживат

сарого мх

понимал.

подносил

пищи — а все

первое пед

заране мир

шенков ос

- равообра

начнёт за денками бе

чмокнул её

Короче, Лоттой, в «Ралу

себя нормально, точне

д о и с т

Это был ден

микрорайо

кутюрье, н

дело. А куп

решили с

хуже необ

чудовищ (и

повтора

животных.

у ш е я.

И вот. Приг

ужиреу. Ул

обоколол

собака д

прочертил

расправил

важчи уш

ни о чем

поскупива

руки пона

пожом. Все

четыре ла

чего держ

ничего не

чувствовала, казавшая и увидев так, что я уже готел был

зарозать этого кутюрье, вместе

животным... чтобы та уже не мучилась, чтобы

желец. «Собака кричала нечеловеческим голосом» -

дежурно шутил в кутюрье, хрумкая ножницами. «Насобачился, гад - злобно думал я» - кончал

(девять дней одного дога)

День первый. Точнее, нулевой.

То есть, всё ещё было невидимо и

неустроено... И в душе моей

смутно носились разные

желания, ищущие — во что бы

реализоваться...

Любое животное, которое могло появиться у меня в то время, да и не только в то,

будь то собака, кошка, хомячок, крокодил, ящерица, игуана, какая-нибудь рептилия

или даже серый в яблоках таракан, обречено было назваться Лоттой. И дело здесь не

в любви к немецким именам (хотя и кошка у меня потом звалась Герда). Это, по сути,

музыкальное недоразумение. Дело в том, что у моей любимой группы LED ZEPPELIN

есть одна из моих любимейших вещей — из альбома «LED ZEPPELIN — II»: «Whole

Lotta Love». Хотя у L.Z. - Lotta — не означало имя. Эта фраза представляла из себя

почти идиоматическое выражение и в переводе на русский означало «Много-много

любви» или «Куча любви». А английское «Lot» - в одном из своих значений - именно

«много», «масса». Но для меня, с самого хард-рокового детства, это слово было всё

равно, что имя... А слово, по сути, и есть имя. Имя вещи, явления, существа. И из

«скуле» (школы) Плант поджидал именно юную Лотту. Не ту, которая в Веймаре. А ту,

которая в Вустершире.

Ну, так вот. Отца Лотты я не знал. А вот мать её видел. И не раз. Имя она носила

какое-то простое, рабоче-крестьянское, чуть ли не «рабыня Изаура» и была

постоянно третируема и заушаема моим другом — её хозяином. Он неоднократно

предлагал нам щенка, но мы с женой всё как-то сомневались. И вот в один из

счастливых помётов его догини мы сломались. И соблазнились на крохотного,

недельного детёныша. Это было в воскресенье. Почему я это помню — потому что в

этот день я перед визитом к другу ходил на «пятак» - музыкальный нелегальный

рынок, который тогда ещё существовал и располагался возле ДК «Октябрьский», как

раз напротив дома моего друга. В тот день я приобрёл недавно вышедший си-ди

QUEEN «Innuendo» и мы, сидя на кухне, слушали этот диск, а особенно -

не нравившуюся всем «I'm going slightly mad».

...так вот. Отца Лотты я не знал. А вот мать её видел. И не рва. Имя она носила какое-то простое, рабоче-крестьянское, чуть ли не «рабыня Иззуря» и

146 | про-чтение
была постоянно трепещущей. Она была — её хозяином. Он неоднократно предлагал нам щенка, но мы с женой всё как-то сомневались. И вот в один из

воскресенья. Почему Василий (мой друг) объяснил нам, что необходимо для щенка в первую очередь, чем, как и сколько кормить, как обслуживать и воспитывать, про маленькие кусочки сырого мяса он тоже не забыл... И про всё это я ещё понимал, но вот, как выгуливать маленького щенка на поднос после каждого шестиразового (по началу) приёма пищи — я всё не мог усвоить... это желательно было делать первые недели, потому что на улице его поджидала вся зараза мира в виде чумки и интерита. На тот момент из щенков оставалось двое — мальчик и девочка. Остальных — разобрали. Жена друга Лариса сказала: «Берите лучше девочку. А то этот подрастёт — начнёт за девками бегать... А от девочки — щенки пойдут — доход семье». И мой друг, взяв в руки девочку-щенка, чмокнул её в нос: «У-у-у-у, зобака такой!». Ну, девочка — так девочка.

Короче, домой, в «Радужный», мы поехали с женой в радужном, иннуэндовском настроении. В поездке щенок вёл себя нормально, точнее, пока никак себя не вёл, он — только ещё определялся и умильно глазел на нас своими карими доисторическими глазами. А то этот подрастёт — в руки девочку-щенка, — так девочка. чмокнул

Короче, домой Это был день, когда я возил Лотту на купирование ушей. В микрорайон «Байкальский» Там жил тогда некий собачий кутюрье, имевший немалую практику в этом щекотливом деле. А купировать уши догу — вещь необходимая. Это мы решили с женой единогласно.

Ибо некупированный дог — хуже необрезанного иудея. Видел я этих вислоухих чудовищ (в смысле, догов) — жалкое зрелище — ни два, ни полтора. Дураки они, эти «зелёные» борцы за права животных, протестующие против купирования собачьих ушей. Нашли за что бороться.

И вот. Прибыл я с Лоттой к этому живодёру, то есть, ухорезу. Уложили собаку на специальный стол. Кутюрье обколол Лотте уши каким-то обезбаливающим. И пока собака дозревала, он взял лекало и фломастером прочертил ей прямо на ушах, предварительно тщательно расправив их на столе (а у Лотты были дивной красоты заячьи уши), стильные, волнообразные линии. Лотта, ещё ни о чём не подозревавшая, косила глазами и слегка поскуливала. «Начнём» — сказал мастер-закройщик и взял в руки ножницы. А я-то думал, что он это будет делать ножом. Всё-таки, не лист бумаги... Я держал собаку за все четыре лапы, навалившись на неё со всей силы, ибо было чего держать. Не смотря на обещания кутюрье, что собака ничего не почувствует, собака всё прекрасно чувствовала, скулила и билась так, что я уже готов был резать этого кутюрье вместе с истерзанным животным... чтобы та уже не мучилась, ибо всё равно не жилец. «Собака кричала нечеловеческим голосом» — дежурно шутил кутюрье, хрумкая ножницами. «Насобачился, гад, — злобно думал я, — кончал бы уж скорее». «Ну, вот тут-то нервных окончаний нет — чего ж она орёт?» — деловито удивлялся он. «Не знаю» — отвечал я сипло, глотая слёзы... Потом он долго зашивал ей уши, стягивая по краям разошедшуюся кожу. В этот же день для Лотты необходимо было сделать высокий стоячий воротник, вроде тех, которые носили графини, чтобы не царапать чешущиеся уши (в смысле собаке). Как мы шли домой — отдельная история. Сама Лотта, обезумевшая от боли, шагать была уже не в состоянии. Видимо, ей хотелось удавиться. Я взял собаку на руки и пошёл к троллейбусной остановке. Поразмыслив немного, я понял, что ехать нам такими и после такого среди нормальных людей — нельзя. И я пошёл пешком. Через плотину и дальше. Устал, как две собаки. Когда я доплёлся до дома, то был уже совсем обессиленный и весь в крови, которая сочилась из ушей Лотты, за что от жены мне же ещё и попало. Воротник мы ей тут же выкроили и присобачили на шею. Как ни пыталась Лотта достать до ушей — никак у неё не получалось. Не видать ей было своих ушей, как своих ушей. Она мотала головой, падала на пол — всё бесполезно. Пришлось смириться. Такова жизнь. Лишённая троллейбусной

людей — нельзя. И я пошёл пешком. Через плотину и дальше. Устал, как две собаки. Когда я доплёлся до дома, то был уже совсем обессиленный и весь в крови, которая сочилась из ушей Лотты, за что от жены мне же ещё и попало. Воротник мы ей тут же выкроили и присобачили на шею. Как ни пыталась Лотта достать до ушей — никак у неё не получалось. Не видать ей было своих ушей, как своих ушей. Она мотала головой, падала на пол — всё бесполезно:

ВРАТА 2014/01

сертификат или даже серый в яблоках таракан, обречено было назваться Лоттой. И дело здесь не в любви к немецким именам (хотя и кошка у меня потом звалась Герда). Это, по сути, музыкальное недоразумение. Дело в том, что у моей любимой группы LED ZEPPELIN есть одна из моих любимых вещей — из альбома «LED ZEPPELIN — II»: «Whole Lotta Love». Хо

выражение и в перевод бокового зрения, собака теряла ориентацию и сшибала все углы. Как раз тогда к нам приезжал друг нашей семьи — священник с матушкой и детьми. Все дружно умилялись над собакой, которая косолапила на своих стройных дожачьих ногах. В этом роскошном белом воротнике она напоминала Элеонору Аквитанскую.

Моя коллега по отделу в институте Валя Терентьева звала догов «голый мужик». И в этом что-то было. Как-то раз, дома, я привязал Лотте на хвост бантик из шёлковой ленты. «Сними — сказала жена — Стриптиз какой-то». Действительно, стриптиз... Собака — что так, что так — голая, а вот прицепишь деталь одежды — и что-то появляется... Надо уж наряжать их полностью или уж пусть так голые ходят — в чём мать родила. Зимой Лотта выгуливалась в специально сшитой для этого дела шубейке... М-да... барышня-крестьянка...

Когда вечером Лотта ужинала, поглощая свою порцию сырой рыбы или мяса с кашей, аппетитно при этом чавкая, ученики на частных уроках музыки у жены — в соседней комнате — неудержимо и весело ржали... какие уж тут уроки. Иногда я устраивал с Лоттой гонки — мы носились с ней по квартире — по квадратной дуге — через большую комнату, коридор, в спальню, сшибая двери и углы, скуля и визжа в два горла. Это называлось «охота на оленя». Оленем был естественно тоже я.

Как советовали товарищи-договеды, мы не позволяли Лотте валяться на кровати и диване.

Тем не менее, она это очень любила. Иногда я разрешал ей посидеть со мной на диване. Лота чинно сидела рядом, свесив вниз задние извилистые дожачьи ноги, выставив вперёд ключицы. Я обнимал одной рукой её узкие плечи, приговаривала: «Лотта — друг» (в смысле я — человек). Жена криво усмехалась: «Ой-ой-ой, тоже мне, друзья...»

Когда же мы сгоняли обнаглевшую собаку с дивана, она нехотя сползала, оставаясь в полусидячем положении, касаясь передними лапами пола, попой продолжая сидеть на диване. Задние ноги оставались подвешенными, как на домкрате. Это выглядело смешно и мы не сильно настаивали на этой диванной дисциплине. Воспитательный эффект, понятное дело, практически сводился к нулю.

Выгуливая собаку в Академгородке, я перезнакомился со многими собаководами. Зелёная зона Академгородка кишела доберманами, догами, ротвейлерами, боксёрами и другими породами собак. Хозяева собак часто даже не знали друг друга по именам, но вот наши собаки знали друг друга гораздо лучше. Мы же говорили, в основном, конечно, о собаках — что они едят, чем их лечить, как лучше выгуливать. Одна девочка, хозяйка молодого ротвейлера, который постоянно носился вокруг Лотты, пытаясь запрыгнуть на неё, отгоняла своего питомца и сердито говорила: «Уйди, позорник. Не умеет ещё ничего, а туда же». В свою очередь, от любопытного ротвейлера она отваживала демократичных и добродушных дворняжек: «Пошёл вон отсюда, блохастик».

Приучивши собаку ходить на поднос (лист из духовки), мы долгое время никак не могли потом заставить её гадить на улице. То есть, там она чинно-благородно вышагивала, отказываясь портить экологию, а возвращаясь домой, отрывалась по полной программе. И чего мы только ни придумывали... Дело было, видимо, в том, что породистые собаки, в отличие от понятливых дворняг и чистоплотных лаек, созревали поздно, а умирали рано, и мозг у них включался незадолго до смерти, если они, конечно, не чувствовала, скулила и билась так, что я уже готов был резать этого кутюрье, вместе с истерзанным животным... чтобы та уже не мучилась, ибо всё равно не жилец. «Собака кричала нечеловеческим голосом» — дежурно шутил кутюрье, хрумкая ножницами. «Насобачился, гад, — злобно думал я — кончал

2014/01 ВРАТА

не умирали от чумки или интерита ещё в своей собачьей молодости. И Лотта, как и положено вырождающимся французским королям и королевам, переболела всеми возможными династическими заболеваниями. Начала она с чумки, а закончила интеритом. Я бегал по ветеринарам и аптекам, покупал лекарства, шприцы (оказалось, что они все человечьи, потому что специальных собачьих не бывает). Мы делали ей по насам уколы – внутривенно и внутримышечно. Внутримышечно – элементарно: берёшь собаку, закидываешь её спиной к себе на колени, она естественно расставляет свои лапы, ты ей втыкаешь во внутреннюю сторону ляжки шприц – и никаких проблем. Собака, как правило, даже сообразить ничего не успевала. Это даже я умел делать. А вот внутривенно... Вена у собаки ловится плохо, и она гуляет вдоль тонкой и жёсткой лапы. Пока жена её виртуозно ловила, я держал собаку, навалившись на неё всем телом. В общем, вылечили мы её... Это было три месяца мучений и для нас, и для собаки... Осталось только небольшое подёргиванье мышцы на животе – последствие интерита (в самый тяжёлый период собаку просто колотило – она билась, как в припадке эпилепсии), но большинство собак после этого обычно умирало.

Самое главное мы поняли уже поздно. Для животного — что собаки, что кошки — важнее всего — человеческое присутствие. В одиночестве животное начинало сходить с ума и искать себе заделье, которое, как правило, и находилось, и плоды которого сразу же обнаруживались в виде изгрызанных ножек стульев и столов, дверей, косяков, обуви и т.д. Один раз Лотта стащила со стола за свисающий ремень чехла швейную машинку, которая весила килограммов десять, и уронила её на пол, после чего корпус машины треснул... Жена в тот момент была на кухне и, услышав грохот, застала уже швейный агрегат, торцом втыкнувшимся в пол, словно сбитый самолёт. Как-то раз попало от меня и жене: я случайно обнаружил торчащий изо рта собаки кончик нитки. Потянув за него, я вытащил иголку, которую Лотта проглотила... «Не твои ли это вещички, Дуня-тонкопыха?» - ядовито спросил я жену. Та скромно потупила взгляд.

Собака гадила на постели, диване, коврах, которые в итоге пришлось убрать.

И вот. Но самым тяжёлым испытанием для меня был повседневный режим. Собачьей жизнью жил именно я. Выгуливание рано утром, до работы, в обед (институт был недалеко от нашего дома), когда я прибегал и сходу начинал прибирать всё, что собака успевала наделать до обеда, потом выгуливал её, кормил, если успевал — ел сам и убегал опять на работу. Не считая походов за лекарствами в рабочее и нерабочее время. Два выгула ещё вечером — по приходе с работы и перед сном, которых часто не хватало. Короче, силы мои были на исходе.

Я понимал, что в таком режиме воспитать из неё нормальную собаку будет невозможно. Мы очеловечивали её – то есть излишне жалели и излишне наказывали, психовали. У моих товарищей-дожатников с собакой кто-то постоянно находился – или бабушка, или дедушка, или брат-сестра, или сын-дочь, то есть хозяин не был постоянно привязан к своему питомцу, не бегал, как сумасшедший, за лекарствами, для этого надо было просто позвонить бабушке или дедушке, папе или маме. Так же обстояло и с выгуливаниями: кто-то всегда мог выйти с собакой из дома.

Однажды, прибежав в обед с работы домой, прибирая за собакой, я, распылившись, сгоняя её с подстилки, расположенной около входной двери, пнул её одетой в тапок ногой. Собака легко увернулась, а я сломал палец, приложившись к дверному косяку. Дальше ехать было некуда.

царапать чешу
боли, шагать
троллейбусно
людей – нельзя. И я пошёл пешком. Через плотину и дальше. Устал, как две собаки. Когда я дошёл до дома, то был
уже совсем измождён. Уши, как из крови, которая сочилась из ушей Лотты, за что от жены мне же ещё и понало. Воротник мы ей тут же выкроили и присобачили на шею. Как ни пыталась Лотта достать до ушей – никак у неё не получалось. Не выдать ей было своих ушей, как своих ушей. Она мотала головой, падала на пол – всё бесполезно.

«Whole Lotta Love». Xi
выражение и в переводе
из своих значений –
равно, что имя... А ослыс
возможность спокойно выгуливать её. И Лотта, ценя присутствие хозяина, стала
исправляться, платя добром за добро. Жизнь, вроде бы, наладилась. Лотта стала моим
лучшим другом. Никаких претензий у нас с ней друг к другу больше не было. Но только на
эти три недели.

Стоило мне выйти на работу – всё началось сначала. У меня опустились руки. И я сказал жене: «Я так больше не могу. Выбирай – или я, или собака». Жена уже не возражала. У неё у самой был загруженный рабочий график – это даже не обсуждалось. Всё было слишком очевидно. Мой друг, у которого мы взяли щенка, говорил: «Ну, потерпи ещё немного, и она образумится». Сколько немного? Да и просто так ничего не происходит – для «вразумления» нужен был другой образ жизни. В нашей ситуации это было невозможно.

В предпоследний день перед расставанием с Лоттой я пришёл с ней с прогулки. Лотта держала в зубах свежие газеты и преданно смотрела на жену. «Можно подумать...» - сказала жена. Иллюзий у нас уже больше не оставалось. Для их реализации кому-то из нас надо было бросать работу. А этого мы себе позволить не могли.

Как-то, придя вечером домой, я застал странную картину: в большой комнате сидели, закрывшись, моя жена, музыкальные ученики, двоюродный брат жены (он тогда несколько дней жил у нас) — шёл урок музыки. Собака же, предоставленная самой себе, тщательнейшим образом рассортировала мусор из кухонного ведра, растащив его по остальной свободной территории квартиры и подумывала, чего бы ещё такого полезного сделать. Досталось в тот раз не Лотте, а жене — всё должно быть по справедливости.

Короче, я недолго простоял с табличкой на груди «Продаётся дог» на Свердловском рынке. Молодой парень родом из Балаганска решил приобрести ещё одну собаку. Одна у него уже была и, кажется, тоже дог. Парень жил в большой семье, которая держала магазин. Там было место и для собак: в большом дворе был вольер. Да и работа для догов тоже была: видимо, было чего охранять. А это — самый лучший вариант: собака должна быть при деле.

Эта была ден
микро-район А перед этим, ровно за неделю, Лотту попыталась взять одна девушка — подруга моих
кутюрье, и знакомых. Она очень хотела догину. Через два дня она вернулась с собакой. «Извините,
дело. А купно я больше не могу. Она отказывается от еды, непрерывно скулит и бьётся головой об
решили с жуглы. Я уже не в состоянии на это смотреть». Лотта, радостно виляя хвостом, носилась по
хуже не обквартире. А я не знал — радоваться мне или горевать. Понятно было одно — это только
чудовищ (вотсрок главных мучений, которые ещё впереди...

Когда парень из Балаганска забирал её, я отдал все лоттины причиндалы, в том числе, и оставшиеся лекарства. Плату я взял с него символическую, что его немало удивило. Да и деньги эти я потом полностью оставил на подносе для пожертвований в Крестовоздвиженской церкви — легко и просто. Хотя на душе у меня было далеко не легко и совсем не просто. Я понимал, что эта собака — мой грех и моя глупость. Я знал, что никогда не забуду её. И тосковал я по ней потом долго. Долго и ужасно. То, что она снилась мне через ночь — об этом можно и не говорить. И мучиться мне по этому поводу, да и не только по этому — бессрочно...

№ 1 (1) 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Протоиерей
Александр Белый-Кругляков

Заместитель главного редактора
Священник
Александр Сергеев

Художественный редактор
Ксения Орехова

Члены редколлегии:
Священник
Игорь Коконев

Священник
Николай Складенко

Анна Складенко

Ксения Якимович

Дмитрий Шевченко

Ольга Шенеман

Сергей Элов

КОНТАКТЫ

Адрес: 666683, город Усть-Илимск, улица
Карла Маркса, дом 4

Телефон: 8-9025795098, 8-9041347055

e-mail: vrata.bezh@mail.ru (редакция
журнала)

izdatotdel@gmail.com (издательский
отдел Братской епархии)

ВРАТА

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Никита Краснов. Храм Киприана и Иустины

← Дима Загумёнов. Пасха

Дима Загумёнов. Пасха